

ТОЛСТОЙ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ

ПО ЗАПИСЯМ В ДНЕВНИКЕ М. С. СУХОТИНА

Публикация Л. Н. Кузиной

В литературе о Толстом большое место занимают мемуары и дневники современников. Наибольший интерес представляют свидетельства людей, которые долгое время находились рядом с писателем и записывали его разговоры, события его жизни «по горячим следам». Разумеется, облик каждого из этих людей, их общественно-политические позиции налагали свой отпечаток на характер записей, и с этим приходится считаться современному читателю. Критического подхода требуют и публикуемые нами записи о Толстом из дневника Михаила Сергеевича *Сухотина* (1850—1914) — зятя писателя, мужа его старшей дочери Татьяны Львовны.

Сухотин был весьма далек по своему мировоззрению от Толстого, о чем он сам пишет в дневнике. Но среди его суждений по тем или иным вопросам некоторые вызвали сочувствие Толстого.

Судя по дневнику Сухотина, у него было настойчивое желание написать «психологический этюд» под названием «Ложь», где бы высмеивалась и клеймилась та ложь, которая царствует «в семье, религии, науке, государстве». «Современное самодержавие», «невозможность писать и говорить, гонение за веру, административный произвол», «жалкое, холопское духовенство», — вот темы и материал для «воображаемого сочинения» Сухотина. В дневнике Сухотина сохранился набросок его письма к кн. В. П. Мещерскому, издателю «Гражданина», «самоу консервативному», по определению В. И. Ленина, публицисту (В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 20, стр. 197). Письмо составлено в резких обличительных тонах: «Краеугольный камень вашей проповеди, — обращается Сухотин к Мещерскому, — есть поддержание существующего в России самодержавия. А подобная проповедь может исходить либо из недомыслия, либо из расчета <...> Да разве эта благоустроенная возможность с одной стороны подсовывать, скрывать, обманывать, с другой стороны подписывать, быть в руках дворцовой камарилки, закрывать себе все пути для узнавания правды не есть результат тьмы и безмолвия, а эта тьма и безмолвие не есть результат и почему-то неминуемые спутники современного самодержавия? <...> Вы журналист и понимаете, какая бывает потребность у человека, уверенного в правоте своих убеждений, делиться этими убеждениями с другими. Вам эту возможность дает наше самодержавие, потому что вы преклоняетесь перед ним, а мне это право не только не дано, но если узнают то, что я пишу вам, и отгадают, кто автор, то мне жестоко достанется. Что же вы находите и этот порядок справедливым?» При стремлении «правительства все привести к «кладбищенскому порядку», т. е. к полному молчанию», — пишет в дневнике Сухотин, — Толстой был для него «единственным светильником «в темную ночь», и «без которого все погрузилось бы» в какой-то кошмарный, непроглядный и безысходный мрак: «одни Л. Н. имеют право и возможность безо всякого страха и без «эзоповского языка» говорить

правду власть предержажим, заступаться за обиженного и оскорбленного, будить совесть у обидчика» (запись от 12 декабря 1901 г.).

Однако критическая позиция Сухотина по отношению к самодержавию не выходила за пределы скрытой, пассивной и не очень-то стойкой оппозиционности. Он осуждал М. А. Стаховича, одного из основателей «Союза 17 октября», — партии крупных помещиков и буржуазии — за его верноподданнические речи, но в качестве депутата I Государственной думы сам примыкал к этой партии, хотя и не считал себя «правоверным октябристом». Его обличительные суждения о самодержавии, его критика социальных порядков в стране явственно ограничивались классовой дворянско-помещичьей позицией. Наблюдая за «разгорающимся пожаром» революции 1905 г., Сухотин понимал, что власти традиционной политикой насилия и произвола не только не могли «потушить» этот пожар, но еще больше разжигали его. В его статьях «Страшно» и «Кто ты?», оставшихся, по-видимому, в рукописях, чувствуется растерянность и опасение оказаться «беззащитным против рабочих волнений в городах» и «аграрных беспорядков в деревне» (ЦГАЛИ, ф. 508, оп. 4, ед. хр. 1—2). В революционный 1905 год Сухотин стремился в Ясную Поляну не только потому, что она была «санаторией» для его души, как он пишет в дневнике, но и потому, что от Ясной Поляны «Тула близко, т. е. все-таки кое-какие власти, кое-какие войска и грозные для ошалелых мужичьих голов казаки» (запись от 6 декабря 1905 г.). Сухотин считал, что крестьяне «безо всякого права» захватывают «земли и усадьбы помещиков» (запись от 4 ноября 1905 г.). Толки о малоземелье крестьян казались ему преувеличенными. Основную причину волнений в деревне, вслед за официальной пропагандой он склонен был усматривать не в малоземелье и не в гнет других многочисленных пережитков крепостничества, а в том, что крестьян подстрекают «левые партии»: их пропаганда нашла «благоприятную почву в русском мужике», «жадном на землю». Признавая необходимость разрешения аграрного вопроса («не предвижу возможности и остаться при status quo» — дневниковая запись от 1 июня 1906 г.), Сухотин вместе с тем находил положение «безвыходным», так как «принудительное отчуждение» земли у помещиков приведет, по его мнению, лишь к «разорению государства, голоду», «понижению культуры» и не успокоит крестьян.

Сухотину был непонятен и глубоко чужд «мужичий демократизм» Толстого: «Я живу здесь тяжелой, нерадостной жизнью, — читаем в дневниковой записи Сухотина, сделанной в его имении Кочеты 25 июня 1906 г. — Я постоянно сталкиваюсь с мужиками, этими мудрыми и хорошими людьми, по словам Л. Н., которым мы, бары, а затем горожане, полицейские, министры и цари мешаем устроить хорошую, мудрую жизнь! Я с ними сталкиваюсь и на себе испытываю все их озлобление, всю их узкость, недалекость, всю их завистливость, недоверчивость, непорядочность, плутовство, все их нахальство, постоянно смеющееся подлой и деланной приниженностью». Статьи Толстого, содержащие отрицание всех основ помещичье-капиталистического общественного строя, были Сухотину не просто неприятны, но вызывали с его стороны плохо замаскированное чувство враждебности. Написанный в 1910 г. очерк «Сон», являющийся едва ли не самым сильным из всего, написанного Толстым против земельной собственности, Сухотин в своем дневнике назвал «плохим», потому что в нем Толстой признавал права крестьян на всю помещичью землю и на все имущество в усадьбах, созданное теми же крестьянами и рабочими.

Всякое «полевание» Толстого было Сухотину не по душе. Не понимая, что «левое» направление Толстого неизбежно вытекало из всего его мирозерцания и проявилось уже в 1879 г. в статье «Церковь и государство», т. е. в первой статье, написанной после происшедшего в его мировоззрении перелома, Сухотин наивно объяснял всякое замеченное им «полевание» Толстого влиянием или «давлением» Черткова. Так, например, 28 августа 1908 г. Сухотин записывает в дневнике: «А это за последнее время подчеркнутое выражение сочувствия со стороны Льва Николаевича революционерам, от которых, в сущности, он стоит много дальше, чем от Столыпина, тоже дело рук Черткова». Не говоря уже обо всем творчестве Толстого, ответом на эти домыслы Сухотина о причинах сочувственного отношения Толстого к революционерам могла бы быть и одна дневниковая запись, сделанная Толстым в имении того же Сухотина 11 июня 1909 г.: «Мучи-

тельное чувство бедности, — не бедности, а унижения, заботности народа. Простительны жестокость и безумие революционеров <...> Не могу выносить, хочется бежать» (т. 57, с. 82). Сухотин сообщает много любопытнейших фактов из жизни Толстого, но его понимание этих фактов, выводы и сопоставления часто крайне субъективны и произвольны (например, сближение Толстого с «Московскими ведомостями», определение учения Толстого как «христианского анархизма» и т. д.).

Бликие отношения не могли заслонить непримлемого для Толстого образа мыслей Сухотина: «М<ихаил> С<ергеевич> чужд»; «Едва ли есть какой бы ни было забитый, страдающий от роскоши богат<ых> бедняк, <который бы> чувствовал и чувствует всю несправедливость, жестокость, безумие богатства среди бедности так, как я <...>». Особенно живо чувствую это теперь у Мих<аила> Сер<геевича>, именно потому, что он порядочный, благообразный насильник — разумеется не виноватый в том, ч<то> не чувствует» (т. 58, с. 212). Даже то, чем Сухотин, кажется, близок Толстому — отрицание и высмеивание лжи, религиозной и государственной, — часто не удовлетворяло Толстого. «М<ихаил> С<ергеевич> — спокойная, красивая ирония надо всем. Сначала внушает, но потом видишь, ч<то> за иронией ничего нет. Ирония ради иронии», — записывает Толстой 9 июля 1908 г. (т. 56, с. 366).

Но наряду с приведенными высказываниями о Сухотине нередко встречаются в дневнике Толстого и такие: «Много ходил с М<ихаилом> С<ергеевичем>. Я его начинаю просто любить», «как всегда, приятный», «милый М<ихаил> С<ергеевич>», «читал М<ихаилу> С<ергеевичу>», «он сделал верные замечания» и т. д. (т. 54, с. 63; т. 57, с. 52, 54, 73). Несмотря на расхождение Сухотина с Толстым в общественно-политических и философских взглядах, их личные отношения оставались дружескими. «Люблю ли я действительно Л. Н.? — спрашивает себя Сухотин. — Пришел к заключению, что да, в то, что заставило меня призадуматься, т. е. те периоды раздражения и осуждения, которые я иногда переживаю, происходят именно оттого, что я любимого человека желал бы видеть свободным от тех недостатков, слабостей и противоречий, на которые я натыкаюсь временами при близких сношениях со Л. Н. Особенно я огорчаюсь его тактическими ошибками, которых так легко можно было бы избежать, освободись он из-под влияния Черткова» (запись от 28 августа 1908 г.). Сухотин, по его словам, чувствовал большую привязанность к Толстому как к человеку, рядом с которым ему было легче думать, дышать, жить. На эту привязанность Толстой отвечал теплым чувством. Кроме того, оппозиционность Сухотина по отношению к самодержавию, мировоззрение «дворянина честного и остроумника» (по определению Толстого, — т. 56, с. 239), многогранность умственных интересов, широкая образованность (Сухотин был воспитанником Московского и Гейдельбергского университетов), — все это делало встречи с Сухотиным интересными для писателя. Толстой «охотно слушал», когда Сухотин рассказывал ему различные «новости». Сухотин бывал иногда первым, кому Толстой читал свои новые статьи, с кем обсуждал их. И в замечаниях Сухотина, наряду с дворянско-помещичьими предрассудками, часто мешавшими ему понять Толстого, встречались и верные мысли об отвлеченности и противоречивости проповедей Толстого. «Для кого писал Толстой, как его читают и что из этого получают», как можно обращаться с проповедью о нравственном совершенствовании к таким людям из богатых классов, для которых «вопрос о существовании истины давно решен отрицательно и окончательно» и т. д. — вот вопросы, которые поднимал Сухотин и в размышлениях наедине с собой и в беседах с Толстым.

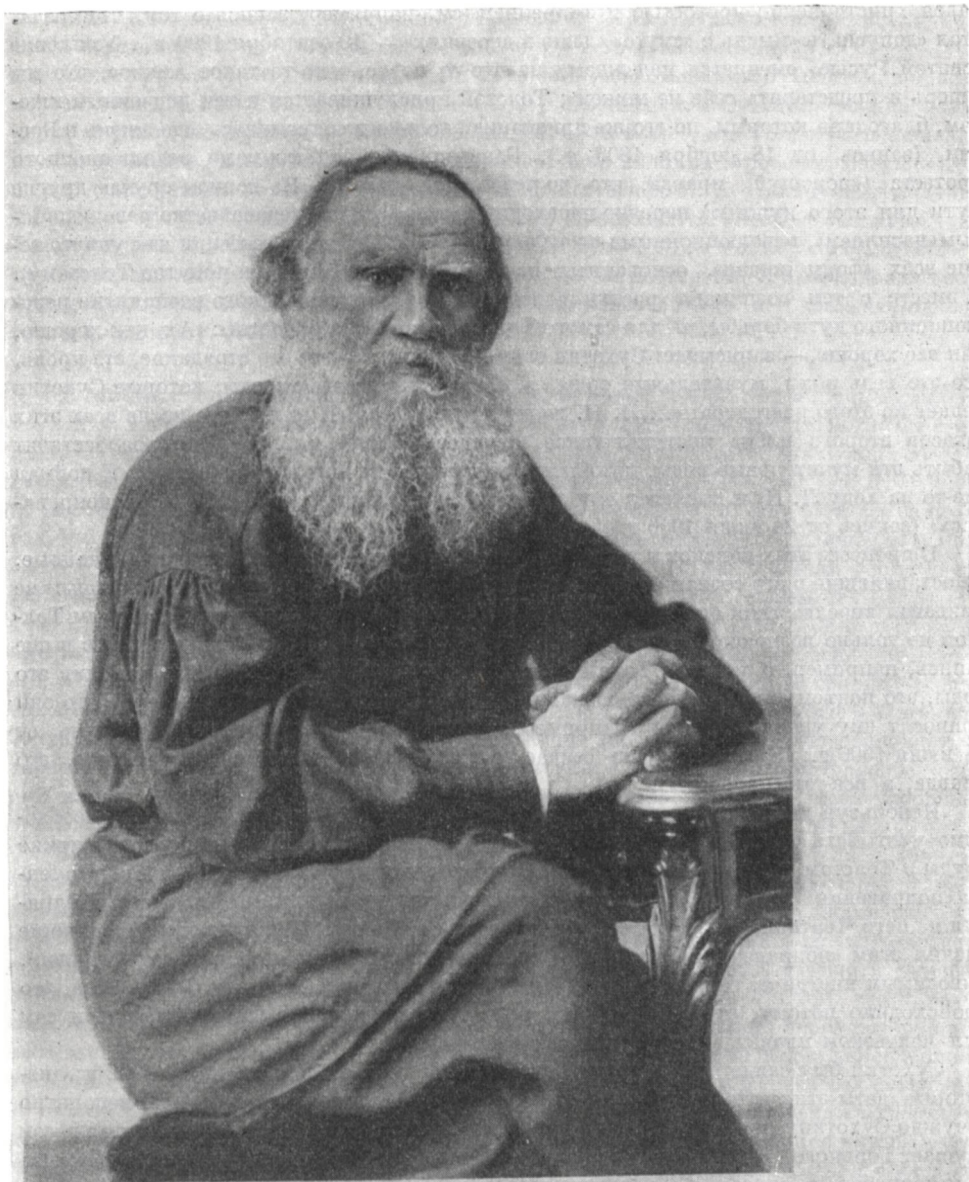
Сухотин часто приезжал в Ясную Поляну и проводил с Толстым целые вечера, не раз и Толстой бывал в Кочетах, так что материала для записей у Сухотина было много. Но он не ставил своей задачей записывать все, что он слышал от Толстого, о чем они разговаривали. Поэтому в его дневнике нашла отражение лишь небольшая часть фактов, свидетелем которых он был. Записи о Толстом в дневнике Сухотина часто носят отрывочный характер, так как переплетаются с описаниями событий и лиц, с Толстым не связанных, с рассуждениями и мыслями самого Сухотина. Зато они отличаются несомненной достоверностью и большим разнообразием: здесь и отдельные эпизоды из жизни Толстого, и высказывания его по самым различным вопросам, и портретные зарисовки писателя. Дневник Сухотина дает материал и для истории создания ряда

произведений Толстого (например, предисловия к «Памяткам» или предисловия к альбому картин Орлова: первоначальное предположение не включать в альбом картину «Телесное наказание» и отказ от этого намерения под влиянием Черткова).

Вопросы литературы и искусства — постоянные темы бесед Сухотина с Толстым. В результате возникли интересные записи высказываний Толстого о его любимых писателях; о том, что он подразумевает под словами «серьезный писатель» и кого относит к ним; о Куприне и опасениях за его дальнейшее творчество; о художественности и соотношении эстетического и этического начал; о поэзии и прозе и т. д. Сухотин внимательно следит за изменениями в духовной жизни Толстого. Особенно обращает на себя внимание в этом плане запись от 27 октября 1903 г., о том, что Толстого «как-то меньше <...> интересуют религиозные вопросы», и, напротив, «все больше и больше захватывают» «заброшенные им на время интересы художественные».

Дневник Сухотина дает большой материал для изучения раздумий и переживаний Толстого в период первой русской революции. Читая его, еще более убеждаешься в том, что этот период в жизни Толстого, на первый взгляд, как будто менее сложный, чем предыдущие, — Толстой пишет не «Войну и мир» или «Воскресение», а всего лишь небольшие повести и рассказы, — один из самых сложных и противоречивых. По-прежнему и в статьях, и в художественных произведениях Толстой с огромной силой и страстностью поднимает вопросы о безземелье и бесправном положении крестьян, отрицает все «старые формы жизни», клеймит произвол самодержавия и т. д. В то же время с возрастающей прямолинейностью и настойчивостью проповедует он свое учение, оказывавшееся все в большем противоречии с ходом событий; все более подчиняет и художественное творчество той же проповеди (вспомним хотя бы его сравнение «Войны и мира» с «паяцем», зазывающим публику — запись от 23 марта 1909 г.). Основная причина этого обострения противоречий в учении и творчестве Толстого в том, что революция 1905 г., которую, по словам В. И. Ленина, он «явно не понял», от которой «явно отстранился», принесла с собой «исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени» (В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 17, стр. 31—32). Пробуждая от патриархальной пассивности, инертности широкие слои крестьянства, революция перерождала те основы, из которых учение Толстого выросло. И теряя почву, оно становилось еще более догматичным и отвлеченным.

Чем больше события 1905 г. вытесняли «патриархальную толстовскую идеологию», тем с большей настойчивостью и напряженностью Толстой отстаивал ее, потому что в своем учении он видел смысл жизни, не только своей, но и «всех людей» — оно, по его признанию, принесло ему «20 лет счастья» от сознания, что этот смысл жизни найден. Но вместе с этим совершался и другой сложный внутренний процесс, на котором и сосредоточивает основное внимание Сухотин: процесс мучительных сомнений в силе и действенности своего учения и поисков, «ожидания чего-то нового» (по определению Сухотина — «внутренних переворотов»). Толстой, по наблюдению Сухотина, не хотел и слышать о тех событиях, которые разрушали его представления о возможных путях преобразования общества, сердился, когда ему рассказывали о волнениях среди крестьян. А между тем, «конфузясь», желая «скрыть» это, читал газеты, с жадностью прислушивался к рассказам о совершающемся. И мысль о несоответствии его учения действительности, пусть очень смутно и неоформленно, возникала в его сознании. Примечательна в этом отношении запись от 4 ноября 1905 г. в дневнике Сухотина. В ответ на слова Сухотина о расхождении представлений Толстого о «христианской особенности русского народа» с действительностью писатель заметил: «А вы разве думаете, что я этим не мучаюсь? Конечно, мне очень мучительно, и я понимаю, что вы говорите, и думаю...» Наблюдая крестьянские волнения, следя за речами крестьянских депутатов в Думе, Толстой все более разубеждается в мужике как «носителе начал христианства», а вслед за этим возникает сомнение в том, сможет ли этот «мужик» построить новую жизнь, которую проповедовал Толстой. Но все эти сомнения выливаются, по наблюдению Сухотина, в еще более окрепшую любовь к мужику, который уже не отли-

Павлу Владимировичу Безобразову,
Лев Толстой 24 июня 1902,
Гаспра.

ТОЛСТОЙ

**Фотография 1896 г. с дарственной надписью: «Павлу Владимировичу Безобразову Лев Толстой.
24 июня 1902, Гаспра»**

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

чался христианской кротостью и смирением (см., например, запись о том, что Л. Н. стал «допускать» мысль о «смуте» «даже в деревнях» — 10 сентября 1906 г.). Умиление «святой Русью» сменяется надеждами на что-то новое, «что-то такое важное, что мы теперь и представить себе не можем»; Толстой прислушивается к тем подземным ключам, благодаря которым, по его же признанию, только и сохранилась еще жизнь в России (запись от 18 ноября 1908 г.). Размышление над формами революционного протеста («пожалуй, правда, что до революции далеко. Во всяком случае другие пути для этого нужны») нередко переходит в откровенное недовольство революционным «насилием», революционными *методами* борьбы (цель же революции как уничтожение всех «форм жизни», основанных на насилии, была близка и понятна Толстому). И вместе с тем возникают ростки совсем иного отношения, иного восприятия революционного пути борьбы, и для самого Толстого они были радостны: «Ах, как хорошо, как все хорошо, — записывает Сухотин слова Толстого, — все это страдание, эта кровь, все это ведь роды, мучительные роды...». Очень интересны выводы, которые Сухотин делает из этого разговора: «... Л. Н. видит дальше меня. И видит, что после всех этих ужасов второго плана наступит такое хорошее, великое, сильное, которое заставит забыть эти мучительные роды, которыми мы только еще начинаем мучиться. Я поймал где-то на ходу Л. Н. и высказал ему эту мысль, которая ему, кажется, очень понравилась» (запись от 24 июня 1906 г.).

В процессе этих поисков и раздумий Толстой нередко находил решения случайные, не оставлявшие в его сознании следа, раздраженно высказывал суждения, которым не придавал впоследствии особого значения, но были и такие положения, к которым Толстой не только возвращался (интересно сопоставить в связи с этим приведенную выше запись, например, с письмом Толстого к Черткову от 4 ноября 1905 г.: «все-таки это роды, это подъем общественного сознания на высшую ступень»), но и отмечал, что они приносят ему удовлетворение (например, заключение той же записи Сухотина от 24 июня 1906 г.: «Как мы хорошо сейчас поговорили с М. С. Польстил он мне, это правда, а все-таки хорошо»).

Используя дневник Сухотина как источник сведений о взглядах Толстого, необходимо учитывать следующее обстоятельство. Опасаясь, что, составляя биографические труды о Толстом, его единомышленники (Бирюков и особенно Чертков) опустят моменты «поправления» Толстого, которые Сухотин связывал с периодами уменьшения влияния на него Черткова, опасаясь создания «легенд» о Толстом, Сухотин особое внимание уделял этим «поправлениям» Толстого (т. е. наиболее слабым сторонам его взглядов), выводимым иногда из единичных, случайных высказываний писателя. Разумеется, это происходило потому, что, несмотря на отдельные проявления фронды, Сухотин сам был человеком правых, консервативных взглядов.

Сухотин был свидетелем встреч Толстого с Горьким в Гаспре в 1901—1902 гг. (некоторые даты этих встреч не были ранее известны). Многое в Горьком было непонятно и чуждо Сухотину, но всякий раз он как будто забывает об этом, с большим интересом слушает Горького, бывает у него в Оленихе. Некоторые из этих встреч описаны Сухотиным подробно, и описания содержат интересный материал: рассказ Толстого о декабристе С. Г. Волковском (устанавливается более ранняя дата знакомства с ним и в связи с этим, возможно, более раннее возникновение замысла романа «Декабристы»), отзыв об «Истории одного преступления» Горького, дающий новый комментарий к рассказу. Здесь же выясняется и такой неизвестный в биографии Толстого факт: судя по тому, что он говорил Горькому, Толстой встречался с известным революционером Г. А. Лопатиным, который рассказывал ему о себе, о своем пребывании в одиночном заключении. А это в свою очередь дает материал для творческой истории повести Толстого «Божеское и человеческое» (см. главу из этой повести — Межеденский в тюрьме, в одиночной камере).

Основываясь на своих многолетних наблюдениях, Сухотин ставит вопрос о характере взаимоотношений Толстого с Чертковым, о характере влияния Черткова. Правда, в оценках Сухотина здесь немало субъективного, идущего от личной неприязни Сухотина к Черткову, но сообщаемые им факты, часто неизвестные, представляют несомненный интерес: например, некоторые подробности писания предисловия Толстого к

изданию альбома картин художника Орлова «Русские мужики» или письма Толстого в редакции газет с заявлением о том, что у него нет собственности.

Несмотря на то, что почти каждый, писавший воспоминания о Толстом, пытался запечатлеть его внешний и внутренний облик, в зарисовках Сухотина можно найти новые штрихи: они просты, незатейливы, но тем, быть может, еще больше задерживают на себе внимание, запоминаются. Вот, например, одна из таких зарисовок 1906 г.: «Когда я недавно уезжал из Ясной, я зашел утром проститься со Л. Н. Накануне он получил в подарок от приехавшей из-за границы дочери Маши желтые кожаные сандалии <...> Когда я зашел к нему утром, он еще был в одном белье, но на ногах уже были надеты сандалии, на которые он любовался с каким-то детским восторгом. Я позавидовал несокрушимой юности этого человека, этой его возбудимости к гневу, негодованию, любви, радости, восторгу» (запись от 1—21 мая).

* * *

В самом начале дневника Сухотина встречается запись: «Жаль, что я лишь на склоне лет вздумал писать свои записки. Если бы я начал это делать еще в юности, могло бы быть очень интересно. В 70-х и 80-х годах я видел столько интересного, знал таких людей, как Аксаков, Катков, Самарин, был особенно близок в начале 80-х годов ко Л. Н. <...> (я был тогда одним из его ревностных почитателей и учеников), и, если бы я все записывал, что слышал и знал, могла бы выйти верная картина умственного движения в России в конце XIX столетия» (14 ноября 1901 г.). Записи Сухотина приняли форму дневника, местами приобретающего характер воспоминаний (см., напр., запись от <4-6> марта 1908 г.). Начат он 12 ноября 1901 г. и обрывается на 28 октября 1910 г. Записи Сухотиным велись не всегда регулярно, иногда с большими перерывами, особенно во время его заграничных поездок. Сухотин объяснял это тем, что его поездки за границу всегда были связаны с сугубо личными обстоятельствами, которые не могут привлечь внимание будущего читателя. А цель, которую ставил перед собой Сухотин, — по возможности записывать общепригодное. Тем не менее, в дневнике немало такого материала, который имеет интерес преимущественно для самого автора: записи о своем здоровье, о членах семьи, черновики писем и статей, конспекты прочитанных им книг.

Значительная часть дневника заполнена подробностями политической и общественной жизни первого десятилетия XX в. Сухотин рассказывает о настроениях в различных слоях общества, записывает факты, обличающие правительство, называемые им «той серией глупостей и несправедливостей, которая творится нашим правительством и творится безнаказанно». Он основывается на своих наблюдениях, газетных сообщениях, беседах со знакомыми о создавшемся положении в стране и о том, что думают об этом «в сферах». Часто Сухотин излагает свои мысли о революции, перед которой испытывает страх. Однако нужно заметить, что он не был похож на человека, ослепленного этим страхом. И подтверждений тому можно найти немало: и в трезвости суждений об обществе, к которому он принадлежал, и в невольном его восхищении мужеством революционеров «на фоне общей трусости», и в том добродушном юморе, с которым Сухотин говорил о своем страхе перед революцией, о чем рассказывает С. Л. Толстой (Сборник юмористических рассказов. Неизд.—ЛБ, ф. В. Д. Бонч-Бруевича, № 369).

Местами дневник Сухотина как бы превращается в записную книжку члена Государственной думы с заметками о депутатах, речах, программах. Сухотин ведет эти заметки не только для себя, но и в расчете на будущего читателя.

Эти части дневника носят характер незавершенных черновых набросков. По-видимому, впоследствии Сухотин предполагал вернуться к этому материалу, придать большую последовательность изложению, так как мысль о «будущем читателе» дневника, который должен разобраться, в чем он, Сухотин, был прав и неправ, не покидала его.

Мы приводим из дневника Сухотина с некоторыми сокращениями лишь те места, которые имеют отношение к Толстому. Несмотря на фрагментарность, публикуемые записи представляют существенный интерес. Это новые и содержательные свидетельства о последних годах жизни и деятельности Толстого, хотя и преломленные сквозь призму консервативного мировоззрения автора дневника.

Дневник М. С. Сухотина (автограф) хранится в ЦГАЛИ, ф. 508, оп. 4, ед. хр. 3—12.

ИЗ ДНЕВНИКА М. С. СУХОТИНА

1901

〈ГАСПРА〉

12 ноября. <...〉 Л. Н. как-то очень опустился. Ослаб, постарел, все прихварывает. Сидит он в кресле в халате, очень нарядном, подаренном Таней, шелковая скуфья на голове, очень напоминает грим какого-то актера в роли еврея, не то из «Уриэль Акости», не то из «Ami Fritz»¹. Но все-таки продолжает всем интересоваться. С любопытством слушал мой рассказ о вегетарианской кухне в Москве. Сам мне рассказывал о посещении в. к. Николая Михайловича². В первое посещение Николай Михайлович ему предложил три вопроса. О том, был ли Кузьмич Александром I? Очевидно, этот вопрос очень интересует Романовых. По словам Николая Михайловича, Александр III верил, что Кузьмич был Александр I. Показывал Николай Михайлович очень интересные записки по этому поводу. Но Л. Н. все-таки думает, что это был самозванец, нарочно напускавший на себя таинственность и говоривший загадочными фразами <...〉³

Второй вопрос — это, почему Л. Н. считает кн. Шервашидзе⁴ таким негодяем и злодеем? Его проступки относительно духовоборов будто бы преувеличены, а частью и вымышлены. Л. Н., кажется, убедил Николая Михайловича в противном.

Третий вопрос — секретный, Л. Н. при этом тонко улыбается*.

Во второй приход Николая Михайловича Л. Н. его встретил словами: «Когда в доме скарлатина, нехорошо, если хозяин не предупредит своих гостей об этом». Николай Михайлович очень испугался, так как живет у брата Александра Михайловича, а там дети; но Л. Н. продолжал: «Нет, это я говорю только для примера, а я считаю долгом вас предупредить, что вы ходите к человеку, непримиримо враждебно настроенному ко всему тому строю, которого вы один из представителей. Ведь между нами бездна, которую невозможно наполнить. Вы, вероятно, не читали всего, что я писал. Например, моя статья о l'alliance Franco-Russe? ⁵ Ведь там я прямо говорю, что нет на свете правительства отвратительнее русского». На это Николай Михайлович возразил, что он все это знает, но что взгляды Л. Н. вовсе не мешают знакомству, что разделяют Л. Н. с правительством главным образом его последователи, которые так его компрометируют. Будто даже Александр III очень почитал и уважал Л. Н.

О государе Николай Михайлович отзывался как о человеке очень добром, но совершенно безвольном. Окружающие его люди заставляют его делать все, что им вздумается, а люди эти ничтожные, кроме Витте, коорый, по крайней мере, умен. Л. Н. поверил Николаю Михайловичу свое желание написать государю большое письмо, в котором он хочет пред смертью изложить ему все то, что считает нужным делать и не делать⁶. Николай Михайлович сказал, что государь наверно прочтет это письмо, но, чтобы оно произвело какое-нибудь действие, «пишите добрее и добрее». Л. Н. нашел этот совет небесцельным. Николай Михайлович произвел на Л. Н. впечатление «обыкновенного гвардейского офицера». Не умный и не глупый, самоуверенный, «с преувеличенно широкими движениями», с лицом человека пожившего. По-моему, немножко ребячливо со стороны Л. Н., что он ему ни разу не сказал «ваше высочество», а на

* Секретный вопрос относился к намерению Николая Михайловича жениться на кн. Е. М. Барятинской, рожд. Орлов(ой)-Денисовой. — Прим. М. С. Сухотина.

своем портрете сделал просто надпись «Лев Толстой», чтобы избежать «его высочеству», и даже визита ему не отдал. Это вроде того, как он, встретив в. к. Александра Михайловича с Ксенией, в упор смотрел ему в глаза, ожидая первого поклона от Александра Михайловича. Между тем Александр Михайлович пред этим сам *a fait des avances* *, прислав разрешение гулять по его владениям, а затем прислав адъютанта узнать мнение Л. Н., какой строить памятник в Севастополе в память войны, на

ТОЛСТОЙ и М. С. СУХОТИН ЗА ШАХМАТАМИ
Рисунок Т. Л. Сухотиной-Толстой, 1908 г., Ясная Поляна
Музей Толстого, Москва

что Л. Н. ответил, что в. к. Александру Михайловичу должны быть известны его взгляды на войну, а потому, чем более памятник будет внушать отвращение к войне, тем лучше.

13 ноября. <...> Л. Н. снова рассуждает об одной добродетели, которая считается таковой лишь у китайцев — а именно об *уважении*. Эта добродетель — увы! — у нас совсем не известна. Но ведь и сам Л. Н. грешит против *уважения* к чужому убеждению. Стоит вспомнить возмутительную главу в «Воскресении», где описывается обедня с оскорблениями и издевательствами над чужими верованиями.

Грустен Л. Н., и эта грусть понятна. Он говорил Лизе Оболенской ⁷, а потом и мне, что когда он совсем здоров или когда он умирает (как это было летом), он чувствует себя совсем готовым к смерти: все ему ясно и просто кажется. А теперь ни то, ни се, и на душе у него смутно. Рассказывал Л. Н. о прекрасной смерти Павла Бакунина ⁸, вполне сознатель-

* выказал предупредительность (франц.).

ной и безбоязненной, о чем ему вчера передавала вдова Бакунина. В день смерти он спрашивал у окружающих: «Смотрите мне в глаза; видна ли в них та отрешенность от жизни, которая была у Андрея Болконского? Для меня вы все теперь далеко, далеко; и всё мне тут чуждо стало». У вдовы есть интересные записки о муже.

У Л. Н. я эти дни вижу тоже что-то странное в глазах: бледнеют и гаснут эти полные жизни замечательные глаза, и точно мысль у него куда-то уходит и где-то бродит, безучастная ко всему окружающему. И в шахматах он стал слабее. Я его бью безо всякого труда, тогда как в тот мой проезд я у него выигрывал мало.

14 ноября. <...> Был вчера кн. А. Д. Оболенский⁹. Не понравился он мне. Самоуверенный, речистый, *frondeur et boudeur**, по своему настоящему положению (не у дел — из товарища министра в Сенат), он неминуемо обратится в «как прикажете?», если ветер подует благоприятно и его поставят у руля. Глядя на него, я вспомнил, как Л. Н. выразился раз о М. Стаховиче¹⁰. То было прошлым летом. Я приехал в Ясную, когда Л. Н. едва стал поправляться от своей чуть не унесшей его в могилу болезни. Он лежал слабый, бледный, с полужакрытыми глазами на постели, а я ему рассказывал всякие новости и между прочим передавал ему содержание речи Стаховича к губернским предводителям в Москве. Когда я произнес заключительные слова Стаховича:

«За бога на костер!
За царя на штыки!
За народ на плаху!...»

«А за двугривенный куда угодно», — быстро дополнил это четверостишие Л. Н., открыв глаза. Относительно Стаховича это было несправедливо, как доказала теперь его речь о свободе совести, речь, за которую, конечно, он ни одного «двугривенного» от начальства не получит.

Но кн. Оболенский, как мне показалось, именно «за двугривенный куда угодно», конечно, если этот «двугривенный» будет очень крупный, в виде, например, портфеля министра внутренних дел <...>

Три писателя были сегодня: Чехов, Горький, Бальмонт. Разговор долго шел с натужинкой. Было похоже на то, что молодые писатели приехали к *maître* засвидетельствовать свое почтение, но что у них с ним общего мало и что они на него смотрят снисходительно, уважая в нем *прошлое*, но воображая, что их *настоящее* ушло вперед. Это я особенно заметил, когда Л. Н. осторожно и смягчая выражения стал выговаривать Горькому за его отношение к *публике* (его речь¹¹ и то, что он теперь собирается написать¹²). Горький вдруг как-то чудно положил подбородок на стол и, умильно глядя на Л. Н., стал говорить приторно-нежно о том, что всякие советы Л. Н. ему очень приятны, а не только что не обидны, но что *публике* все-таки пробовать надо. Тон был такой, каким говорят с больными, которых раздражать не следует. Вообще Горький мне не очень понравился. Рисуетя. Простота напускная, которая неестественнее манерности. Видно, что избалован неожиданными и незаслуженными успехами. Подчеркнуто *окает*, как истый северянин. Фигура у него типичная и врезающаяся в память. Крупный, лицо широкое, с серыми умными глазами, прямые длинные волосы зачесаны назад, небольшие плебейские бесцветные усы. Голос басистый, глубокий, очень сильный, которому мог бы позавидовать любой соборный диакон. Одет в черную суконную рубаху русского покроя с косым воротом. Говорил больше других. Рассказывал о том, как, когда он ехал сюда, пред Москвой, в Рогожской, его заставил выйти из вагона жандармский офицер, усадил

*недовольный и ворчливый (франц.)

в другой вагон, прицепленный к товарному поезду, провез мимо московской станции (он ехал из Нижнего) и доставил в Подольск, где и высадил его. Оттуда уж он сел на почтовый поезд, с коим и прибыл в Севастополь. Было это сделано, чтобы провалить манифестацию студентов, собравшихся на московской станции встретить Горького.

Рассказывал о Зарубине¹³ (старик, знакомый Л. Н.). Недавно Зарубин, проходя мимо рыбной лавки (в Нижнем), увидел, что там духовенство закусывает после молебна, бывшего по случаю открытия лавки. Задорный старик, заглянув в лавку, закричал: «Собираете» и еще что-то ядовитое. «Ой, смотри, старик,— крикнул протопоп,— будешь ругаться, отлучим, как твоего приятеля Толстого!»— «Не посмеете отлучить!»— «Отлучим!»— «Не отлучите!»— «Отлучим!»— «Не отлучите!»— «А ну-ка, дякон, валяй!»,— крикнул подвыпивший и раздраженный протопоп. Дякон встал и отхватил всю анафему по всем правилам. «А теперь, хозяин, зови полицию!»,— закричал Зарубин. Составлен был протокол, и делу дан законный ход. Дело Пастухова¹⁴, по словам Горького, будет замято. «Задарил». Отцу убитого ребенка дал 3000 р. Обещал построить ремесленное училище в 100 000. Взятка следователю. Близкое знакомство с прокурором судебной палаты Посниковым.

Чехов мне понравился. Тонкий, с прищуренными ласковыми глазами, нервный и внимательный. Бальмонт все молчал и конфузился. Лицом похож на портреты каких-то Филиппов испанских. Тоже за что-то из Петербурга выслан. Вероятно, за стихотворение, которое начинается так:

То было в Турции, где совесть вещь пустая,
Где царствуют кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя,
И глупый маленький султан.

16 ноября. Спрашивал вчера Л. Н., сколько раз он писал царям. Он припоминает шесть писем¹⁵. Александру II — одно, с жалобой на обыск, который произвели в Ясной Поляне в его отсутствие в 62 или 63 г., Александру III — три, по поводу детей Хилкова¹⁶, по поводу духовоборов и еще о чем-то. Николаю II — два, по поводу свободы вероисповедания, и царю и его помощникам. «Кажется, больше не писал», — прибавил Л. Н. И ни на одно из этих писем ни слова ответа, никакого изменения в политике и в самовольных поступках правителей. Только Александр II ответил чрез гр. Александру Андреевну Толстую, выразив сожаление по поводу глупого и бестактного обыска. И тем не менее душа у Л. Н. так еще наивно доверчива, что он хочет еще раз писать Николаю II в надежде тронуть его сердце. Я ему высказал это, на что он сказал: «Я постараюсь, я все ему выскажу, про все дурное, что делается; скажу ему о жизни, о смерти». — «Да ведь этим не испугаете, раз он уверен, что живет как следует». — «Нет, это не может быть; он поймет то дурное, что он делает» <...>

25 ноября. <...> Владимир Чертков не понял, что для славы Л. Н. было бы много лучше вычеркнуть бестактную главу об обеде из «Воскресения». Чертков имел полную возможность это сделать <...> Мистицизм Соловьева был главной причиной того, что он и Л. Н. все больше и больше расходились с чувством затаенной враждебности друг к другу¹⁷.

26 ноября. На-днях опять был Бальмонт. Его испанистая наружность гармонирует с его занятиями: он занят Кальдероном. Немножко странен. Говорят, пьет. Рассказывал, за что и как был выслан из Петербурга (на два года с воспрещением въезжать в университетские города). На каком-то литературном вечере после избияния на Казанской площади прочел вместо значившегося в афишах стихотворения — стихотворение «Опричники»; на бис — «Сквозь строй»; еще на бис «То было в Турции». Гром рукоплесканий. Но в зале были и консерваторы. В числе их какие-то

генералы. Во время перерыва человек 15 потребовали, чтобы полицейский офицер составил протокол. Затем был обыск у Бальмонта (нашли только адрес Вяземскому¹⁸). Затем был он вызван к Пирамидову (начальник охраны, который был недавно убит флагштоком в присутствии царской фамилии). А затем — фьють, — как говаривал Щедрин.

По вечерам читаем теперь «Записки» Волконского (декабриста). Очень интересно. Есть цензурные пропуски. Но в. к. Николай Михайлович, qui continue à faire la cour à Leon Tolstoi*, прислал в письме выписки всего того, что цензура вычеркнула¹⁹, и Таня все это вписала в текст <...> На днях Л. Н. получил еще письмо от в. к. Николая Михайловича. Но чего оно касалось, не говорил. Это именно тот *секрет*, о котором я уже упоминал²⁰. Отвечать придется Льву Николаевичу, и он собирается прямо написать, что это его слабость, но обращаться к в. к., титулуя его высочеством, ему очень не хочется. Когда еще с месяц тому назад он передавал в. к. свой портрет, на котором он, чтобы избежать <надписи> «его высочеству» и т. д., написал только *Лев Толстой*, он, чтобы объяснить эту лаконичность, начал было фразу: «Vous savez c'est une petitesse, mais...» — «Oh, oui je le sais, — перебил его великий князь, — mais que voulez-vous, j'avais tellement envie d'avoir votre portrait!» Л. Н. n'a pas relevé le qui pro quo, — так «petitesse»** и осталось на счету в. к. <...>

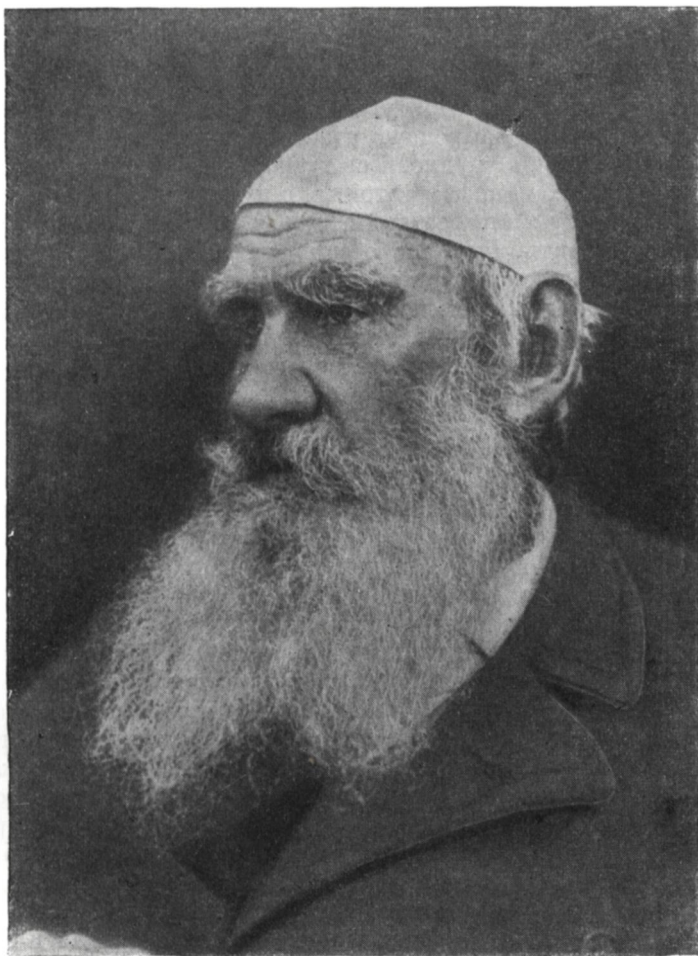
Нынешним летом пришел в Ясную Поляну какой-то маляр побеседовать со Л. Н. Этот маляр между прочим рассказывал, что как-то получил работу в Харьковской семинарии. Он всегда интересовался духовными вопросами и был очень рад, что ему представится случай поговорить о боге там, где этим вопросом специально занимаются. Улучив минуту, он обратился к нескольким воспитанникам старшего класса, прося у них позволения поговорить с ними о боге. «Эх, милый мой, — сказал ему на это один из воспитанников, — мы этого самого бога давно уж на чердак забросили». Прочие только засмеялись. А кафедру епископальную занимал в то время Амвросий, тот самый Амвросий, который с год тому назад произнес свое постыдное «Слово» с просьбой, обращенной к правительству, об усилении полицейских преследований против еретиков, причем не удержался от самых гадких и несправедливых инсинуаций против Толстого²¹ <...> А ведь теперь эти самые семинаристы, «забросившие бога на чердак», уже церковнослужители, служат этому «заброшенному богу» кощунственно и притворно, но зато непритворно, а искренно проклиная этого мешающего им спокойно наслаждаться жизнью, все еще не умирающего Толстого, которому, к досаде попов, само бесцеремонное правительство не смеет вполне «заградить уста». Мне передавал доктор Сивидкий²² (из Харькова), что Амвросий очень мечтал пережить Толстого и даже приготовил «Слово» на смерть Толстого, но это ему не удалось. В самый тот день и час, как Л. Н., едучи в Крым, подъезжал к Харькову (в начале сентября), мертвое тело Амвросия перевозили по мосту, перекинутому чрез полотно железной дороги недалеко от вокзала.

Очень трудно понять, что это было за побоище в Павловках? ²³ Никого туда из людей, могущих добиться правды, не пропускают; а сидящих в остроге сектантов и подавно нельзя видеть. Князь Д. Хилков пишет Льву Николаевичу, что по тем сведениям, которые он имеет, из старых штундистов, которых он знает, почти никто не участвовал в попытках разрушить церковь, а двинулись против церкви все какие-то новые сектанты²⁴. Доведены были до этого грубого и бесцельного поступка сектанты систематическими дразнениями и оскорблениями со стороны ду-

* который продолжает ухаживать за Львом Толстым (франц.).

** «Вы знаете, это мелочность, но...» — «О, да, я знаю, ... — но что вы хотите, мне так хотелось иметь ваш портрет!» Л. Н. не отклонил «qui pro quo», — так «мелочность» (франц.).

ховного и полицейского начальства; так что, наконец, сектанты дошли до крайнего предела озлобления. С другой стороны, некто Дудченко ²⁶, бывший на днях у Л. Н., передавал ему, что все это дело на почве провокаторства. Сам Дудченко не мог пробраться в Павловки, а посылал туда свою жену, которая принесла следующие сведения. Возбуждал и агитировал среди сектантов какой-то человек, называвший себя отставным солдатом Федосеенко (?). Теперь оказывается, что он совсем не тот, за кого

ТОЛСТОЙ

Фотография, 1909 г.

Музей Толстого, Москва

себя выдает. Руки у него белые, говорит по-французски. В острог посажен, но избит не был, хотя шел впереди толпы. Полицейские власти знали о том, что он агитировал, и о дне и часе погрома церкви были предупреждены. А посему тотчас же из соседних деревень были двинуты православные (так как местные православные к сектантам относились дружелюбно), и сектанты были страшно избиты. Если действительно тут играл роль провокатор, то и предварительное и судебное следствие вряд ли посмеет что-либо раскрыть.

Провокаторство еще яснее обозначилось в другом деле. Я говорю о тех нарочно распускаемых слухах о смерти Л. Н., преимущественно в Москве, которые вызвали брожение между студентами. Едва сумели успокоить студентов. В этом случае помогла Таня своими успокоительными телеграммами Дунаеву ²⁶ и Леве ²⁷. Даже мой Лева, консерватор, и тот пишет, что все эти волнения дело рук провокаторов. Его самого, шедшего по Скатертному переулку, остановили две дамы, ехавшие на извозчике. Одна из них подозвала Леву и, когда он подошел, сказала ему: «Сегодня ночью умер Л. Н. Толстой». Слышно, что многих студентов останавливали загадочные личности и передавали, что Л. Н. умер. Три московские газеты («Курьер», «Русские ведомости» и еще какая-то) получили телеграммы, что «в 2 часа ночи Л. Н. скончался». Выяснить этот вопрос путем печати и затем успокоить тем же путем волнение было нельзя, так как газетам запрещено что-либо печатать о Л. Н. К чему это провокаторство? Понять трудно. Все думают, что это сделано, чтобы проверить силы будущих манифестантов. А я думаю другое. Пущенной уткой хотят ослабить силу манифестаций, когда действительно умрет Л. Н. Иные не будут верить, быв раз обмануты, иные будут сомневаться, и, таким образом, лишь немногие начнут волноваться, панихиды служить, креп на рукава нашивать и т. п., — единодушия, а следовательно, и силы не будет. Говорят, что в случае действительной смерти Л. Н. на телеграфах запрещено принимать телеграммы о сем событии. Софья Андреевна заранее придумывает условные слова, чтобы известить близких. Если действительно слух о смерти Л. Н. пущен от начальства, это крайне возмутительно. Что за неуважение к человеческой личности! Ведь есть люди, которые искренно любят Л. Н. Кто и что вознаградит их за те страдания, которые им пришлось испытать?! Дунаев пишет, что он не помнит, чтобы он когда-либо так страдал от сердца, как в эту бессонную, страшную ночь накануне получения ответной телеграммы от Тани.

29 ноября. Вчера опять был Горький. На этот раз он мне больше понравился: был гораздо проще (простотой неподдельной). Много рассказывал интересного. Очень картинно описал избиение на Казанской площади ²⁸, чему он был очевидцем. Видел собственными глазами артиллерийского офицера, ударившего пашкой (в ножнах) казака столь сильно, что тот свалился с лошади. Видел пехотного офицера, у которого лицо все было исполосовано ударами нагайки. Его вели под руки барышня с волосами, сбившимися на одну сторону, и студент, у которого на лице висел лоскут содранной кожи. Один солдат был в роли провокатора. Обращаясь к публике, кричал «бейте казаков»; казаков возбуждал бить публику. Горький за ним долго следил, наконец, схватил его за шиворот. Полиция не хотела арестовать солдата. Горький сам стащил его в участок. Передавал, что бесцеремонное хватание людей и бессудное их заточение или даже умерщвление все увеличивается. Оказывается, что последний суд или подобие суда (конечно, при закрытых дверях) был в 87 г. над лицами, покушавшимися на Александра III ²⁹. Тоже, как и при Александре II, по улицам стояли убийцы с бомбами, но были схвачены. Их тайно повесили. Это было последнее подобие суда. А затем стали хватать и наказывать по произволу охраны. Писатель Короленко около восьми лет провел в Якутской области, сам не зная за что. Выпущенный наконец, он уехал в Америку. Имел там интервью с каким-то журналистом, которого удивил своим заявлением, что не знает, за что был наказан ³⁰. Тот напечатал этот разговор, прибавив от себя выражение удивления над порядками в России. Когда Короленко возвращался в Россию, то на границе жандармский офицер спросил его, куда он едет. «В Нижний». — «Относительно вас есть распоряжение, чтобы вы немедленно явились в Петербург в департамент полиции». Делать нечего,

Это передать Михайлову
 1) о неопределенности
 личности пророка,
 2) о том, что все в С. и др.
 властях
 3) о приговорах соседних
 крестьян вымогателя,
 4) о нанесенных побиоях
 и причине смерти одного
 и безнадёжности положения другого
 адского и безнадёжности. т.е.
 думая другого.
 4) о приговорах соседних крестьян
 о побиоях и смерти
 к смерти народа.
 Вообще как можно подробнее по
 подробностям. и записать
 подробности.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА. АВТОГРАФ ТОЛСТОГО

Эта памятная записка связана с делом крестьян-сектантов, привлеченных к суду за разгром православной церкви в селе Павловке, Сумского уезда, Харьковской губернии, 16 сентября 1901 г. Толстой был обеспокоен судьбой крестьян. Запись относится ко времени пребывания его в Гаспре в ноябре 1901 г. Вынесение подробностей дела он поручил К. А. Михайлову. Приводим текст записки, находящейся в собрании Э. Ф. Цицельсона (Москва):

«Что передать Михайлову

- 1) О неопределенности личности пророка
- 2) О том, что все было известно властям
- 3) О призыве соседних крестьян для побиоя
- 4) О нанесенных побиоях и причине смерти одного и безнадёжности положения другого
- 4) <5> О приготовленных прежних обратиться в церкви к [молящемуся] народу.

Вообще как можно подробнее. И записать подробности»

поехал в Петербург. Явился. Зволянский вышел. «Вы Короленко?» — «Короленко». — «Что это вы там в Америке наболтали, что не знаете, за что были сосланы?» — «Я, действительно, не знаю». — «А! не знаете? Так сейчас узнаете». С этими словами ушел. Долго ждал Короленко, наконец вышел секретарь Зволянского и объявил ему, что он может уезжать³¹. Этим все и кончилось (...)

Горький рассказывал еще о недавнем событии, об исчезновении дочери пекаря Филиппова (в Нижнем). Была взята и увезена. Отец кинулся в жандармское управление. «Дочери вашей предложили уехать в Петербург, она и уехала». Старик — в Петербург. «Дочь ваша, — говорят ему в жандармском управлении, — в остроге в Твери». Старик — в Тверь. «Дочь ваша не в Твери, а сидит в остроге в Нижнем». Старик — в Нижний. «Всё вам наврали. Поверьте, что она в Петербурге». Так и пропала. А то вот еще. Был некто Бирюков, преподаватель кадетского корпуса в Нижнем. Жил очень тихо. Никого не видал. Был арестован, увезен. Мать и сестра тщетно хотели найти какой-либо след. Пропал бесследно.

Что это? За что такое презрение к человеку? За что безжалостность, бесправие, часто невольная несправедливость, может быть, иногда и умышленная? Кто это писал это ужасное положение об охране, которое подпisał Александр III (в 83 г.)?³²

Горький недоволен Крымом, живет тут против воли. Говорит, что прирота здесь — олеография. Он, собственно, сослан теперь в Арзамас, но ходатайствовал о разрешении для поправления здоровья ехать в Крым. Позволили, но запретили почему-то жить в Ялте.

Говорили об его новом рассказе «История одного преступления»³³, очень нам всем (и даже Л. Н.) понравившемся. Оказывается, что это была. Горький был на суде и оттуда вынес этот сюжет. Главный убийца очень ярко описывал, как его дразнил угольщик своей теплой одеждой. В публичке слышалось не негодование на преступление, а возгласы «вот дураки», в том смысле, что концов спрятать не сумели.

Л. Н. рассказывал об известном революционере Германе Лопатине. Теперь он сидит в Шлиссельбурге. Раньше его сажали и выпускали. Он рассказывал Л. Н., как он приспособил свое воображение к тому, чтобы выносить одиночное заключение. Он мысленно переносил себя, куда ему вздумается. Например, он идет по такой-то улице, смотрит на магазины, на людей, входит в такой-то дом, подымается по лестнице, входит к приятелю, говорит то-то, ему отвечают и т. д. и т. д. Время проходит незаметно, и при этом он управляет воображением, а не воображение им, что бывает со многими заключенными, доходящими до галлюцинаций. Лопатин обладал большим хладнокровием. Раз ему нужно было уехать из России. Он имел паспорт французского подданного. За ним следили. На границе жандармский офицер заподозрил, что это Лопатин, и арестовал его. Лопатин притворился ни слова по-русски не понимающим и все время протестовал на чистейшем французском языке. Офицер сказал, что по телеграфу где-то наведет справки о нем. Через несколько часов офицер влетел в комнату, куда был посажен Лопатин, и радостно закричал ему по-русски: «Вы свободны!» — «Vous dites?»* — спокойно спросил Лопатин. Ну тогда офицер вполне убедился, что это не Лопатин, угостил его ужином и вином и усадил на ближайший поезд. Переехав границу, Лопатин послал офицеру телеграмму с благодарностью за угощение и подписался — Лопатин³⁴ (...)

А тот декабрист, которого приезд в Москву так живо и симпатично описал Л. Н., оказывается списан с Волконского³⁵. Л. Н. в конце

* Что вы сказали? (франц.).

50-х годов познакомился с ним в Москве, а затем видел его во Флоренции. Он произвел прекрасное впечатление на Л.Н.

Все становится очевиднее, что Л. Н. — увы! — многого не кончит из того, что у него начато. Всего обиднее мне за великолепного «Хаджи-Мурата». Еще летом после болезни Л. Н. говорил мне, что ему остается на

ТОЛСТОЙ В ЯЛТЕ

Фотография, декабрь 1901 г.

Музей Толстого, Москва

один день работы и «Хаджи-Мурат» будет закончен. Но, видно, этого дня он никогда не найдет, так как теперь он пишет о религии, а если и успеет до смерти это закончить, то, наверно, увлечется каким-нибудь еще вопросом того же свойства. А между тем нового в этой области Л. Н. ничего не скажет. Он *всё* сказал. Дальнейшее будет одним повторением или перефразировкой.

9 декабря. Что-то нехорошо со Л. Н. Он последнее время очень заметно и быстро стал поправляться. Вероятно, действовал и мышьяк, и удивительно теплая и мягкая погода. Но как только он почувствовал, что силы у него прибавляются, так стал вести себя очень неосторожно, не думая о том, что может переутомить сердце. 4-го мы ходили пешком в Ореанду и сделали верст 8, так как сбились с какой-то короткой дорожки. Назад вернулись в экипаже. 5-го он ходил утром пешком, а после завтрака поехал верхом за Симеиз и сделал более 20 верст. Вечером говорил, что совсем не устал. 6-го вечером от 7—9 ч^{асов} он и я вдвоем много гуляли. Были в читальне, заходили к доктору Волкову, в больницу. Был удивительный лунный, теплый и тихий вечер. И Л. Н. и я жадно наслаждались во время этой прогулки. Много говорили и о жизни, и о смерти, и обо многом еще. Л. Н. меня поражал своей бодростью. Вернувшись, он почему-то сказал Тане: «Мы с твоим мужем очень хорошо поговорили; только не говори ему об этом». 7-го Л. Н. вздумал ехать в Ялту к Маше Оболенской ³⁶, там ночевать и 8-го вернуться. Поехал с Ильей и Андрюшей ³⁷ после завтрака. Там много ходил. Был у художника Мясоедова ³⁸. Вечером почувствовал себя нехорошо. Сделались перебои. В коридоре вдруг голова закружилась, и он чуть не упал. Ночь провел недурно. Утром много писал. Пред завтраком почувствовал стеснение в груди, и снова начались перебои. 9-го хотел вернуться, но доктор Альтшуллер ³⁹ его не пустил. Сейчас я с доктором говорил по телефону. Неминуемой опасности нет, но Л. Н. до того себя переутомил за последние дни, что нужен продолжительный покой. Сейчас еду с Софьей Андреевной в Ялту.

(Я Л Т А)

10 декабря. Кажется, и на этот раз Л. Н. увернется от этой неприятной гостии — смерти. По крайней мере и я вынес такое впечатление, и Альтшуллер перестал за него тревожиться: Перебои стали реже, общее самочувствие лучше. Но все-таки диагноз Альтшуллера тревожен: перерождение (не жировое) сердечной мышцы. Обязательна большая осторожность и избегание всякого переутомления. Духом я его нашел бодрым. Говорит, что самочувствие совсем иное, чем летом, так как не чувствует близости смерти, хотя «вот, например, Леонид Оболенский ⁴⁰ тоже ничего особенного не чувствовал, пошел спать и вдруг и захрипел». Создается, что очень устал после прогулки в Ореанду, а le coup de grâce* было чтение вслух «Памяток» ⁴¹. Стал мне рассказывать, как он вторично начал писать по поводу Стаховича ⁴² третьего дня, написал 8 страниц, но все это надо бросить, так как это «совсем не то», а теперь он понял, в чем суть, а именно, что церковь вполне права, что борется против свободы совести, что церковник не может протестовать против преследований за веру и т. д., но тут Л. Н., видимо, стал очень волноваться, и я его просил оставить этот разговор.

Оказывается, в. к. Николаю Михайловичу он ответил письмом, которое начал так: «Любезный Николай Михайлович! Такого рода обращение примите за желание относиться к вам, как человек к человеку». Что дальше написано, неловко было у него спросить, а любопытно. Вернувшись домой, узнал, что Ольга Толстая сняла копию с этого письма. Она же и адрес написала с полным титулом ⁴³.

Альтшуллер обещает, что Л. Н. вернется в Гаспру через два дня. Курьезно было сегодня прочесть в газетах высочайший рескрипт Драгомирову с восхвалением его воспитательной деятельности (то есть его

* последним ударом (франц.).

«Памятки» отчасти), за что ему жалуется Андреевская лента. Ну за «Памятки» Л. Н. у достанется, пожалуй, нечто иное.

Я слышал от церковников, когда им указывают на неправильное отлучение Л. Н. от церкви (главным образом с процессуальной стороны), что его никто и не отлучал, а было просто со стороны церкви удостоверение, что его убеждения такие-то несовместимы с наименованием сына православной церкви. Таким образом, будто бы не церковь отлучила Л. Н., а он сам себя отлучил, а церковь только об этом свидетельствует. Казуистическое объяснение. Но вот Иоанн Кронштадтский, которого нельзя не назвать одним из столпов православия, говорит «Слово» («Московские ведомости» 5 дек. № 335), в коем выражается о Л. Н. так, что он «праведно *отлучен* от церкви — по слову Апостола — анафема да будет». К чему же тогда все это иезуитское вильянье нашего духовенства?

11 декабря. Вчера пили чай у Горького. Сынишка у него называет отца Алексеем, а мать Катюшей. Это экзакзерация * простоты, доведенной до *pes plus ultra* <...>

12 декабря. <...> Видел я Л. Н. Сегодня не решается переехать из-за сырости. Бодр, в духе. Был несколько расстроен обыском у Михайлова, Мануйлова⁴⁴. Хозяйка дома Оболенских, где теперь живет Л. Н., потребовала, чтобы был внесен в книгу сей неудобный квартирант. Маша за отца внесла ответы в разные графы, но на вопрос, какого вероисповедания, с одобрения отца вписала — *неправославного*.

По поводу обысков и арестов в Ялте Л. Н. говорил с возмущением о тяжелом гнете правительства <...>

Г А С П Р А

13 декабря. Приехал, наконец, Л. Н. Перенес дорогу хорошо.

18 декабря. Сейчас у нас был вечер. Были Горькие (муж и жена), доктор Волков, А. В. Погожева⁴⁵, М. И. Водовозова⁴⁶, студент Токмаков. Были интересные разговоры. Горький между прочим, рассказывал, как лет восемь тому назад («когда я еще бродяжничал») он под Харьковом узнал, что в монастыре Рыжовском находится о. Иван (Иоанн Кронштадтский), и так ему захотелось с ним побеседовать, что он перелез чрез ограду в сад, где гулял «Иван». И когда Иван увидел перед собой Горького, то сначала испугался, но потом оправился и вступил с ним в беседу. Длилась эта беседа часа полтора, и в результате Горький пришел только к одному выводу, а именно: что этот «поп Иван большой дурак» <...>

Либеральные дамы Водовозова и Погожева, очевидно зараженные марксизмом, раздражали Л. Н. Вторая приятнее и умнее первой. Рассказала она о ловком маневре охраны, желающей стать во главе рабочего движения. Я помню, что годили два тому назад мне Л. Н. дал прочесть доклад Трепова, сделанный в. к. С<ергию> А<лександровичу> о рабочем движении. Написан он был известным начальником охраны Зубатовым и неведомыми путями попал в руки Л. Н. В нем Зубатов очень умно доказывает, что рабочим движением пренебрегать не следует, что при борьбе фабриканта с рабочими очень часто правда бывает на стороне последних и что теперь не ради торжества этой правды (об этом Зубатов и не думает), а ради созидания популярности правительства очень расчетливо и тактично рекомендуется представителям полиции брать сторону рабочих. И все в этом духе. Так вот, оказывается, что теперь этот проект проводится в жизнь. Зубатов и его помощник Сазонов заигрывают с рабочими. Зубатов называет себя социал-демократом. Разрешены собрания рабочих, где им дозволено высказывать самые красные мысли. Даются им разные

* преувеличение (франц.).

ДЕЛО ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУР-
НОГО КОМИТЕТА О ЗАПРЕЩЕНИИ
ПОРТРЕТОВ ТОЛСТОГО, 1901 г.

Обложка

Центральный исторический архив,
Ленинград

льготы. Внушается, что дадут еще больше, если они отвернутся от интеллигенции и будут любить царя и от него ожидать всяких благ. Интеллигенция же будто бы разделяется на две группы: на большую и малую. К первой принадлежат либералы — служащие, например, профессора. Они на жалованье у правительства, а потому не очень опасны. Ко второй — неслужащие, и эти-то и суть самые революционеры. От них рабочие должны бегать. Все это неглупо придумано. Особенно остроумно то, что при подобной не то поблажке, не то провокаторстве охране будут известны самые горячие и самые способные головы из рабочих. Основная мысль ясна: многое позволят, только бы самодержавия не тронули — *tout excepté ça**.

20 декабря. <...> Л. Н. как-то грустен и задумчив <...>

Главная ошибка Л. Н. при написании «Офицерской памятки» — это думать, что он не только может что-то доказать офицерам, но и может своими доказательствами привести к тому, что офицеры бросят свою службу. Ошибка заключается в том, что Л. Н. считает человека лучшим, чем он есть на самом деле, уверен, что человек руководится в своей жизни разумом. Я же отвожу разуму место второстепенное в обыденной жизни офицера. В большинстве случаев офицер служит не потому, что находит это разумным, а в силу множества причин весьма разнообразных, но среди которых разум человека проявляется весьма редко. Причины же эти для офицера весьма важны, и расстаться ему с убеждением в их важности должно быть слишком мучительно. И вот офицер, знакомясь с проповедью Толстого, невольно испытывает враждебное чувство к этой проповеди, так как он понимает, что эта проповедь может привести его к борьбе непосильной, к ломке уже установившегося строя жизни. Значитель-

* всё, кроме этого (франц.).

ность познания истины при этом бледнеет пред импульсами более низменного свойства. Может быть, бессознательно, инстинктивно, но все же все умственные силы офицера, весь незначительный запас его знаний, вся его тщедушная логика напряженно работают и подкапываются под слабые пункты учения Толстого, и, если офицеру удастся выставить на вид эти слабые пункты, он уже победоносно будет трубить о негодности всего учения Л. Н. и тем самым о законности и осмысленности своей офицерской карьеры. Я представляю себе, что часто именно в руки такого сорта офицеров будет попадать толстовская памятка. Но это еще на хороший конец. Сколько таких офицеров, которые ничуть не будут смущены, если им будет доказано несоответствие их жизни с вечной истиной. А сколько таких, для которых самый вопрос о существовании истины давно решен отрицательно и окончательно. Я стал излагать свои мысли применительно к офицерам, так как думал я в данном случае лишь о будущих читателях «Памятки». Но с некоторыми видоизменениями эти рассуждения легко применить вообще к нашему обществу. О том, как читают Толстого и что из этого получают, — вопрос крайне интересный.

Прочел сейчас в рукописи «Что такое религия и в чем сущность ее?» Л. Н. Определение религии в самом конце сочинения таково: «Религия есть устанавливаемое согласное с разумом и современными знаниями отношение человека к богу, которое одно двигает человечество вперед к предназначенной ему цели». Это определение хромает в различных отношениях. Прежде всего, что такое *разум*, который здесь (как и везде у Толстого) приходит как нечто известное, как величина определенная? Между

28 ЯНВ 1903

Господину Начальнику Главного Управления по делам печати.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
ИНОСТРАННОЙ ЦЕНЗУРЫ**

С ПЕТЕРБУРГА

Предложения Главного Управления по делам печати от 18/го сего Мая за № 4206 открыты письма от изображения Графа Льва Толстого, стоящего рядом с писателем Максимом Горьким, запрещены к обращению в России.

В настоящее время присланы из-за границы открыты письма от изображения М. Горького со Скляльцем.

Центральный Комитет Иностранной Цензуры имеет честь представить таковой бланк на благо —

умотрение Вашего Превосходительства.

Председатель *Г. А. Мухоморов*

Заведующий Канцелярией

Старший Цензор *С. С. Сухотин*

11 сент 1903

ЦЕНЗУРНЫЙ ДОКУМЕНТ С
УПОМИНАНИЕМ О ЗАПРЕЩЕ-
НИИ ОТКРЫТОК С ИЗОБРА-
ЖЕНИЕМ ТОЛСТОГО И ГОРЬ-
КОГО, 1903 г.

Центральный исторический архив,
Ленинград

тем, я не знаю, есть ли где у Толстого определение разума? Когда я как-то раз спросил его, как он определяет *разум*, он с некоторым неудовольствием ответил, что определить разума не может. Разум есть синоним ума? Очевидно, нет, так как они могут быть несовместимы. В том же сочинении, где все время доказывается, что человек, имеющий разум, будет обладать истинной верой, а что те, которые не имеют истинной веры, — не имеют и разума, в том же сочинении (в самом конце) говорится, что бывают истинно верующие, которые «слабы образованием и даже умом». «Современные знания»? Да почему же Л. Н. *современные* знания считает за *истинные* знания? А если не считает, то почему же религия должна согласоваться со знанием, которое может быть и не истинным, а лишь *современным*, т. е. временным? В нескольких местах сочинения отрицается сверхъестественное как несогласное с разумом и знанием. Но из того же сочинения я выписываю следующие истины, в которые верит разумно верующий человек, т. е. Толстой: «Бог есть начало всего», «Бог есть дух», «В человеке живет дух божий». Спрашиваю у каждого беспристрастного человека: 1) чем эти положения согласны с разумом и с современными знаниями? 2) не будет ли согласно с логикой отнести все эти положения к вере в сверхъестественное? И разница между этим толстовским сверхъестественным и тем отрицаемым Толстым сверхъестественным лишь дело личного вкуса и субъективной симпатии и антипатии Л. Н. А вера Л. Н. в загробную жизнь? Почему эта вера согласна и с разумом и со знаниями? И разве не помнят близкие к нему люди, как эта вера развивалась в нем? Я, по крайней мере, помню, как он когда-то совершенно отрицал будущую жизнь. Затем помню, как он сердился, когда его начинали расспрашивать о его вере в будущую жизнь, затем помню, как он стал уже прямо говорить: «Знаю, что хозяин не обидит работника, а больше ничего не знаю». А теперь Л. Н. прямо признает, что верит в будущую жизнь (его ответ Синоду)⁴⁷.

Что же за эти 15—20 лет знания современные приняли что ли такое направление, что стало можно верить в будущую жизнь? Л. Н., правда, старается насколько возможно ограничивать свои мистические поползновения, т. е. свои верования в сверхъестественное, справедливо чувствуя (может быть и бессознательно), что эта область опасная и чем дальше будешь туда забираться, тем труднее там будет на чем-нибудь остановиться. Но все-таки он верит, так сказать, в *неразумное* или, если хотите, в *сверхразумное*, т. е. в то, что недоступно пониманию разума человеческого — в дух без плоти, в бога. Л. Н. не любит только ни размышлять, ни рассуждать о том неведомом нам, что не ведет прямо к тому, к чему должна вести, по его убеждению, всякая религия — к нашему нравственному усовершенствованию. Как-то недавно завел он речь о знаменитом казанском математике Лобачевском, причем сказал, что «ведь еще Лобачевский доказал существование четвертого и еще какого угодно измерения». — «Значит вы, соглашаясь с Лобачевским, допускаете возможность существования существ четвертого измерения, как Вагнер, Бутлеров?»⁴⁸ — спросил я. «Меня это совсем не интересует, так как ничего мне дать не может», — уклончиво ответил Л. Н. и прекратил разговор.

Не любит Л. Н. разговоров о *pluralité des mondes**, о доисторической жизни, о катаклизмах земного шара, о какой-нибудь Атлантиде, словом, о всем том, что так заманчиво влечет мысль и воображение в неизмеримую даль, но что, конечно, не способно дать никакого руководящего начала для земной жизни человека. В сочинениях умозрительных Л. Н. меня поражает одна особенность, ему одному свойственная; по крайней мере у других философов я этого не замечал. Л. Н. очень часто мыслит обра-

* о множественности миров (франц.).

зами. Это свойство его ума, развившееся чрезмерно от многолетнего созидания художественных образов. Эта особенность его философских творений имеет обаятельную силу. Мысль получает яркое освещение посредством художественного образа, посредством понятной всякому профану притчи. Правда, существует и обратная сторона для философских доказательств, подкрепляемых художественными образами. Французы это выражают поговоркой: «*Comparaison n'est pas raison*»*. Для того, чтобы сравнение было убедительно, необходимо, чтобы пример, так сказать, со всех сторон без выступов и недочетов покрывал ту мысль, которую он хочет оживить. А это не всегда удается. Как только сравнение бедно, как только оно не покрывает основной мысли, так эта основная мысль не только ничего от примера не выигрывает, а, напротив того, теряет в яркости и жизненности; с другой стороны, как только сравнение, так сказать, с пересолом и выходит за пределы сравниваемого, так основная мысль теряет свою убедительность по поговорке *qui prouve trop ne prouve rien***, именно потому, что громоздкость, карикатурность или пересоленность сравнения убивает сравниваемое. Поэтому понятно, что умение для усиления своей убедительности удачно пользоваться сравнениями дается немногим. И Л. Н., как я уже сказал, по моему мнению, владеет этим умением в совершенстве. Это умение в значительной степени скрашивает главный недостаток его философских писаний, заключающийся в неукротимом стремлении во что бы то ни стало обобщать свои основные положения, не допуская ни уклонений, ни исключений. Правда, от этого мысль приобретает мощь и величие, но часто грешит против действительности, а зачастую и против логики. И вот на помощь облюбованной им идеи Л. Н. всегда удачно поспевают с каким-нибудь художественно обработанным примером, часто разрастающимся в целый талантливый рассказ, и читатель очарован и покорен прелестью писательского таланта. Я вполне убежден, что не будь Л. Н. великим художником, все его философские сочинения, которым он придает столько значения, умаляя с тем вместе все свои художественные произведения, никем бы не читались. С одной стороны, к самому их прочтению большинство приступает лишь потому, что это произведение все того же великого автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», а, с другой стороны, самая тягость чтения этих зачастую парадоксальных и изрекающих все одни и те же мысли сочинений вполне облегчается прелестными художественными отступлениями.

Сегодня Л. Н. по поводу все продолжающейся бурской войны выразил ту мысль, что эта война ему доказывает ничтожность силы денежной пред силой нравственной. В этой войне дерется самый богатый народ против народа совершенно истощенного и разоренного, а вместе с тем дерутся вялые, безыдейные солдаты против людей, всецело проникнутых одной идеей — идеей свободы. И англичане до сих пор все еще не могут осилить буров. При этом он вспоминал, как и во время осады Севастополя его поражало отсутствие воодушевления в английском солдате. Оказывается, что самое большое количество перебежчиков всегда было из английского лагеря <...>

1902

<НА ПУТИ В КРЫМ>

27 января. Вагон скорого поезда. Большой перерыв в моих записках. Более месяца тому назад я выехал из Гаспры и теперь возвращаюсь вместе с семьей, торопясь приехать туда, будучи вызван телеграммой об опасном состоянии Л. Н. <...> Только что приехали из Москвы, как была

* Сравнение не есть доказательство (франц.).

** кто много доказывает — ничего не доказывает (франц.).

получена срочная телеграмма: «У отца сильный припадок грудной жабы». Мы тотчас же стали спешить укладываться. Пред нашим отъездом была получена другая телеграмма: «Припадок грудной жабы кончился. Определили плеврит» <...> На том же поезде едет Илья и доктор Волков, вызванные тоже телеграммами <...>

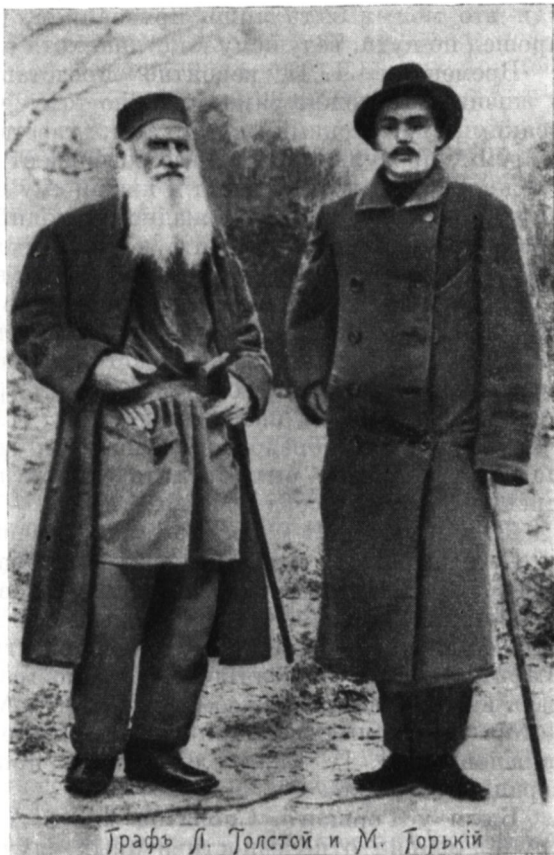
Самовольство и самоуправство наших чиновников-самодержцев все растет. Недавно Сипягин⁴⁹ выкинул такую штуку. Маркс выпустил приложением к своей «Ниве» «Обозрение России XIX столетия»⁵⁰ с портретами лиц, чем-либо замечательных. В литературном отделе был между прочими литераторами помещен и портрет Л. Толстого довольно большого формата. Главный цензор кн. Шаховской усомнился и сходил к Сипягину за указаниями, как поступить. Сипягин вычеркнул портрет Толстого. Маркс представил в цензуру новый экземпляр своей книги, поместив Толстого в маленьком виде в компании Горького, Потапенко, Короленко, Авсеенко и т. п. Шаховской снова обратился к Сипягину. Сипягин и этот портрет зачеркнул. Так и выпустил Маркс обзор русской литературы, где потомство не найдет портрета Толстого. Запрещается печатать на открытках портреты Толстого. Евгения Максимильяновна⁵¹ выпросила разрешение распродать по крайней мере уже напечатанные Красным крестом открытки с портретом гонимого Сипягиным писателя. По этому случаю открытки быстро поднимаются в цене. Я видел у гр. А. А. Толстой, двоюродной сестры отца Л. Н., старой фрейлины, живущей в Зимнем дворце, интересную коллекцию открыток с портретами Л. Н. Она очень трогательна своей любовью к глубоко огорчающему ее своими религиозными воззрениями племяннику. Она говорит об нем с безграничной нежностью и интересуется всем, что касается его и его семьи. Услыхал я от нее следующий рассказ. Много лет тому назад Л. Н. передавал ей план романа, который он не то задумал, не то уже набросал. В этом романе он хотел изобразить психологию превращения Александра I в Федора Кузьмича. Придумывая, как это событие могло совершиться, если бы оно действительно совершилось, Л. Н. в своем воображении набросал следующую картину. Александр, уже больной, отправляется на прогулку. Во время прогулки он натывается на экзекуцию шпирутенами какого-то солдата. Вглядывается он в него и узнает одного гвардейца, которого он знал в Петербурге и который поражал его своим сходством с ним. Взволнованный, он останавливает экзекуцию, сажает солдата в свою коляску, везет его во дворец, кладет его в свою постель. Несмотря на поданные пособия, солдат ночью умирает. Тогда Александр решает осуществить свою заветную мысль. Он умоляет императрицу, Вилье, Волконского помочь ему, и сам исчезает. — «Мне представляется, что так могло бы быть», — заключил свой рассказ Л. Н. Но впоследствии, как его ни пленяла эта благодарная для романиста тема, ему пришлось от нее отказаться вследствие ее исторической неправдоподобности.

⟨ Г А С П Р А ⟩

30 января. Третьего дня приехали мы в Гаспру. Ехали на лошадях из Севастополя. С нами ехал Илья Толстой и д-р Волков, вызванный своей женой из Москвы. Ехали все в весьма тревожном состоянии. Последняя телеграмма, полученная в Синельникове, гласила: «Положение отца весьма серьезно», — сделала то, что мы не чаяли его застать в живых. Но, к великой нашей радости, Л. Н. оказался не только жив, но даже было отмечено некоторое улучшение. 24-го с ним сделался сильный и продолжительный припадок грудной жабы. 25-го припадок прошел, но был констатирован плеврит с левой стороны. 26-го началось воспаление в левом легком; 27-го перешло в правое. Знаменитый Щуровский⁵², приехавший

ТОЛСТОЙ И ГОРЬКИЙ
ОТКРЫТКА, ЗАПРЕЩЕННАЯ
ЦЕНЗУРОЙ, 1902 г.

Издана за границей
Центральный исторический архив,
Ленинград

Графъ Л. Толстой и М. Горькій

из Москвы, и ялтинский Альтшуллер решили, что нет надежды, и давали жизни Л. Н-у два, много три дня.

28-го признали некоторое улучшение; 29-го нашли, что воспаление разрешается; 30-го, т. е. сегодня утром, врачи остались довольны больным <...>

Сам Л. Н., очевидно, хотя и не постоянно, а ждет смерти и находится в столь же спокойном и мудром настроении, в каком он находился и в июле, когда он, по его выражению, взобрался на самый верх горы и там даже приотворил было дверь, ведущую *туда*, но затем его потащили назад, и он снова вернулся к жизни. Болезнь (сердечная слабость) была совсем не мучительная, и Л. Н. говорил мне тогда, что ему ехать на гору пришлось по гладкой покойной дороге, «а боюсь, как бы в следующий раз не пришлось ехать по колчам в тряском экипаже», — прибавил он. Вероятно намекая на этот разговор, он мне сказал сегодня: «Тогда (т. е. летом) я держал гимназический экзамен, а теперь приходится держать магистерский». Тане и Маше он сказал: «Я думал, что умирать легко; нет, очень трудно. Духовно чувствую себя прекрасно. Но трудно сбросить с себя *это* (т. е. свое тело). Не знаю, как это мог Адам Васильевич (гр. Олсуфьев ⁵³, недавно умерший) умирать легко. Нет, это очень трудно». Напомнил он Маше о том, что он и раньше говорил, чтобы, когда он будет отходить, чтобы его спросили: правильно ли он веровал, не отрекается ли он от своих убеждений? Он, кивнув головой или мотнув головой, постарается ответить на эти вопросы, надеясь, что ему что-либо начнет выясняться в эту минуту. Но Маша говорит, что не следует это делать, т. к. знак отрицательный может быть принят за признание правды православия, тогда

как это может быть лишь признанием, что Л. Н. недостаточно далеко прошел по пути, ведущему к истине, хотя сам путь и был правильный <...>

Временами Л. Н. вероятно представляется, что он возвращается к жизни. Это можно заметить и по тому, что он начинает интересоваться всякими житейскими пустяками, газетами, придумыванием какой-то теоремы, прогулками, которые совершают съехавшиеся родные и друзья. Насколько эти возвращения к жизни ему отрадны и радостны, трудно судить, но думаю, что этот жадно живущий и всеобъемлющий человек не прочь еще пожить, помыслить и тем самым продолжать свою творческую деятельность, которая всегда для него была так дорога.

Думаю, что много вреда сделало его здоровью это письмо царю, над которым он работал таким ускоренным темпом за это последнее время, работал с таким волнением и страстностью и которое в. к. Николай Михайлович взялся передать государю. Когда пришла телеграмма от в. к., что письмо передано по назначению ⁵⁴, Л. Н. был уже болен. Это известие его чрезвычайно обрадовало, и ночью в бреду у него вырывались фразы, по которым можно было судить, что он надеется, что добрые семена это письмо посеет в сердце царя <...>

31 января. Л. Н.-у положительно лучше сегодня <...>

Сегодня Л. Н. сказал Маше: «Доктора меня утешают, что я поправлюсь, а мне грустно расставаться с готовностью моей умереть».

Меня порадовало, что Л. Н., несмотря на то, что не может он чувствовать симпатии к Романовым, не одобрил грубого и бесцельного пасквиля Амфитеатрова в «России». «Гг. Обмановы» ⁵⁵ должны неприятно действовать на человека со вкусом. Слухи, что Амфитеатров возвращен с пути, который он помимо желания предпринял не то в Tobольск, не то в Иркутск, порадовали Л. Н. Едва слышно он произнес: «Это доброе движение сердца государя».

Были у Горького. Снова он мне не очень-то понравился. Уж очень груб. Говорил о полезности в иных случаях мордобития. Совсем уж либералу неподобающее рассуждение. Оказался очень знающим орнитологом и, вступив в горячий спор с Дунаевым по поводу весьма специальных суждений о птицах, совсем нашего милого Дунаева загонял.

1 февраля. Медленно, но здоровье Л. Н. улучшается. В правом легком больше незаметно воспаления. Стали реже давать digitalis. Сегодня его не видал, но вчера ему много рассказывал, и он очень охотно меня слушал.

2 февраля. Доктора говорят, что все лучше и лучше, но мне все кажется, что неустойчиво положение Л. Н. и ежечасно можно опасаться поворота к худшему. Много телеграмм получается, а так как Сипягин решил, что писателя Л. Толстого в России не существует или что таким ничтожным писателем газеты не смеют занимать своих читателей и так как этим пришибленным газетам запрещено упоминать о Льве Толстом, то, естественно, ходят слухи, не соответствующие истинному положению дел. Сегодня были получены телеграммы с выражением горя по поводу кончины великого писателя. С. М. Мартынова ⁵⁶ получила заказ на венок с просьбой возложить на гроб и т. п. Чертков телеграфирует из Лондона об трогательных проявлениях симпатий в Европе и Америке к болящему.

4 февраля. Сегодня Л. Н. очень бодр и свеж. Но не так добр, как раньше, когда чувствовал себя на краю могилы. Со вступлением снова в жизнь началось у него негодование против его противников по вере. О православии отзывался особенно жестко, когда я ему передавал только что прочитанную мной в «Русском вестнике» статью Новоселова об опытном богопознании. А Новоселов, апоста* толстовства, отзывается о своем преж-

* отступник (от франц. apostat).

нем учителя мягко и любовно ⁵⁷ <...> В «Курьере» напечатано маленькое сообщение о том, что Л. Н. опасно занемог. Но, говорят, «Курьер» подцензурный, а вот ни одна большая бесцензурная газета до сих пор не осмелилась напечатать хоть ничтожную заметку о болезни «великого писателя земли русской» <...>

6 февраля. Хорошо, если я ошибаюсь, но, по-моему, прогностика в болезни Л. Н. утешительнее не становится. Ночь провел нехорошо, не спая, томился, а теперь днем стали делаться боли в груди. Доктор Волков говорит, что это совсем не похоже на грудную жабу. Хорошо, если он прав. Дух у Л. Н. не тот, что был эти дни. Стал снова поговаривать о смерти. Сказал сегодня ночью доктору Альтшуллеру: «А хороша эта болезнь, хороша тем, что длительна и дает время ко смерти приготовиться». На слова доктора, что дело не к тому идет, Л. Н. возразил: «Это по-вашему докторскому так, а я чувствую, к чему дело идет» <...>

Сейчас вечером доктора решили, что начался кризис. Сегодня, завтра очень важные дни. Л. Н. это сознает и говорит: «Я чувствую, что теперь я балансирую» <...>

В газетах стали мелькать краткие и робкие сообщения¹ о болезни Л. Н.-ча. Сипягин ли смилостивился и разрешил, или иные газеты осмелели и на свой страх так поступили — неизвестно.

7 февраля. <...> Л. Н. слаб. Сказал сегодня Альтшуллеру: «Что вы со мной ни делаете, а я умру». Спрашивал я Альтшуллера, каково его мнение, боится ли умереть Л. Н. или нет? Его ответ совпал вполне с тем, что я думал. Сначала во время припадков грудной жабы и после нее Л. Н. боялся смерти и жалел жизнь; когда началось воспаление легких, Л. Н. и смерти перестал бояться и жизнь перестал жалеть; после того, как оказалось улучшение и Л. Н. убедился, что он не умирает, он стал снова жалеть жизнь, но смерти, кажется, не боится.

8 февраля. Опять у верующих в исцеление Л. Н. явилась надежда. Сегодня Л. Н. настолько бодр, что продиктовал Маше целое предисловие к своим «Памяткам», которые он послал Черткову для напечатания ⁵⁸, а потом просматривал журналы и газеты <...>

9 февраля. Кончилось дело павловцев ⁵⁹. Не только слушалось оно при закрытых дверях, но в нарушение всяких законов по высочайшему повелению даже объявление приговора было произведено при закрытых дверях <...> Но как всегда, чем больше секретничаешь, тем больше распространится секрет. Л. Н. уже получил письмо от кого-то, который все интересное узнал и от подсудимых, остававшихся на свободе, и от свидетелей. Поведение суда было возмутительное. Приговор читался так скоро и неважно, что записать что-либо было невозможно, а в просьбе снять копию с решения было отказано защитникам. Защитников осталось, кажется, двое, так как между окончанием судебного разбирательства и приговором устроили два дня антракта, так что все далеко живущие защитники разъехались, поручив двум присутствовать при объявлении приговора. Но этим двум (в письме почему-то упоминается один) председатель сделал двукратное предостережение не телеграфировать своим товарищам о решении суда. Многие приговорены к каторге.

Я все думаю о том, как разнокалиберна та группа родных и друзей, которая окружает Л. Н., разнокалиберна и по настроению, и по любви к нему, и по проявляемой заботливости, и по своим душевным достоинствам. Я уже не раз замечал, что у постели тяжелобольного с особою рельефностью выступают иные свойства человека, в другое время более бледно очерчиваемые. Полное отсутствие серьезности в такие трудные дни. Самолюбие, эгоизм, зависть, раздражительность, желание выставить себя вперед и порисоваться, а также желание руководить другими, особенно se donner

de l'importance*, — все это может видеть мало-мальски наблюдательный человек у постели Л. Н. или в смежных комнатах; а вместе с тем нельзя не любоваться и прекрасными порывами сердца, неутомимой заботливостью, отречением от своих интересов и привычек, кротостью и скромностью, качествами, которые не столь ярко выступают, как свойства дурные, но все же весьма заметны в иных близких Л. Н. во время этой неустанной борьбы против смерти. Особенно я проникаюсь уважением к докторам, а из числа докторов не столько к знаменитостям, как Бертенсон и Щуровский, сколько к трем местным докторам — Альтшуллеру, Елпатьяевскому, Волкову, безо всякого денежного вознаграждения по очереди дежурящим по ночам, безропотно приезжающим во всякое время и во всякую погоду, кладущим всю свою энергию на то, чтобы хоть на короткое время отвоювать у смерти того Льва Толстого, который во время всей своей литературной деятельности неустанно насмехался над докторами и над их наукой.

Теперь, конечно, дело несколько иное, и Л. Н., не иронизируя над лекарствами и их целебными свойствами, преисправно глотает всю ту латинскую кухню, которую в него вливают. Но все-таки нет-нет, а поворчит иногда на докторов. Сейчас, например, проведя дурно ночь и будучи в унылом настроении духа, жаловался, «что вылечить не вылечивают, а умирать не дают».

15 февраля. <...> Уже несколько времени как ходят слухи, что правительство, сконфуженное отлучением и приближающейся кончиной Л. Н., стало распространять слухи, что он раскаялся, исповедался и причастился. Будто бы даже решено его похоронить по православному обряду на основании этого вымысла. Но, конечно, это рискованно и, если не в России, то в этой противной загранице, где нельзя запретить писать, последователи Толстого разоблачат эту ложь. Поэтому было бы необычайно приятно не воображаемое, а действительно «напутствовать» Л. Н. и хоть страхом смерти заполнить этого опаснейшего врага. Очевидно, результатом этого соображения явилось письмо к Софье Андреевне митрополита Антония ⁶⁰ <...> Странное письмо. Конечно, митрополиту очень хочется, чтобы Л. Н. «примирился с церковью», но только, конечно, он этого так сильно желает вовсе не из жалости к «одиночеству» Л. Н., а ради выгоды для самой церкви от такого «примирения». Ухватка иезуитская <...>

Софья Андреевна передала Л. Н. содержание письма митрополита. На это он сказал: «Напиши ему: у меня в душе одна молитва к богу: от тебя я исшел, к тебе я иду, да будет воля твоя. Другой молитвы теперь не знаю». А затем он раздумал и сказал: «Лучше ничего не пиши».

24 февраля. А Софья Андреевна все-таки написала ответ митрополиту. Правда, от лица Л. Н. она ничего не говорит <...> ⁶¹

В. к. Николай Михайлович передал кн. Барятинской (Нелли), она написала Черткову, а он Л. Н.-у то, что государь отнесся «благосклонно» к его письму и обещал никому его не показывать. Последняя фраза характеризует этого робкого, не имеющего никакой инициативы, самоограничившего себя самодержца, не могущего ничего сделать помимо своих министров. Ему кажется, что обещание не показывать должно гарантировать и его самого и Л. Н. от разных неприятностей. Но эта робость вместе с тем очевидно ведет также и к тому, что никакого влияния на изменение политики не последует, а потому «благосклонное отношение» — один лишь звук пустой. Тем не менее, очевидно, это известие порадовало Л. Н., так как он отменил печатание своего предисловия к «Памяткам» ⁶², где говорится о безрезультатности его писем к царю <...>

* придавать себе значение (франц.).

ТОЛСТОЙ У МОРЯ

Фотография В. С. Молчанова, 1959 г. (со снимка 1901 г., Гаспра)
Литературный музей, Москва

25 февраля. Был сегодня у Л. Н. Дня три как его не видал. Конечно, ему хотя медленно, но становится все лучше и лучше. Доктора довольны, но мне все кажется, что вот-вот появится что-либо неожиданное и снова его бросит назад в объятия смерти. Читал он сегодня газеты и был поражен подробностями смерти Гоголя (в «Маленьких письмах» Суворина)⁶³. Да, это действительно ужасно, и Лев Толстой совсем не так умирает (если только он умирает). Во-первых, с ним доктора совсем не так обращаются, а, во-вторых, он сам вовсе не стремится во что бы то ни стало умереть. Напротив того, у него является все больше и больше желание жить <...>

27 февраля*. <...> А здоровье Л. Н. ничего утешительного не представляет. После хотя и медленного, но все же постепенного улучшения вдруг снова жар и распространение воспаления. Вчера он чувствовал большую тоску. Говорил доктору Волкову, что желает скорее какого-либо определенного положения, а то ни взад, ни вперед. Сегодня интересовался газетами. Взволновался, узнав о победе буров и о взятии в плен Метуэна⁶⁴. Вечером, когда доктор Альтшуллер спросил его, рад ли он, что взят в плен Метуэн, он ответил: «Совестно мне в этом сознаться, но очень, очень рад». C'est le cri du coeur**, и служит коррективом к неискренней и несправедливой статье о бурской войне, где обе стороны сравниваются с двумя пьяными, подравшимися в кабаке⁶⁵. Огорчился Л. Н. делом Пастухова⁶⁶. Жалко, что я не узнал, какое на него впечатление произвела умная и тонкая статья Буренина («Новое время» от 22 февраля) по поводу предисловия Л. Н. к «Крестьянину» Поленца. Эта вкусная похвала с некоторыми, впрочем, reticences***, вероятно, приятно пощекотала самолюбие Л. Н. Что он до сих пор не равнодушен к людскому мнению, я недавно узнал от него самого. Как-то он мне говорил, что всякое свойство человека имеет всегда, по его наблюдению, обратную сторону и

* В автографе описка: 27 января.

** Это крик сердца (франц.).

*** недомолвками (франц.).

что он любит подбирать и спаривать эти стороны. «Вот, например, я по себе знаю, что у кого есть наблюдательность, тот имеет и тщеславие». Я совершенно искренно возразил, что мне это не вполне ясно: наблюдательность действительно бесспорно существует у Л. Н., но тщеславие? Мне думалось, что он давно освободился от этого чувства. «Вот как, — хитро улыбаясь, ответил Л. Н., — меня это радует. Радует, что от вашей наблюдательности сумело спрятаться мое тщеславие» <...>

1 марта. Снег, мороз, вот так Крым. Л. Н. как будто теряет появившуюся одно время любовь к жизни. Вчера говорил Тане, что он стал совершенно равнодушен к тому, умрет ли или выживет, и хвалил свою болезнь как прекрасное приготовление к смерти. С этим настроением немного не согласуется принятие лекарств и вообще обращение к помощи докторов. Мне кажется, что Л. Н., болея так долго, сумел выработать в себе бесстрашие пред смертным часом (и то много!), но равнодушия к жизни еще не достиг. Ведь его до сих пор интересует решительно все, что творится вокруг него. Даже газеты ежедневно прочитывает. Относительно своей веры незаметно, чтобы он имел сомнения (если не считать его предложения подать утвердительный или отрицательный знак в момент смерти). Но все-таки он думает о доказательствах истинности своего верования. Как-то своему сыну Илье теперь, во время болезни, он сказал: «Думаю, что моя вера истинная: ведь она мне дала 20 лет счастья» <...>

2 марта. Вчера Л. Н. продиктовал коротенькую открытку Буланже, в которой сказано: «Доктора говорят, что мне лучше, но я не позволяю себе мечтать о выздоровлении» ⁶⁷. Вот это вполне ясное и правдивое выражение его интимного чувства. А слова, сказанные Тане (см. выше), очевидно, выражали лишь минутное, а не постоянное настроение <...>

3 марта. Состояние Л. Н. недурно. Вид бодрый. Очень разговорчив, обо всем расспрашивает. Вчера, диктуя письмо Черткову, выразился так: «Много думаю о задуманных или начатых произведениях, которые едва ли (сначала Л. Н. выразился «наверно», потом «вероятно», потом «едва ли») придется кончить» ⁶⁸. Значит, голова писателя все работает: творчество не ослабевает. Буланже прислал глупое письмо, в котором Л. Н. сравнивает с Христом, а себя, т. е. «темных», с апостолами ⁶⁹. Какая непролазная бестактность!

12 марта. Снова были беспорядки в Петербурге 3 марта. Буланже пишет, что были раненые ⁷⁰. Конная полиция особенно неистовствовала. Манифестантов было около 30 тысяч человек. Кричали: «Долой самодержавие!». Выкидывали красные флаги. Пишет также, что будто бы гр. А. А. Толстая в разговоре с женой Сипягина выразилась так: «Какой это дурак мог запретить писать о здоровье Л. Н.», и будто бы после этого разрешили сообщать о здоровье. А теперь будто бы кн. Н. В. Шаховской ⁷¹ передавал Буланже, что запрещено в газетах упоминать об отлучении Л. Н. Это значит, что самим стало казаться это отлучение нетактичным и непрактичным. Пишет также, что будто Ключевский недавно в каком-то обществе говорил, что ему с исторической точки зрения по признакам времени представляется ясным, что самодержавию настает конец <...>

Недавно Л. Н. привел разговор гр. Н. П. Игнатьева с кн. Л. Урусовым ⁷². Игнатьев сказал: «Странно, а надо сознаться, что среди либералов много умных людей, а среди консерваторов все больше глупые». Эти слова Л. Н. привел как доказательство того, что при борьбе ума с глупостью глупость должна в конце концов спастись. Но ведь при этом все-таки главный вопрос все в тех же штыках, до которых сплз ума не касается, а которые, несомненно, придают устойчивость тому, что они поддерживают. Последний промах правительства совершен с Горьким. Выбран он в академики. Получил о своем избрании официальную бумагу за подписью Веселовского. Вдруг вчера в газетах телеграмма, что выборы

считаются недействительными, так как он, Горький, привлекается к ответственности по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 1035 (напечатавший оскорбительные отзывы о действующих в империи законах и т. д.)⁷³ <...> Сегодня я видел Горького. По-моему, он доволен. В его серых небольших глазах светился злой и насмешливый огонек, когда он говорил о скандале, который неминуемо последует, так как Чехов и другие академики (кто, собственно, не знаю) намерены выйти из Академии ради нанесенного ему, Горькому, оскорбления. Л. Н. долго беседовал с Горьким наедине, но вряд ли подаст в отставку <...>

Но воображаю, какие телеграммы и корреспонденции полетят в иностранные газеты по поводу этого incident Gorky.

Горький рассказывал сегодня, между прочим, об одном нижегородском богаче Бугрове (в 40 миллионах), который в беседе с ним, Горьким, о конституции в присутствии других денежных тузов выразился так: «Конституцию-то получить можно, только вашему брату от этого пользы никакой не будет: мы вам гайки-то туго подтянем» <...>

Л. Н. очень одобряет буров, отпустивших Метуэна на волю. Этим поступком они будто бы совсем огорошили англичан. Относительно англичан он удивлялся, до какой степени понизилась их государственная мощь и их нравственный уровень за последнее время.

Л. Н. даже стихи вчера стал сочинять. Он мне продекламировал подражание Пушкину, начинавшееся так:

Все мое,— сказала сила,
Все мое,— сказала мысль ⁷⁴.

В общем Л. Н-у настолько лучше, что я, к счастью, могу признать свой пессимизм потерпевшим поражение.

17 марта. Л. Н., прочитав правительственное сообщение о беспорядках в Москве, мне сказал: «Пожалуй, правда, что до революции далеко. Во всяком случае другие пути для этого нужны» <...>

Оказывается, наш священник в Кореизе (тот самый, который уговаривал садовника следить за Л. Н. и доносить на него) держится такого обычая: когда какой-нибудь вел. князь или вел. княгиня, поцеловав крест, целует у него руку, то и священник лобызает руку у его или ее высочества <...>

20 марта. Тригони провезли на-днях из Шлиссельбурга на Сахалин. Он пробыл 20 лет в одиночном заключении ⁷⁵. Как-то удалось иным из его почитателей его повидать, и с его слов написан небольшой рассказ, который Буланже шлет Л. Н-у: «Сам Тригони выглядит страшно измученным, видно, что тюрьма иссушила его до последней степени. Зато бодрость духа чисто юношеская. Несмотря на глубокую седину, на изможденное тело, от всей фигуры и от каждого движения веет молодостью и жизнью. Живые глаза так и горят от сообщения ему тех или других новостей из современной жизни. Сразу замечается, что непоколебимая вера в успех того дела, за которое он отдал жизнь, ни на минуту не покинет его до самой смерти. Обнаруживает вполне ясное понимание политической борьбы в России, уверен в близкой победе и радуется, как юноша». «Заключенные целых 11 лет не имели никаких известий с воли. Появление среди них Карповича (убийцы Боголепова) ⁷⁶ внесло к ним свежую струю». «Особенной жестокостью отличался режим 80—81 гг.» «Теперь жизнь в крепости стала несколько сноснее». «Добились они улучшения путем потрясающей борьбы». Морили себя голодом, один (Грачевский ⁷⁷) облил себя керосином и сжег себя. Возмутительно, что по чьему-то произволу людей, приговоренных к каторге, сажают в одиночное заключение, иных без срока. А то делают и хуже. Посаженым на срок по наступлении срока вдруг объявляют, что волей администрации такой-то должен отсидеть еще столько-то лет, и т. п.

Л. Н., прочтя рассказ Тригопи, задумался и сказал мне: «А пока люди так страдают, идет бал в Зимнем дворце. Роскошные туалеты дам, мундиры, тропические растения. Державный хозяин обходит гостей, милостиво беседуя (...)

21 марта. Прочел «Tolstoï et les doukhobors» Bienstock, «Lettres de Tolstoï» (издание того же Bienstock) и «Мысли» Рескина, рекомендованные мне Л. Н.-м.⁷⁸ Они испещрены его NB.

Читая их, я всюду наткнулся на ту самую мысль, которую высказывал и Франциск Ассизский, а именно, что проповедовать нужно не словами, а своим примером. Да Л. Н. мне и лично не раз говаривал, что «религия есть отношение конечного к бесконечному, причем необходимо, чтобы конечное (т. е. человек) руководствовался в жизни этим отношением». Так почему же есть толстовцы, которые выставляют такое положение: «Главное, следует знать, что добро и что зло, а жить так, чтобы делать добро и не делать зла, не так важно». Для меня такое прижизненное извращение основной мысли учителя психологично весьма интересно. Присутствуя при этой чрезмерно быстрой эволюции, я еще более ярко понимаю то, что сделало человечество с учением Христа. Может быть, не так быстро, как учение Толстого, но основные положения Христа были после его смерти извращены, затемнены, смягчены христианами же, и это сделано было бессознательно, вследствие весьма естественного стремления тяжелое заменить более легким, строгость жизни без каких бы то ни было компромиссов затуманить догматическими умствованиями, не требующими никакого напряжения воли.

Самая крупная заслуга Толстого заключается в том, что он неуклонно и неотвязчиво бил все в одну и ту же точку, стыдя все три убежавшие в догматические дебри церкви (православие, католичество, протестантизм) и стараясь их вернуть к трудно исполнимому, но безусловно ясному учению самого Христа.

Казалось бы, учение Толстого, сводящего всю евангельскую проповедь к одному центральному пункту, к Нагорной проповеди, если и грешит некоторой узкостью, то во всяком случае не страдает туманностью. А между тем, как я уже только что заметил, многие близкие Толстому люди берут из учения Толстого самое легкое, побочное, несущественное, а на самое главное (скорее неумышленно, чем умышленно) закрывают глаза.

Недавно мне пришлось слышать особенно яркое подтверждение моей мысли. Один из сыновей Л. Н.⁷⁹ при других Geschwister* говорил о том, какого он стал низкого мнения о дворянах, с которыми он сталкивался и знакомился на выборах. «Я невольно стал высокого мнения о себе, — говорил он. — Конечно, мы ушли от других на целый век вперед. Да и то сказать, надо нам помнить, около какого отца мы выросли и что мы с детства слышали!». Никто из Geschwister на это ничего не возразил, а было что возразить. Учение отца отразилось на жизни этого сына следующим образом: он в церковь не ходит, попов и правительство ругает, науку (которую не знает) презирает и... и право больше ничего. Но зато он делает много такого, чего, конечно, не делают даже многие из презираемых им дворян, а именно: по трактирам болтается, дурно себя ведет как муж, держит псовую охоту, презирает хамов, в морду не то дает, не то грозит, дать, словом, делает все то, что так враждебно учению его отца и что так напоминает помещика крепостных времен. Казалось бы, что если его уж как определять, то ближе всего выражением — на целый век назад; а между тем он искренно убежден, что он ушел на целый век вперед против других. Как? Почему? Да только потому, что он «слышал» с детства проповедь своего отца. Не есть ли это своего рода догматизм? Не есть ли

* братьях и сестрах (нем.).

А. Сулержицкий
Фотурка

Сердитый пес породы волкодавов
Прикован на цепи в красивой конуре...
1902¹⁵
Олеиз. Крым

А. М. ГОРЬКИЙ

Фотография, 1902 г.

Внизу надпись Л. А. Сулержицкого с цитатой из стихотворения Горького:
«Сердитый пес породы волкодавов Прикован на цепи в красивой конуре...

1902¹⁵ Олеиз. Крым»

Собрание Д. Л. Сулержицкого, Москва

это своего рода пашковщина⁸⁰ в толстовстве, уродливая, карикатурная, узкая пашковщина, убежденная в подобии спасения подобием веры? Но настоящая пашковщина все же выше этого сорта толстовщины, так как ни один пашковец, полагаю, не позволит себе так жить, как живет этот ушедший на целый век вперед сын Толстого.

Сам Л. Н. любит своих детей и, конечно, старается насколько возможно обелять их. Но и он сознает, что все их дурное происходит оттого, что они из его учения берут самое легкое, а трудное отбрасывают. По этому поводу припоминается мне один откровенный разговор со Л. Н. несколько лет тому назад (я тогда еще не был его зятем). Я нередко бывал у них в доме, и Л. Н. иногда вызывался проводить меня до моей квартиры с целью подышать ночным воздухом. Мы хаживали по Смоленскому и Новинскому бульварам. Ночью эти бульвары совсем пустынные, а вместе с тем они хорошо содержаны, отчего ходьба по ним очень приятна. Разговоры порой становились интересными и душевными. Помню как-то раз Л. Н. впал в свое обычное после 12 часов ночи «гинофобное», как он называл, настроение и стал бранить женщин, делая при этом оговорки, что я, мол, конечно, своих двух дочерей невольно считаю исключением из всего того, что я говорю о женщинах. Кончил он тем, что сказал: «Надеюсь, что не умру, пока не напишу всей правды о женщинах». — «Да что вы, Л. Н., кажется, уж довольно того, что вы о них написали злого, и пожалуй и справедливого», — возразил я. — «О, это далеко не все то, что я знаю о них. Я знаю еще многое», — задумчиво промолвил Л. Н.

Но я отклонился в сторону, я хотел восстановить в памяти другой его разговор об его детях. «Беда, когда в семье нелады между мужем и женой», — говорил Л. Н. — Эти нелады очень дурно отзываются на детях. Вот, например, у нас. Мать говорит, что надо хорошо учиться, ходить в церковь, посещать так называемое хорошее, светское общество. Я говорю, что важно не ученье, а честная, целомудренная и трудовая жизнь; в церковь ходить не следует; следует удаляться от так называемого хорошего общества. А дети наши делают выборку между противоположными убеждениями отца и матери с точки зрения того, что для них легко и приятно. Учиться скучно — отец прав; светское общество заманчиво — мать права; ходить в церковь скучно — отец прав; трудовая жизнь тяжела — мать права» <...>

24 марта. Ходили к Горькому прощаться. Рассказывал он о тяжелой участи своих «Мещан», которых дня три тому назад давали в Петербурге. На одну из репетиций явились Святополк-Мирский и Клейгельс, уселись в первом ряду с книжками в руках и вычеркивали в тексте все то, что находили чрезмерно либеральным⁸¹. Затем приказали, чтобы актеры вычеркнутых ими выражений и тирад (между прочим, о снисхождении тюремного смотрителя к арестантам) не произносили во время представления. Поработали эти лица порядком. И в таком искаленном грубым произволом виде пьеса предстала пред публикой. Говорил Горький о невозможности создавать драмы, так как сюжета нет, — люди измелъчали, а сцены драматические (не драмы) он будет писать, так как таким способом «учить легче» <...>

9 мая. <К о ч е т ы>. Грустная телеграмма о Л. Н. У него брюшной тиф. Таня уехала тотчас же.

1903

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

20 мая. Около 10 дней, как живем в Ясной Поляне. Я уже не раз мысленно хоронил Л. Н. Тем с большим удивлением гляжу я на этого старца, свежего, бодрого, сильного. Он много ходит пешком и много ездит верхом

не только с целью укрепить себя, а потому, что его тянет двигаться. Вместе с тем он много и пишет и читает, и если не всем, то во всяком случае многим интересуется. Но вот что мне приходится отметить: ко Л. Н.-у интерес общества стал охладевать. Это я уже стал замечать в Европе. В Ясной Поляне это мне виднее: меньше посетителей; не только количественно, но и качество адресуемых ему писем понизилось. Не знаю, замечает ли он это или нет. Но что он начинает признавать, так это то, что всякие общественные, религиозные, политические перевороты еще далеки до осуществления. Он видит, что строй существующий государственный и религиозный цепко держится за жизнь. Помню, как еще недавно Л. Н. придавал решающее и преувеличенное значение даже всякому единичному отказу от военной службы, о чем торопились сообщать ему его наивные друзья; православие, по его мнению, могло быть исповедуваемо одними болванами; самодержавие должно было будто бы уступить под напором общественного мнения; национализация земли являлась назревшей реформой. Напр<отив>, теперь не то. Об иных надеждах он прямо говорит как о чем-то неосуществимом, о других он просто молчит, очевидно, слишком более сердцем от мысли, что мир еще долго будет во зле лежать.

27 октября. В нынешнем году я уже несколько раз был в Ясной. С каждым разом я все более и более удивляюсь здоровью и силе Л. Н. Он все молодеет, свежее, крепнет. Об его прежних смертельных болезнях и помину нет. В этот приезд меня поразила его походка. Он снова приобрел свою молоджавую, быструю, бодрую походку, очень своеобразную, с вывертом носков наружу. Старость выражается только в увеличивающейся сутуловатости с характерным приподнятием левого плеча (не от писания ли?). Горячо и много пишет. Как-то меньше его интересуют религиозные вопросы. Все больше и больше захватывают его заброшенные им на время интересы художественные. Может быть, он сознаёт, что он сказал все, что мог, по части религии и что за последнее время он только повторялся и пережевывал старое. Область же искусства для человека гораздо шире, чем область религии. В последней области человек постоянно натывается на закрытые двери, за которыми запрятано неизвестное, а главное недоступное. Теперь Л. Н. пишет о Шекспире⁸². Я еще этого произведения не читал, но боюсь, что оно будет слишком парадоксально. Развенчивать мировых гениев надо с большой осторожностью. Пожалуй, в некоторых отношениях развенчивать царей, считавшихся великими, дается легче. По крайней мере история с совершившимся фактом последнего рода легко примиряется.

На днях здесь был Александр Сергеевич Бутурлин⁸³. Это знаток по революционным вопросам. На своей спине он перенес многое за свое пристрастие к делу революции. Три года просидел в одиночном заключении. К тому же человек вдумчивый и на редкость образованный. Так вот этот Бутурлин говорил, что он человек очень счастливый; что он всегда получает то, о чем мечтает; что он всю свою жизнь мечтал дожить до революции, и вот теперь уже два года, как он считает, что живет среди начавшейся революции <...>

30 октября. <...> Л. Н. продолжает получать письма касательно Серафима Саровского. Есть указания на то, что исцеляемые были подкуплены и заранее подготовлены⁸⁴ <...>

31 октября. Сережа Толстой ехал с одним интересным офицером из Митавы. Этот офицер между прочим рассказывал Сереже о разных глупостях губернатора Д. Д. Свербеева⁸⁵. Оказывается, что вот уже два года, как Свербеев ведет борьбу с военным ведомством из-за того, что офицеры, встречаясь с ним, ему не отдают чести. Офицеры, когда об этом возбуждается вопрос их начальством, объясняют, что они не знакомы с Свербеевым, а потому ему и не кланяются. Теперь дело подходит к мирному

разрешению. Офицеры одного из полков во главе с полковым командиром ездили к губернатору *знакомиться*; скоро командир и другого полка повезет с той же целью своих офицеров к губернатору. После этого офицеры уже обязательно будут кланяться Д. Д. Свербееву *как знакомому*. Говорил этот офицер и о любви Д. Д. Свербеева к баронам. Любовь эта принимает все ббльшие и ббльшие размеры на почве денежных операций, так как Д. Д. занимает у баронов деньги.

Л. Н. ахал при этих рассказах. «Глупый, невежественный, нечестный человек этот Д. Д. Свербеев, — сказал Л. Н., — а какая ему власть дана! И каково умному, хорошему человеку подчиняться какому-нибудь Свербееву!» <...>

3 ноября. Когда я раз спросил у Л. Н., что такое разум, то он сказал, что определения разума он дать не может. На днях я его спросил, что такое художественность в литературном произведении. Он тоже сказал, что определить художественности он не в состоянии. Он знает действие художественности на душу человеческую. Это умиление, пощипывание в носу, как он выражается. В его книжке «Что такое искусство?» говорится, что в совершенном произведении должно быть сочетание содержания, искренности и формы. Для художественности же, по его мнению, необходимо сочетание двух по крайней мере совершенств — искренности и формы. После нашего разговора он, кажется, пытается выяснить вопрос о художественности в своей статье о Шекспире <...> Хочет Л. Н. доказать, что эстетическое произведение непременно должно быть основано на этическом начале (даже христианском начале). Без этого будто бы оно не может быть эстетичным. Я на это напомнил ему его статью о Мопассане⁸⁶, которая начинается с письма Тургенева, пришедшего в восторг от «Maison Tellier» (публичный дом) и рекомендовавшего Л. Н. это восходящее светило. Л. Н. прочел этот «Maison Tellier» и тоже пришел в восторг. Ну, а уж тут этического и гомеопатической дозы нет. Задумался над моим возражением Л. Н. Не знаю, как он обойдет мое возражение в своей статье.

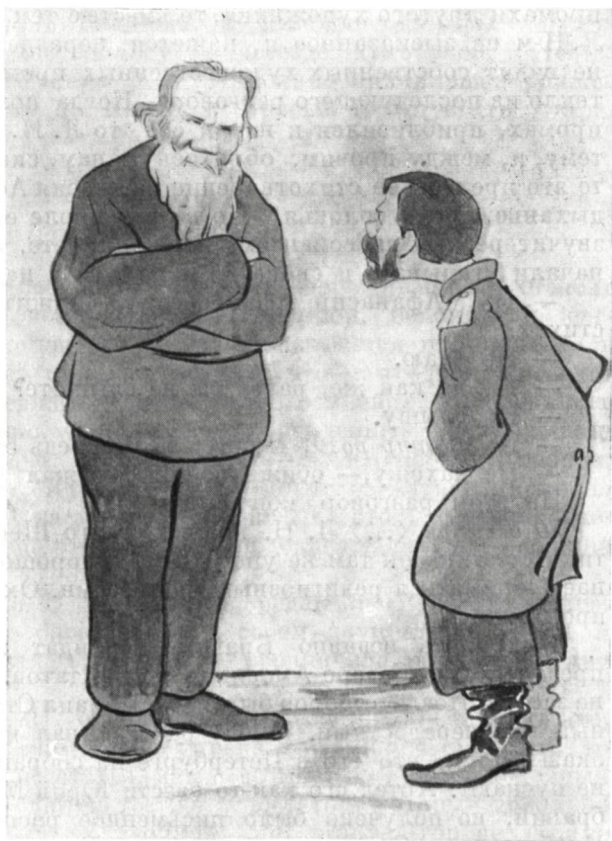
Кн. Д. И. Шаховской пишет Л. Н. по поводу возмутительного дела Золотовой и при этом говорит о какой-то поднимающейся «волне», о «пробуждении»⁸⁷. Кн. Шаховской принадлежит к людям, верящим в наступающую или наступившую уже революцию.

14 ноября. <...> По поводу художественности я припоминаю, как лет 15 тому назад у себя вечером Л. Н. доказывал, что истинный художник имеет особое чутье, которое простому смертному не дано. И это чутье дает ему возможность распознавать фальшь и неправду там, где обыкновенный человек пройдет мимо, не поморщась. «Тургенев, — рассказывал Л. Н., — научил меня отличать человека, обладающего художественным чутьем, от человека, лишенного этого чутья. Лучшей пробой, по его мнению, служит „Последняя туча рассеянной бури“, стихотворение, которое сам Тургенев так любил и чуть ли не декламировал на пушкинском празднике. „Если с вами кто-либо заговорит о чем-либо художественном, — говорил Тургенев, — предложите ему вопрос, что он находит нехудожественного в стихотворении „Последняя туча“? Если он ответит, продолжайте с ним разговор; если не ответит, лучше бросьте: все равно друг друга не поймете“. «Так вот, господа, — продолжал Л. Н., обращаясь к нам, — что вам режет слух в этом стихотворении?». Нас было несколько человек, и всякий наперерыв старался угадать, в чем дело, и тем доказать свое чутье. «Не то, не то», — говорил Л. Н. В это время своей тяжелой поступью вошел в комнату Фет, Фет, который своим сизым носом, крикливым голосом, низменными рассуждениями ничего общего не имел с тем обликом, каким, казалось, должен был бы обладать поэт. «Стойте, стойте, Афанасий Афанасьевич, — воскликнул Л. Н., — не подходя к нам, сию же минуту отвечайте, что вам как поэту не нравится

ТОЛСТОЙ И НИКОЛАЙ II

Карикатура неизвестного художника. Акварель, 1900-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в „Последней туче“ Пушкина?» Фет задумался на минуту и затем прокричал: «И молния грозно тебя обвивала». — «Верно! Верно! — радостно воскликнул Л. Н. — Вот, господа, истинный поэт. Молния грозно обвивала тучу! Это не картина, а это черт знает что такое! Непонятно, как такой поэт, как Пушкин, мог сказать такую фальшь!».

После вечера у Толстых я заехал еще к моим родственникам Боратынским. Там я застал довольно многочисленное общество и, как на смех, общество, состоящее все из поэтов или претендующих быть таковыми. Были Вл. Соловьев, кн. Дм. Цертелев, гр. Фед. Соллогуб, его жена, образованные ценители поэзии — хозяйева дома. Я им передал загадку, заданную Толстым. Все этим заинтересовались и стали каждый на свой лад искать в Пушкине то, что режет ухо. И что всего поразительнее, это то, что по большей части указывалось на действительно существующие недостатки в этом прелестном стихотворении, но не на промах художника, и таким образом под мерку, предложенную Тургеневым, все же никто не подошел. Я помню такие замечания: «Издавала гром — некрасиво: издают книги и журналы». «Алчную землю поила дождем — неверно: земля может быть жаждущей, а не алчущей». «Пора миновалась — не по-русски: по-русски миновала, а сь прибавлено лишь для *промчалась*». Помню, что Цертелев что-то критиковал в стихе «И ветер, лаская листочки древес»*, но эта критика была слаба и непонятна.

Я не кончил своего рассказа о вечере у Толстых. Появление Фета, если и подтвердило убеждение Л. Н., что лишь художник может заметить

* У Сухотина ошибочно: ласкал верхушки небес. — Л. К.

промахи другого художника, то вместе с тем доказало другое положение, Л. Н.-м не высказанное и, кажется, неразделяемое, а именно: художник не видит собственных художественных промахов. А это положение вытекло из последующего разговора. Когда поэт Фет, угадав пушкинский промах, приблизился к нам и сел, то Л. Н. продолжал беседу на ту же тему, и, между прочим, обратился к нам, сказал: «Конечно, все вы знаете это прелестное стихотворение Афанасия Афанасьевича „Шепот, робкое дыханье, трели соловья“. Но в этом перле есть одно выражение, которое звучит резким диссонансом. Вы понимаете, о чем я говорю?». Все снова начали угадывать и снова не попадали в надлежащую точку.

— Ну, Афанасий Афанасьевич, скажите, что нехорошо в ваших стихах?

— Не знаю.

— Ну да как же, разве вы не слышите?

— Не слышу.

— Да *пурпур розы*! Пурпур розы! Ведь это невозможно!

— Не нахожу, — обиженно пробрюзжал Фет.

На этом разговор кончился.

20 декабря. <...> Л. Н. кончил своего Шекспира. О зависимости эстетики от этики он там не упоминает, и хорошо делает. Теперь снова начинает заниматься религиозными вопросами. Ох, кажется, будут повторения пройденного.

Был здесь недавно Брайан, кандидат демократической партии на президентство Северо-Американских Штатов. К сожалению, я его здесь не застал. После выборов был здесь Михаил Стахович, блестящий, остроумный, жизнерадостный. Много рассказывал интересного. Между прочим, оказывается, что его в Петербурге на собрания религиозно-философские не пускают. Хотел его как-то ввести Юрий Милютин на одно из этих собраний, но получено было письменное распоряжение градоначальника Клейгельса — Стаховича не пускать. Вот что значит говорить о свободе совести! Застал он здесь одного штундиста, в котором, несмотря на свое православие, принял горячее участие. Штундист этот явился ко Л. Н. из Киевской губернии и просил Л. Н. его научить, как исправить его паспорт. А в паспорт вписано, да еще подчеркнуто, против графы о вероисповедании — *штундист*. А с таким ярлыком, оказывается, никто не берет к себе на службу, штундисту же необходимо работать <...> Я говорил об этом, так как в настоящее время Л. Н. запят судьбой трех старцев духоборов, желающих уехать из России. Один из них был несколько недель тому назад здесь, и я много беседовал с ним. Несколько лет тому назад эти духоборы были сосланы в Якутскую область. Во время их ссылки произошло выселение духоборов с разрешения русского правительства в Канаду. В числе выселившихся были и их семьи. Теперь эти старики отбыли свое наказание, выпущены на волю и, конечно, вернулись на свои старые гнезда. Но там не нашли больше никого из своих родных и друзей. Вполне понятно, что этих стариков потянуло в Канаду, где живут их жены и дети. Но для этого нужен заграничный паспорт. И вот тут по какой-то нелепой жестокости или необъяснимой распушенности им в паспортах отказывают. Один из стариков (которого я и видел) приезжал ко Л. Н. с просьбой, чтобы тот «похлопотал» <...> Стариков не пускают к их семьям. Пришлось Л. Н. обратиться за помощью к в. к. Николаю Михайловичу. Тот, хотя имел бы право дуться на Л. Н. (не ответившего ему на поздравление с юбилеем)⁸⁸, немедленно отозвался. Старики оказались во власти елисаветпольского* губернатора. К нему и обратился в. к. Но губернатор объяснил, что ничего не может поделать, так как

* У Сухотина описка: елисаветградского. — Л. К.

разрешить выезд может лишь Голицын, а Голицын *запретил* губернатору обращаться к себе по вопросу о выезде духовоборов. Что за бессмысленный произвол! Теперь в. к. Николай Михайлович должен был обратиться самолично к Плеве с просьбой отпустить стариков ⁸⁹ <...>

1904

<ЯСНАЯ ПОЛЯНА>

29 марта. <...> Очевидно, что-то важное переживаем. А степень важности узнается после окончания этой странной, непонятной, беспечельной войны. Чем она кончится? Л. Н. отказывается пророчить. Он говорит, что не имеет ровно никаких данных, чтобы предположить тот или иной ход войны. Он держится своего старого мнения, высказанного еще в «Войне и мире», а именно, что самые непредвиденные или неожиданные случайности решают судьбу сражения, а потому и теперь он говорит, что никакой Того, Макаров, Куропаткин не могут оказать влияние на тот или иной исход войны. А на этот исход повлияют столько разнообразных *если*, что его воображение отказывается подсказать ему, как должна закончиться война <...>

30 марта. <...> Был здесь В. А. Гольцев, редактор «Русской мысли». Интересный человек. Много рассказывал о своем двукратном аресте и очень добродушно рассказывал, хотя немало уродничала над ним охрана во время ареста <...>

Прочел новую статью Л. Н. о войне ⁹⁰. Не хочется критиковать ее, чтобы не заслужить пред самим собой упрека в излишней смелости, но не могу не сказать, что в этой статье, как и во многих других подобных статьях Л. Н., я вижу все один и тот же недостаток, который довольно точно выражается французской поговоркой: «qui prouve trop ne prouve rien»*.

4 апреля. Был здесь А. Ф. Кони. Говорил много и интересно; рассказывал живо и остроумно. У него есть собрание автографов. Между ними есть письмо Николая Павловича к Паскевичу в Варшаву, очень безграмотно написанное. Между прочим, есть такая фраза: «слышал, что в Варшаве холера свирепздвует». Александр III, говорят, тоже был малограмотен. А министр военный (в 50-х годах) Сухозанет? Известна его надпись на докладе, в коем излагается необходимость замены гладких орудий нарезными и указывается генерал Брискорп как человек, могущий окончить эту реформу к июлю месяцу: «Сумлеваюсь штоп Прискорп мох обалванить ефто дело кюлю». Шильдер ⁹¹ передавал Кони различные эпизоды из царствования Александра I, которые он не решился напечатать, боясь, чтобы книга не была запрещена. Между прочим, как Пален ⁹² в 3 часа ночи вошел в комнату Александра, плакавшего после убийства отца, и грубо ему крикнул: «Il n'est plus temps de pleurer, il faut commencer à régner»**. В то же утро Александр уже производил развод войскам пред дворцом, а императрица Мария Федоровна старалась протиснуться сквозь ряды войск и кричала: «Ich will auch regieren»***.

Шильдер твердо верил в превращение Александра в Кузьмича, а когда Кони изложил ему свои сомнения, то Шильдер прислал Кони два письма, одно, написанное рукой Александра, а другое — рукой Кузьмича. Подчерк этих двух писем оказался не только схожим, но вполне тождественным. Кони все-таки сомневается. Л. Н. тоже, но при этом Л. Н. приба-

* кто много доказывает — ничего не доказывает (франц.).

** Нет больше времени плакать, нужно начинать царствовать (франц.).

*** Я тоже хочу править (нем.).

вил, что для романиста эта тема представляет верх интереса, и если он, Л. Н., доживет до ста лет, то, может быть, на эту тему и напишет. Говорил Кони о низком уровне понимания нашим обществом совершающихся событий, о мелочности, эгоизме, тупости. Одна дама, высокопоставленная и развитая, говорила ему о важности подъема народного духа и о том, что русский народ, доказав теперь правительству свою политическую зрелость, может ожидать после войны для себя награду — отмену телесного наказания. Ехал сюда Кони с каким-то генералом и разговорился с ним о войне. В разговоре Кони заметил, что непolitично поступил Куропаткин, поехав на войну с такой помпой, со стягами, иконами, адресами, проводами и т. п., забыв мудрую поговорку: «Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати». На что генерал сказал, что не это будет для Куропаткина особенно важно, а важно будет то, что Куропаткин, имея теперь Александра Невского, получит в два-три года и алмазные знаки, и Владимира 1-й степени, и фельдмаршальский жезл. Что за узость мысли, что за черствость души! И Кони, и Л. Н. ахали над телеграммой Куропаткина, начинающейся словами: «Сейчас представлялся и долго разговаривал с в. к. Кириллом Владимировичем...». Что за хамский стиль! И пред кем?! Юные и непочтенные отпрыски царствующего дома эти Кирилл и Борис Владимировичи. Кони рассказывал, что они за скандал несколько лет тому назад устроили у «Медведя» <...>

19 июня. Опять я в Ясной, и, как всегда, много узнаешь тут нового и интересного. Конечно, главное, что всех занимает, это все та же страшная, ни во что еще определенное не вылившаяся война. Симпатии к ней весьма разнообразны. Из лиц, виденных мною здесь, большинство желают победы японцам не потому, что они защищают какое-либо дело правое, а просто потому, что есть надежда, что в случае победы японцев изменится тягостный современный строй и всем жить станет легче. Л. Н. не разделяет этого взгляда. Он не думает, чтобы тот или иной исход войны мог улучшить или ухудшить наше внутреннее положение, а вместе с тем он носит в душе «старую закваску», как он выражается, которая заставляет его огорчаться нашими военными неудачами. Читал интересное письмо в. к. Николая Михайловича ко Л. Н. Несколько времени тому назад в. к. Николай Михайлович писал ко Л. Н., прося его разрешения приехать к нему в Ясную. Л. Н. ответил ему в том смысле, что вряд ли в. к. будет удобно именно теперь приезжать в Ясную, после того, как только что вышла в Англии статья Л. Н. против войны, в которой Л. Н. столь резко порицает наше правительство. На это в. к. в письме от 4 июня пишет Л. Н.-у, что «относительно посещения теперь вас в Ясной Поляне, кажется, вы правы, и я отложу это до дней более спокойных». При этом в. к. пишет много интересного о войне, называя ее «бесполезной резней»⁹³ <...>

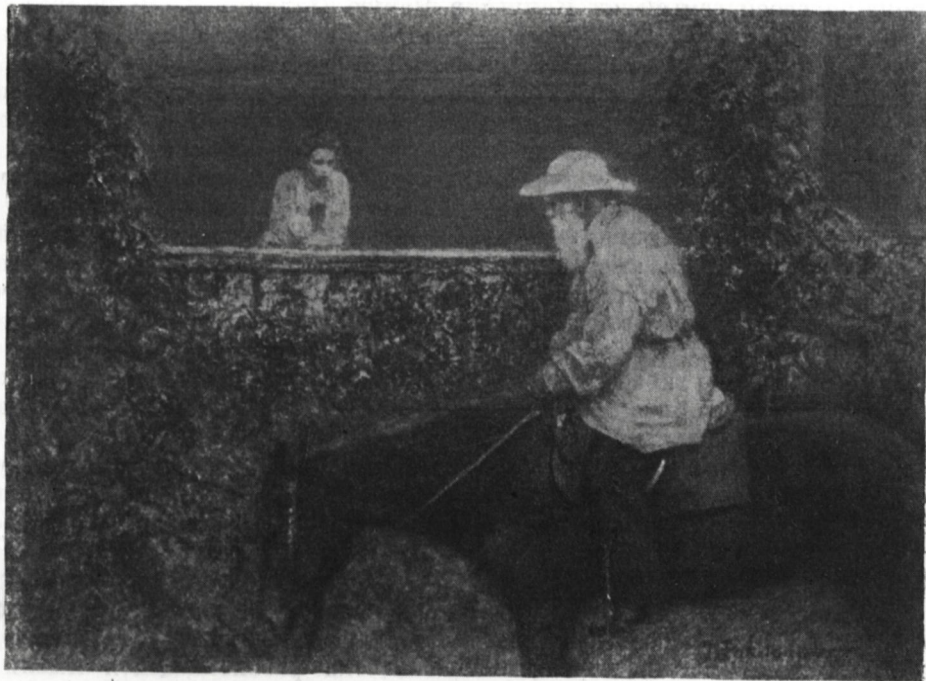
22 августа. <К о ч е т ы.> В начале августа был в Ясной. Л. Н. все молодеет и свежее. Продолжает относиться к войне как-то загадочно, если так можно сказать, двусмысленно. Говорит, что старая патриотическая закваска в нем сидит, что неудачи русского оружия его огорчают и обижают. «Ну вот вам пример, — сказал он. — Сидим мы сейчас за обедом и, как видите, едим вкусно, много, слуги нам прислуживают. Всего этого я в душе своей не одобряю. Но если явится кто-либо, помешает нам, разгонит нас, мне будет неприятно. Нечто подобное я чувствую и по поводу войны». Я думаю, Л. Н. по поводу войны испытывает еще одно сложное чувство, о котором он не упоминает. Это чувство некоторого удовлетворения, что тот дурной, гнилой, безнравственный строй русского государства, заваривший всю эту бессмысленную, никому не нужную кашу, оказывается вполне несостоятельным и что наши неудачи многим слепым должны открыть глаза, тогда как наши победы еще более утвердили бы наше правительство <...>

1905

〈ЯСНАЯ ПОЛЯНА〉

4 ноября. Все, что приносят газеты и особенно, что слышишь кругом, ужасно и безнадежно. Слабость и близорукость государя ничем не излечимы ⁹⁴ <...>

Любопытно присматриваться к тому, что происходит во Л. Н. по случаю всех этих грозных событий. За две недели, что я здесь, в нем произошло несколько внутренних переворотов, имевших своим источником все ту же еще более, если это возможно, окрепшую и укоренившуюся в нем любовь к мужику.

ТОЛСТОЙ С ДОЧЕРЬЮ М. Л. ОБОЛЕНСКОЙ-ТОЛСТОЙ в ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Пастель И. П. Похитонова, 1905 г.

Музей Толстого, Москва

Первые дни после манифеста и последовавших за ним погромов, убийств, бесчеловечных истязаний и бесшабашных кулачных расправ, Л. Н. был мрачен и смущен ⁹⁵. Я в эти дни редактировал ему только что им законченную статью «Конец века» ⁹⁶. В этой статье Л. Н. доказывает, что японская война была нами проиграна вследствие того, что русский народ — кроткий, мудрый, человечный, самый христианский народ в мире и что будто бы поэтому ему так чужды, неинтересны все военные, технические и иные усовершенствования. Я, закончив свои поправки, обратил внимание Л. Н. на то, что теперь, кажется, время самое неподходящее для печатания подобной статьи, так как она может вызвать только совершенно понятное издевательство за границей (у японцев в особенности), что теперь так просто опровергнуть эту христианскую особенность русского народа совершающимися им жестокостями и убийствами. Л. Н. насупился и, подумав, сказал: «А вы разве думаете, что я этим не мучаюсь?»

Конечно, мне очень мучительно, и я понимаю, что вы говорите, и думаю, что ваши замечания, пожалуй, и справедливы». Затем чрез несколько дней Л. Н. нашел более успокоительный для себя Standpunkt*. Безобразия черной сотни должны быть отнесены, мол, на счет городского населения; хотя в это население входят и крестьяне, но крестьяне от земли оторванные, то есть испорченные; настоящий мужик, на земле живущий, к насилию не прибегнет; поэтому и страхи господ за свои усадьбы и за свои жизни — одна глупость и незнание народа <...> Подстрекательств и организаций никаких не было, да и все убийства и безобразия страшно преувеличены газетами. Поэтому Л. Н. старается не слушать никаких рассказов о том, что происходит, а если невольно приходится услышать что-либо по этому поводу, то сердится. Даже своего сына Илью, бежавшего от погрома со своей семьей из Калуги в Ясную Поляну, Л. Н. встретил недоверчиво и сурово. А об погромах усадеб и говорить не хочет, считая все это враньем. Утверждению этих взглядов на современные события, пропитанных недоверием ко всему тому, что идет от «господ», будь то господа настоящие или революционеры в немецких платьях, способствуют разговоры Л. Н. с его единственными корреспондентами, мужиками, которых он останавливает и расспрашивает во время своих ежедневных прогулок по шоссе. В деревне Скуратово живет, по мнению Л. Н., великий мудрец, старый мужик Федот Мартынович, кажется, плут большой руки, с которым Л. Н. имел на днях беседу о политике, осветившую, по его мнению, вполне современное положение вещей. Федот Мартынович с негодованием рассказывал Л. Н.-у, как на базаре забастовщики облили керосином печеный хлеб, который выставил на продажу какой-то булочник вопреки запрещению забастовщиков. Передавал также Федот Мартынович с горькой обидой то, что он видел в Туле собственными глазами. Как шла толпа забастовщиков с красным знаменем, как подъехал полицмейстер, соскочил с пролетки, подбежал к толпе, сделал под козырек и просил толпу «честью» разойтись, тогда как эта же полиция «нашего брата мужика при малейшем беспорядке нещадно по мордам бьет. Кивни только он нам, — прибавил Федот Мартынович, — мы бы этих скубентов в миг бы разнесли»⁹⁷.

Завидная способность жить не среди мира реальностей, зачастую действительно тяжелых и неприятных, а в мире теорий и принципов, созданных ходом своей собственной логически развивающейся мысли.

Конечно, в утверждениях Л. Н. много и правды. Очевидная неправда заключается в том убеждении, что никто народ не натравлял, никто не организовал, что народ весьма мало безобразничал, а также, что народ на барское добро и на земли совсем не зарится, а только мечтает и надеется. <...> Как это ни странно, но еще недавно Л. Н. утверждал почти что то же самое, что и революционеры. И в беседах со мной и на бумаге, борясь против всякой власти, он говорил, что народ только заигнотизирован всеми хитроумными и эффектными атрибутами власти; что никакой любви к царю у него нет и что утверждать противное может только тот, кто хорошо народа не знает. Это убеждение, а также убеждение в необходимости правового порядка и отречения от самодержавия, попадаетеся во многих его сочинениях, а резче всего высказано в его письме к царю, писанном из Гаспры. А теперь какая перемена! Теперь многое из того, что говорит Л. Н., можно встретить единственно на страницах «Московских ведомостей» <...>

16 ноября. *Кочеты*. Тяжелое, грустное впечатление выносишь от настроений деревни. Ничего особенного нет, все идет как будто по-старому,

* точку зрения (нем.).

но от внимательного наблюдателя не может ускользнуть глухое брожение. «До нас ряд еще не дошел», — сказал мне один мужик, и нельзя не понять, что это единственная причина, почему мужик *пока* спокоен. А как только «ряд дойдет», так поднимутся таинственные, как всегда непонятные, наши соседи крестьяне <...> Л. Н. все не верит ни что так уже совершается, ни что так еще в больших размерах будет совершаться, не верит, полагаясь на какие-то особые духовные качества русского мужика. Но почему же тульский мужик окажется стоящим выше в нравственном отношении какого-нибудь тамбовского или саратовского? <...>

Ясная Поляна. 6 декабря. Здесь чувствуешь себя как-то бодрее. Народу больше, газеты и письма, хотя с грехом пополам, а доходят, приезжают разные интересные люди, а также Тула близко, т. е. все-таки кое-какие власти, кое-какие войска и грозные для ошалелых мужицких голов казаки.

Л. Н. продолжает говорить, что все очень хорошо, что никаких погромов нет, что они во всяком случае раздуты. Но вчерашний приезд из Тамбовской губ. Андриюши сбил и его из принятой им позиции. Андриюша в имении у Болдыревых видел, как казаки драли повинившихся мужиков нагайками <...>

8 декабря. <...> Л. Н. все продолжает твердить, что «право, все очень хорошо, волноваться не из чего, человек должен жить своим внутренним миром, никакая революция ничего от тебя отнять не может, так как жизнь твоя и без того скоро будет отнята, а страдать на земле и помимо революции удел человека» и т. п. Но все это им говорится как-то слабее, неувереннее, все менее убежденно, чем прежде.

1906

<1--21 мая. Петербург.> <...> Когда я недавно уезжал из Ясной, я зашел утром проститься со Л. Н. Накануне он получил в подарок от приехавшей из-за границы дочери Маши желтые кожаные сандалии, вроде тех, какие носят францисканцы в Италии. Эти сандалии измышлены кем-то с гигиенической целью (ноги не потеют), и Л. Н. очень ими восхищался. Когда я зашел к нему утром, он еще был в одном белье, но на ногах уже были надеты сандалии, на которые он любовался с каким-то детским восторгом. Я позавидовал несокрушимой юности этого человека, этой его возбудимости к гневу, негодованию, любви, радости, восторгу. Но я невольно уклонился в сторону, так как я хотел записать совсем иное. Я хотел записать прорицание Л. Н. относительно настоящего исторического момента, прорицание, которое весьма правдоподобно. Нежно простившись со мной, Л. Н. прибавил: «Вот еще, милый мой, что мне вам хотелось сказать. Очень естественно, что вы, сидя теперь в Петербурге, сидя в парламенте, чувствуете, что вы центр всего совершающегося, и невольно вам представляется, что все, что творится вокруг вас, очень серьезно, очень значительно, что вы переживаете момент громадной исторической важности. Но я не совсем так на это гляжу. Я думаю, что действительно начинается какая-то новая историческая драма. Но эта драма будет состоять из нескольких актов, и теперешний первый акт впоследствии окажется самым бледным, самым незначительным актом, который стучается перед теми тремя-четырьмя актами, которые вступят в историю и произведут что-то такое важное, что мы теперь и представить себе не можем. И вот тогда созыв и работа этой Думы получат надлежащее освещение, и освещение будет иное, чем теперь» <...>

ТОЛСТОЙ

Этюд маслом И. П. Похитонова,
1905 г.Собрание А. П. Скафтымова,
Саратов

«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

1 июня. <...> Л. Н. несколько выбит из колеи. Уже одно то, что он по выслушании моего письма от 27 мая признал возможность неправильности своего взгляда на мужика как на носителя тех начал христианства и добра, который, став на упраздненное место и правительства, и революционеров, внесет в страну мир и порядок (письмо его к правительству, революционерам и народу ⁹⁸), уже одно это доказывает, что то, что он знает о Думе и о том, что говорят там крестьяне, производит сильный переворот в его душе. Вот от Г. Джорджа он не отказывается. Даже еще более настаивает на введении его реформы и на нее единственно возлагает надежду в отношении успокоения крестьянства. Ждет Л. Н. приезда Беляева, корреспондента «Нового времени», и написал с этой целью свое profession de foi по аграрному вопросу ⁹⁹, чтобы не сказать чего-либо лишнего корреспонденту, способному переиначить слова Л. Н. по своему усмотрению <...>

6 июня. Ю. Д. Беляев, корреспондент «Нового времени», пробыл здесь целый день. Никому он не понравился. Еще совсем молодой (27 лет), но старообразный, красивый, но обрюзгший, с актерским выбритым лицом, очевидно развратный, поживший человек, неглупый, но самоуверенный, могущий каждую минуту стать нахальным, он и на старых и на молодых произвел неприятное впечатление. Для меня он был тем особенно неприятен, что он душит, чем напомнил он моего бывшего соседа по креслу депутата Байдака ¹⁰⁰, ради одуряющих благоуханий которого я вынужден был переменить хорошее место на менее удобное. Только что он приехал, он даже на свежем воздухе испустил из себя такое благовоение, что Л. Н. стал поводить носом и все спрашивал, «откуда это так духами запахло»,

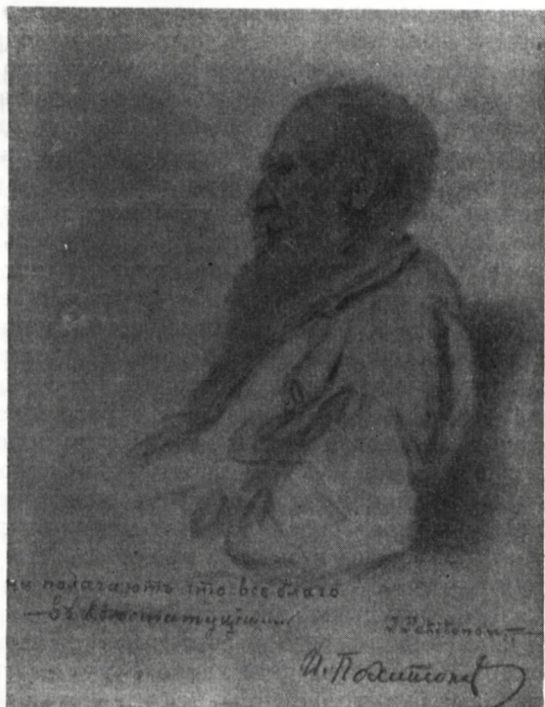
на что Беляев с апломбом отвечал: «Только не от меня, я не душусь, может быть, от цветущей липы». Интересно он рассказывал об известном нападении революционеров весной на типографию «Нового времени». Он в то время сидел в редакции и по телефону вел разговоры с этими господами ¹⁰¹ <...>

<КОЧЕТЫ>

24 июня. <...> Я невольно вспомнил, как шесть-семь лет тому назад я хаживал со Л. Н. в Центральные бани и какие там случались курьезные встречи. Как с ним раз спорил армянин, и они голые стояли под душами и горячились и кричали, и публика собиралась вокруг них. Тогда банщики были вполне равнодушны ко всякого рода вопросам, да и армянин приставал больше по поводу вопросов христианской этики. А теперь не то, совсем не то. На возвратном пути в Кочеты на один день заезжал в Ясную. Л. Н. встретил меня словами: «Ах, как хорошо, как все хорошо, все это страдание, эта кровь, все это ведь роды, мучительные роды...». Я даже рассердился, до того эти слова мне показались из области crivlation. Но подумав хорошенько, я увидел, что я не прав, и вот почему.

Мне представляется, что пред нами развертывается картина громадной исторической важности. Есть люди, которые по свойственной им близорукости видят лишь то, что происходит на первом плане: крушение ненавистного режима, всевозможные свободы, общий энтузиазм, возрождение, обновление и т. д.

Но есть люди (я в том числе), которые более дальнорозорки и которые на втором плане этой картины видят ужасы: кровь, кровь без конца, всеобщее разорение, гибель родины и злобу, и человеконенавистничество. Но третьего плана я разглядеть не в силах. А вот Л. Н. видит дальше меня. И видит, что после всех этих ужасов второго плана наступит такое хорошее, великое, сильное, которое заставит забыть эти мучительные роды, которыми мы только еще начинаем мучиться.

ТОЛСТОЙ

Пастель И. П. Похитонова, 1905 г.
Музей Толстого, Москва

Я поймал где-то на ходу Л. Н. и высказал ему эту мысль, которая ему, кажется, очень понравилась. По крайней мере, он вышел на террасу и сказал: «Как мы хорошо сейчас поговорили с М. С. Польштиль он мне, это правда, а все-таки хорошо».

Но зато вечером мы поговорили совсем не хорошо. Захотел Л. Н. мне прочесть свою новую статью (еще не отделанную) под названием «Два пути»¹⁰². Прочел и спросил моего мнения. Пришлось сказать правду, старательно взвешивая выражения, заменяя просящиеся на язык слова словами более мягкими и потому менее подходящими. Дело в том, что эта статья показала мне, что Л. Н. неизлечим и что то, что я принял несколько времени тому назад за отрезвление, был лишь временный перерыв в этой не поддающейся никаким средствам страсти к русскому мужику. Опять все то же, все тот же мужик-богатырь, который, стоя на перепутье двух дорог, должен понять, что и та и другая, и правительственная и революционная, должна его привести к гибели и что ему не следует идти ни за правительством, ни за революцией, отправить и то и другое к чёрту, а затем жить безо всякого начальства своей мудрой нравственной жизнью <...>

29 июля. В наше время меня поражает одно многим людям общее свойство, а именно, до чрезмерных размеров развившаяся трусость. Эта трусость особенно резко проявляется при возгласе «руки вверх». Как мало людей сопротивляющихся! Для человека неробкого первое движение это схватить за горло грабителя; для труса — это поднять руки вверх. И это поднимание рук вверх замечается всюду, во всех слоях общества. И правительство постоянно поднимает руки вверх пред революцией, и помещик трусит пред мужиком, и мужик опрометью бежит пред нагайкой казака или ружьем стражника. Трусость заразительна, и она охватила всех нас, просочилась в наши души. Я лично очень определенно сознаю, что я заражен ею. А в Думе разве мало было примеров трусости?! Сколько единогласных решений, сколько умолчаний, сколько недоговоренных и неискренних речей имели своим источником все ту же трусость. Если пристальнее взглядишься в это явление, то не можешь не отметить, что на общем фоне этого охватившего нас малодушия яркими фактами выступает проявляемое революционерами мужество перед смертью. И это во всяком случае исключительное, необычное равнодушие перед смертью, эта неустрашаемость перед риском потерять свою жизнь при совершении или после совершения политического убийства, по-моему, заслуживает самого внимательного отношения и неослабного вдумывания. Как мне ни антипатичны, ни чужды наши террористы и анархисты, но не могу не признать, что эта отмечаемая мною их особенность разделяется ими с христианами первых веков. Это именно то отличительное свойство христиан, которое ставило в тупик и смущало представителей отживающего языческого мира. Страшно было то, что те устрашающие наказания, которые были созданы для того, чтобы удерживать людей от попыток борьбы с существующим государственным строем, оказывались совершенно бессильными, потому что у христиан не только не было страха пред страданием и смертью, но была болезненная жадность к ним. Нечто подобное происходит и теперь. Людей вешают и расстреливают, а они смерть встречают совершенно равнодушно и спокойно. Если это вообще общее свойство революционеров, а не случайная особенность тех единичных людей, подробности казней которых известны нам, то у правительства выбито из рук последнее оружие для борьбы с разрушителями государственного строя. Удесатерите число казней, результат, значит, будет все один и тот же: никого не запугаешь и никого ни от чего не остановишь. Значит, будет продолжаться все то же самое: банки и винные лавки будут разграбляемы, администраторы и родовые будут убиваемы, пока... чёрт знает, пока что. Это-то пока и может

привести в отчаяние человека, призванного спасать государство. Но если в древних христианах и современных революционерах есть указываемое мною сходство, то между ними есть и существенная разница, а именно: если психология древних христиан в их отношении к страданию и смерти объяснима, то психология современ^{ных} революц^{ионеров} — для меня по крайней мере — совершенно темна. Ведь революционер не видит перед собой в минуту казни разверзаемых небес, не слышит ангельского пения, а видит перед собой разверзающуюся бездонную, беспросветную пропасть небытия, — и больше ничего. Откуда же эта готовность жертвовать своей жизнью за убийство самого последнего несчастного безвредного городского? Это для меня загадка без разгадки. Л. Н. не так смотрит, как я. Он отрицает это сознательное бесстрашное жертвование своей жизнью со стороны революцион^{еров}. Он думает, что приводимые мною для доказательства факты можно легко объяснить тем всеобщим потемнением рассудка и совести, которое стало теперь столь обычным. Это отчаянность будто бы бессознательная, а не сознательное мужество.

«Я С НА Я ПО Л Я Н А»

6 августа. Чтобы хоть несколько отдохнуть от аграрных (ограбных, как сами мужики говорят) беспорядков, происходивших все это время в Кочетах, уехал оттуда на два дня с Таней, был в Туле у губернатора, а сегодня в моей целительной санатории Ясной. На этот раз эта санатория как-то не так целительно действует. Более чем когда-либо сам целитель Л. Н. далек от жизни, от злобы дня, не хочет видеть и слышать, что кругом происходит. А наш брат рад бы уйти ото всей этой мерзости, да некуда, а главное бросить все имение не на кого. Тут теперь гостит В. Г. Чертков, приехавший на побывку из Англии. Это любимый ученик Л. Н., Иоанн в некотором роде, и я понимаю, что он может быть ближе других сердцу учителя. Уже одно то, что они оба хорошей крови, bien p  s*, в их близости, как это ни может казаться странным, играет не последнюю роль.

10 сентября. Мы теперь живем в Ясной, которую я всегда называю своей санаторией. Переехал я с семьей на осень и на зиму, покинув Кочеты просто ради своего душевного спокойствия (...). Когда я слышу про все те мерзости, которые творят здешние мужики, то, хотя и негодую, но не чувствую на себе безвыходной необходимости вмешаться в эту мерзость и так или иначе разрешить ее. А Л. Н. тем временем все пишет свои приторно-анархические произведения, и чем более жизнь опрокидывает все его подмостки, тем увереннее он говорит, что правда на его стороне. Особенно характерно, что все рассказы о разбоях, обидах, кражах, которые мужики совершают против своих же мужиков, его не только не смущают, но даже как бы еще более утверждают. «Вот, вот, — твердит он, — теперь всем скоро станет ясно, что власть совсем не нужна. Уж если она не умеет исполнить то самое, на что она как будто главным образом и создана, — удерживать людей от преступлений, — то спрашивается, на что же она после всего этого годна?». Л. Н. стал, впрочем, допускать теперь мысль, что по упразднении всяких властей наступит некоторая заварушка даже в деревнях и произойдет смута, «но на короткое время», — почему-то прибавляет он. «Я даже допускаю, — говорит он, — что мужики будут иногда прибегать к суду Линча и убивать каких-нибудь конокрадов. Но все это ничего сравнительно с тем, что теперь творится» (...).

11 сентября. На днях (8 сентября) Л. Н. завтракал один в зале. Я прошел через комнату и перекинулся с ним несколькими словами. Когда я вышел, Л. Н. меня вернул.

* хорошего рода (франц.).

— Мне хочется предложить вам один несколько странный вопрос,— с некоторым усилием произнес он.— Молитесь ли вы?

— Молюсь.

— Каждый день?

— Да, каждый день по вечерам. Но, к сожалению, молитва зачастую исполняется как заученная привычка, без чувства и мысли.

— Ах, это ничего, ничего. Главное, что вы ежедневно молитесь, это очень, очень хорошо. Это совсем не то, что ехать в церковь. Тут люди, тут скажут, что вот какой хороший, вспомнил Рождество Богородицы, в церковь поехал. А молиться богу наедине, перекреститься (sic!), обратиться к нему так, что никто не знает, что ему сказал, о чем попросил, это совсем друг е. Я каждый день молюсь.

Меня несколько поразил этот разговор. Несколько лет тому назад Л. Н. не так бы говорил.

При этом Л. Н. рассказал, как брат его Николай спал как-то в одной комнате с братом Сергеем. И брат Сергей по привычке стал молиться. А Николай сказал ему: «Как? Ты все еще не бросил творить этот намаз?». И это замечание так сильно поразило Сергея, что он тут же совсем бросил молиться.

16 октября. <...> Л. Н., я думаю, и не подозревает, что он полон противоречий. Отмечаемая мною особенность происходит все по той же причине, о которой я, вероятно, упоминал не раз, а именно, что Л. Н. гораздо менее мыслитель, чем художник. А потому он гораздо более живет впечатлениями, чем размышлениями. А что за удивительные глаза! Сейчас он заходил к нам и рассуждал со мной о грабеже этих огромных капиталов в Петербурге¹⁰³. Он стоял против света и, излагая свою мысль, глядел вдаль в окно. Что за глаза! Какая даль видна в этих глазах! И чего-чего не усмотришь в них*. Сегодня было много грусти и даже страдания. Л. Н., кажется, очень смущен успехами революционной смуты не в поступках (с этим он правильно говорит, что всегда можно справиться), а в душах людей. «Раз уже отравлено сознание,— говорит он,— не скоро переделаешь душу» <...>

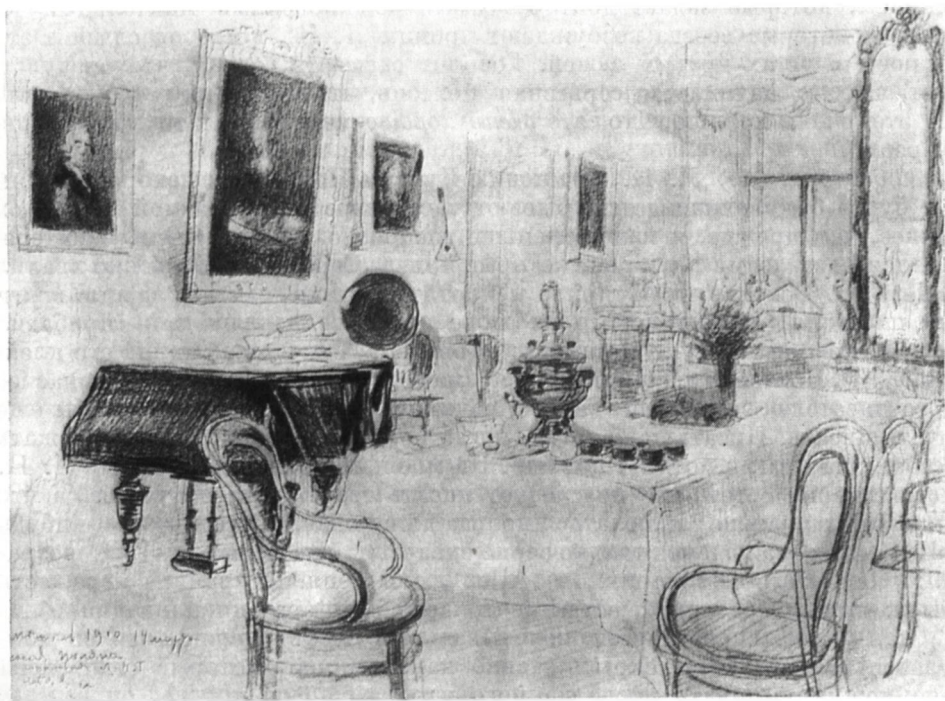
Ясная Поляна. 4 декабря. <...> Смерть Маши после Коли¹⁰⁴ должна была сильнее всего отозваться на Л. Н. Я знал, что старость есть лучшее противоядие против преувеличенного огорчения, знал, что и религиозные взгляды Л. Н. хороший щит против грусти от исчезновения из сего мира любимого человека, но все же я думал, что он будет сильно поражен этой неожиданностью смерти. Да к тому же и значение Маши в его жизни было немалое. Она была самая к нему близкая из его детей. Я нашел его более спокойным, чем я ожидал. Он все так же пишет, так же читает, все тем же интересуется, чем и всегда, в шахматы со мной играет, в винт уже раза два играл. Знаменательно то утешение, которое он извлек для себя из смерти Маши: «Ненадолго теперь расстались». Да ведь в этих словах заключается уверенность в личном бессмертии, в сознании своей личности за гробом?! Ведь совсем не в то веровал Л. Н. еще недавно <...>

22 декабря. <...> Были в Ясной духоборы с П. В. Веригиным¹⁰⁵ во главе. Приехали в Россию, чтобы разузнать, не могут ли снова переселиться на родину. На мой вопрос, что их побудило на это, один из духоборов мне сказал: «Дух внушил нам переселиться в Россию, чтобы русский мужик научился от нас, как надо жить и как хозяйствовать». Как они рассказывали, просто диву даешься, до чего умно и справедливо все у них устроено в Канаде.

* Я последнее время стал замечать, что цвет левого глаза меняется — он принимает оттенок карего цвета. А правый остается все того же необыкновенно приятного голубовато-серого цвета.— *Прим. М. С. Сухотина.*

Сам Веригин мне не очень понравился. Правда, от него так и пышет умом, энергией и силой, но думается мне, что он совсем не духовный человек, а лишь со скукой и притворно изрекает по временам свои сектантские духовоборческие изречения. Л-у Н-у прежде казалось тоже, что Веригин человек материальный, но теперь он, Л. Н., увидел, что ошибался. Было их четверо мужчин, одна девушка лет 20 и одна девочка лет 14 <...>

Погостила тут С. А. Стахович¹⁰⁶, одна из самых приятных женщин, которых я когда-либо встречал <...> Ее память хранит такое множество

СТОЛОВАЯ В ЯСНОПОЛЯНСКОМ ДОМЕ

Рисунок В. Н. Мешкова, 1910 г.

Музей Толстого, Москва

стихотворений, лучших стихотворений русских поэтов. Это какая-то ходячая антология. Особенно твердо она знает Пушкина и понимает и любит его. Принесли как-то «Евгения Онегина», и С. А. перелистывала его и, захлебываясь от восторга, читала своим восторженным, хотя и картавым, голосом то, что действительно несравнимо и неподражаемо. Л. Н. слушал с удовольствием. При стихах: «Недвижим он лежал и странен был томный мир его чела», — Л. Н. остановил чтение, повторил раза два эти стихи и затем задумчиво произнес: «Да, это удивительно хорошо; это именно так; это предвечная истина». Затем он рассказал, как он в первый раз прочел «Евгения Онегина». Ему в то время было 18 лет. У него был опекун Воейков¹⁰⁷, и племянница этого Воейкова не любила почему-то Л. Н., и когда он несколько раз обращался к ней, прося дать почитать имевшегося у нее Пушкина, то она всегда отказывала. Как-то в начале лета Л. Н. поехал в Сергиевское к Гагариным покупать тирольских телок для Ясной Поляны. «Помню, — говорил Л. Н., — как этих красивых светлоносых телок в желтых очках выпускали предо мной на

свежую немятую солому, и я любовался ими. Наступил вечер, и управляющий мне отвел для сна маленький флигель в саду. Я попросил какую-нибудь книгу, и он мне принес „Евгения Онегина“. Была чудная тихая душистая ночь. Я лег в постель и стал читать. Когда я кончил „Евгения Онегина“, было совсем светло. Я начал снова все сначала и прочел еще раз несколько песней. Это впечатление было так сильно, что я его никогда забыть не мог».

Второй день Л. Н. хворает: жар, слабость, хрипота. Советуется с Душан Петровичем (доктор, словак, живущий тут)¹⁰⁸ и задает ему все те же вопросы, которые задает доктору самый обыкновенный мнительный человек и которые всегда возбуждают иронию Л. Н., когда он слышит эти вопросы в устах других людей. Говорит о смерти, о том, что он чувствует, что это начинается серьезная болезнь, что он умрет теперь, что все это очень хорошо. Но это *очень хорошо* звучит как-то слабо и неуверенно.

30 декабря. <...> Л. Н., по мнению Душана Петровича, нехорош. Бронхит будто бы увеличивается, бывают часто перебои. А на мой взгляд он свежее, чем прежде, и как-то меньше говорит о смерти. Очень заинтересовался рассказами Куприна, которые привез Сергеенко. Особенно хвалил «Allez»¹⁰⁹. Боятся, что Куприна испортят критики, самые опасные враги для писателя («и Белинского из этого числа не исключаю», — прибавил Л. Н.). Говорил в духе Пушкина: «Доволен? Так пускай толпа его клеймит...»¹¹⁰. Боятся, что Куприн скоро начнет выдумывать, а это «опаснее всего писателю, когда он начнет сочинять сюжеты, искать, что бы еще начать писать. Писать надо тогда, когда наплет так, что трудно удержать в себе, когда так и потянет писать». На мое напоминание о том, что Л. Н. часто говорит о том, что не следует писать только для искусства, а что в писаниях должна заключаться польза для людей, а что в каком-нибудь «Allez» мы наслаждаемся только верно схваченной картинкой, Л. Н. возразил: «Нет, этого не говорите, в „Allez“, для меня по крайней мере, есть смысл: лишний раз художественно доказан весь вред цивилизации» <...>

Стал Л. Н. снова газеты почитывать. И очень смешно, что он конфузится этого и хочет скрыть, точно как пьяница, который стал снова понемножку выпивать после данного зарока.

1907

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

3 января. Нельзя сказать, чтобы здоровье Л. Н. было хорошо. Как он заболел инфлюэнцой недели две тому назад, так до сих пор он и не поправился. Было одно время улучшение, и он даже в прекрасный тихий день вышел погулять немного в саду, но с тех пор снова стало хуже. И небольшой жарок бывает, и боли в голове, и желудок не действует, и небольшой кашель, и перебои, а главное слабость и мрачное, угнетенное настроение духа. Снова Л. Н. постоянно говорит о смерти, о том, как он наверно умирает, как хорошо умирать, как он готов к этому. Но сквозь эти слова не надо быть особенно чутким, чтобы слышать этот столь понятный трепет какой бы то ни было жизни от близости смерти, это упорство земного бытия пред переходом в иные чуждые неизведанные формы <...>

10 января. С. А. мне читала свои записки, которые она довела до 1878 г.¹¹¹ Меня интересовали 1876—1877 гг. как те года, в которые совершился этот удивительный перелом в душе Л. Н., и он из неверующего сделался ревностным православным. К сожалению, переход этот совершился вне наблюдения С. А., и она отмечает это как факт, не будучи

в силах дать ему какое-либо психологическое объяснение. Поразительно, что в 1876 г. Л. Н. в письме к гр. А. А. Толстой пишет: «Ведь я и брат Сергей ни во что не верим», а вслед за тем к концу года он уже бегаёт на шоссе (где он вообще привык собирать многое для себя интересное), заговаривает со странниками и нищими и умиляется пред их верой православной. В 1877 г. он уже ходит ко всем службам и соблюдает даже середу и пятницу.

Жаль, что нет нигде следов этого странного, ничем не объяснимого переворота в душе Л. Н., так как даже дневника своего он в то время не вел.

Я ему рассказал, как неполно С. А. описала эту эпоху его жизни. Он подумал и сказал: «Да, пожалуй, и трудно было бы полнее и последовательнее описать: мне и самому это представляется чем-то необъяснимым, каким-то скачком, чем-то, что нельзя ничем наполнить».

16 января. А ведь поправляется Л. Н. и удивляет врачей тем, как у него по-юношески легко и быстро рассасывается бронхит. Был доктор Никитин и признал, что теперь нечего больше опасаться <...>

24 января. <...> Л. Н. опровергнул все мои прогностики: стал снова ездить верхом и следов болезни как ни бывало. Станный человек. Вчера в «Новом времени» (от 21 января) был фельетон Меншикова «Две России», который он прочел. Он пришел в такой восторг и умиление, что весь вечер не мог без слез говорить об этом и тут же написал Меншикову письмо с благодарностями и объятиями. И все почему? Да потому, что Меншиков тепло и прочувствованно заговорил о святой Руси по поводу картины Нестерова ¹¹² <...>

25 января. Вчера писал о необыкновенной бодрости Л. Н., а сегодня снова он жалуется и киснет. Говорит, что чувствует стеснение в груди, что смерть близка и т. п. Надел на себя песочного цвета халат (верный признак его недомогания), на голову тюбетейку и даже на утреннюю прогулку не вышел. Вчера вечером Л. Н. снова заговорил о святой Руси. При этом он говорил о том обожении <?>, которое охватывает душу человека и которое важно само по себе, независимо от того предмета, к которому оно стремится. В виде иллюстрации своей мысли он рассказал мне, как он раз поздно вечером подошел к одной избе в Ясной Поляне, где светился огонь, и заглянул в окно. Там жила одна баба, бывшая смолоду очень распутной, которую ее муж, в сущности смирный и кроткий человек, нередко бивал и даже раз привязал к хвосту лошади. И вот он увидел эту старуху, стоявшую на молитве. Все в избе спали, а она молилась. И долго стоял Л. Н., а она все молилась. И с какою горячностью, с каким усердием она шептала слова молитвы, крестилась и кланялась. «И я понял, — говорил Л. Н., — что не важно то, кому эта старуха молилась, а важно то, что она чувствовала к этому Христу, или Бrame, или Аллаху».

1 февраля. Много народа ходит ко Л. Н., много особенно левых и сознательных, но все каких-то не вполне ясных и определенных. Но вот на днях наконец-то явился один вполне определенный анархист-экспроприатор ¹¹³. Так и рекомендовался. Его определенность привела к тому, что он был почтен не пятиминутной беседой на крыльце, а отдельной получасовой аудиенцией в бывшей библиотеке. Маленький, тщедушный, молодой, с белокурой бородкой, которую он нервно пощипывал, неопределенного образования и общественного положения, он явился ко Л. Н. с желанием получить от него некоторую сумму денег на «анархические дела». Л. Н., конечно, отказал. Анархист, конечно, настаивал, что Л. Н. *должен* дать. Он защищал законность экспроприации, доказывал, что все это деньги народа, а что потому ничего дурного нет отнимать у богачей деньги народа и передавать на дело народа. Л. Н. вынес впечатление, что это один из многих загипнотизированных настоящей революцией

людей, которые даже понять не могут, что им говорят. Когда Л. Н. заговорил о боге, анархист ответил то, что уже многие сознательные отвечали Л. Н.: «У всякого свой бог». Очевидно, это стоит в каком-нибудь катехизисе «сознательных». Когда Л. Н. допытывался, что же будет, когда анархисты все разрушат существующее, анархист ответил: «Да как-нибудь устроится». — «Почему же вы думаете, что все тогда будет хорошо?» — «Да уж наверно хорошо». Слушая об этом из уст Л. Н., я подумал, что уверенность Л. Н. что яснополянские мужики тоже что-то хорошо устроят, когда уничтожатся все власти, ведь одинаково основывается только на том, что Л-у Н-у этого хочется и так представляется <...>

3 февраля. Сейчас заходил к нам во флигель Л. Н., вернувшийся с прогулки верхом. Говорит мне: «<...> Сегодня ночью все думал, как выбраться нам из этого ужасного положения, в котором вся страна находится. И понял, наконец, что мы переживаем Смутное время, такое же Смутное время, как тогда, когда выбрали Михаила Федоровича. Наше теперешнее Смутное время началось японской войной, и что тут ни делай, какие Думы ни выбирай, каких министров ни назначай, смута все будет продолжаться, и никакое правительство страны не успокоит» <...>

14 февраля. Вчера вернулся из Кочетов, и сразу на душе стало спокойнее, и люди кажутся не столь отвратительными, как там.

Сегодня приехал М. Стахович. Конечно, много интересного привез с собой. Видимо, очень доволен, что попал в Государственную думу, но притворяется, что он этого даже и не желал и что теперь *удручен*, предвидя все свое тяжелое положение в левой Государственной думе <...> Л. Н. не одобрил слов Стаховича, что он *удручен*. Думает, что он был не искренен, выражаясь таким образом.

Насчет «святой Руси» Л. Н. начинает впадать в сомнение. Говорит, что Россия может быть спасена лишь святой Русью; но жива ли еще эта святая Русь или окончательно забита освободительным движением, этого Л. Н. сказать не может. Надеется, но далеко в этом не уверен.

16 февраля. Л. Н. вчера запер двери в кабинет и стал говорить со мною по секрету. Оказывается, по поводу отношений детей ко мне и к нему. Спросил, не завидуют ли мне мои дети? Затем стал говорить, что, кроме сына Миши, все его сыновья имеют к нему дурное чувство зависти. Я ему доказывал, что если такое чувство у кого и есть, так только у Левы, который имеет основание испытывать *jealousie de métier**, прочие же, напротив того, должны иметь поползновение хвастать своим знаменитым отцом и украшать свое ничтожество его именем. Но Л. Н. стоял на своем.

Были какие-то молодые «темные» Дмитриев и Картушин¹¹⁴. Л. Н. говорил им, до чего трудно предвидеть то, во что выльется современное движение, и очень удачно воспроизвел то, что должен был рисовать себе француз в начале революции. Он мог допустить возможность самых необыкновенных комбинаций, но уж никак не появление на императорском троне какого-то офицера корсиканца, который станет властителем и республиканцев, и роялистов. А нас, может быть, ожидает и еще что-нибудь почуднее.

Были еще толстовцы — Леонтьев, Гастев¹¹⁵. Давно не бывало такого наплыва толстовцев.

Л. Н. снова на сердце жалуется. Часто смотрит на портрет Маши и твердит: «Скоро к тебе приду» <...>

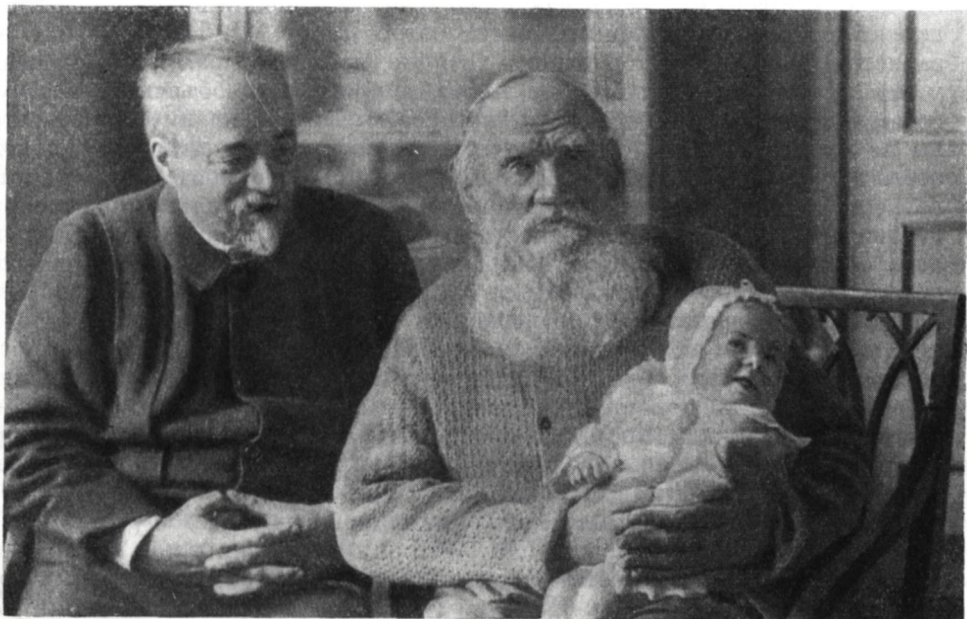
20 февраля. <...> Муромцев¹¹⁶ всегда считался либералом и в своем профессорско-адвокатском кружке умным человеком. Но не того о нем мнения был и есть Л. Н. Он всегда говаривал, когда по какому-либо случаю при нем упоминали о Муромцеве: «Да ведь это совершенный ду-

* профессиональную зависть (франц.).

рак». То же самое он говаривал и о другом ученом, игравшем тоже значительную роль в Государственной думе, о М. М. Ковалевском ¹¹⁷ <...>

3 марта. <...> Л. Н. до сих пор все повторяет, что ему чрезвычайно жалко, что я ему не буду рассказывать о Думе. Из моих рассказов он все ясно видит, что там делается, а из описания газет ничего не видит <...>

7 марта. Вчера были здесь Андрияша и Миша. Андрияша рассказывал, как он на днях проезжал с Толмачевым на паре с отлетом мимо патронного завода в то время, как выходили оттуда рабочие, и какими ругательствами и проклятиями их провожали. Л. Н. заметил, что время такое, «проснулся» рабочий человек. Из-за этого слова «проснулся» поднялся

ТОЛСТОЙ С ВНУЧКОЙ ТАНЕЙ НА РУКАХ и М. С. СУХОТИН

Фотография. 30 марта 1906 г., Ясная Поляна

Музей Толстого, Москва

длинный и неприятный спор, в который вмешалась и С. А. Между прочим, Л. Н. доказывал, что, выставляя тот факт, что «народ проснулся», он вовсе этому не радуется и не радуется ради этого самого проснувшегося народа, которому сравнительно было легко кротко и по-христиански выносить обиды, несправедливости и даже тягость крепостного права и которому очень тяжело вынашивать в своей душе эту злобу и зависть, которые в нем пробудило освободительное движение.

Кроме того, Л. Н. очень метко заметил, что он вовсе не считает положение богатого более счастливым, чем положение бедного, вследствие его богатства, а считает его положение более счастливым, вследствие того, что богатый имеет все средства, чтобы помочь бедному, а бедный имеет все поводы, чтобы мучиться завистью к богатому.

9 марта. Были здесь А. М. Бодянский, П. Л. Успенский, П. А. Мазаев ¹¹⁸. Приезжали говорить по поводу газеты, издаваемой Бодянским, христианской газеты <...> Л. Н. очень бодр. Сделал 20 верст верхом и был весь вечер свеж и не утомлен.

10 марта. Тут возбудился некоторый конфликт между крестьянами и господами. У Толстых живет домашний врач Д. П. Маковидский, словак, чистый толстовец, весь преданный Л. Н. и чувствующий к нему даже чересчур преувеличенное обожание. Этот доктор как истый толстовец, конечно, очень рьяно и самоотверженно лечит русских баб и мужиков. Целый день он в разъездах, никому не отказывает в помощи и в отвратительную погоду, и по невылазной грязи спешит туда, куда его зовут. В самой деревне Ясная Поляна местная благодетельница Саша Толстая, тоже последовательница своего отца, устроила приемный пункт. На содержание пункта она тратит свои деньги. На днях появилось в господском доме анонимное письмо от крестьян Ясной Поляны с заявлением, что они не желают, чтобы у них в деревне был прием больных ввиду возможности занесения заразы и ввиду небрежного к ним отношения врача, причем они просят графиню уничтожить у них этот пункт. Л. Н. объясняет это завистью мужиков к той вдове, хозяйке избы, которая за помещение у нее пункта получает 13 р. в месяц, а кроме того объясняет тем чувством враждебности к господам, которое вызывает желание заявить: нам вы не нужны, и без вас обойдемся. Достойно замечания, что по поводу этого письма Л. Н. высказал такие мысли, которые стоят в явном противоречии со всем тем, что он проповедовал еще так недавно. Он говорил вообще об возмутительном отношении мужиков к своим же односельчанам, об их злобе и зависти. Так, грумантовские мужики стали преследовать двух своих односельчан за то, что они будто бы своими новыми постройками мешают прогонять скот на выгон, а в сущности просто из чувства зависти к их благосостоянию. Преследуя их настойчиво через всякие инстанции суда, они добились-таки того, что эти прекрасные каменные постройки придется их владельцам сломать и перенести. В Ясной Поляне один мужик поставил прекрасную каменную постройку и при этом захватил $1\frac{1}{2}$ аршина общественной земли. Общество настаивает на том, чтобы он сломал свою стройку.

«Если дать этим людям возможность испробовать на себе разные анархические мечтания, — говорил Л. Н., — то они начнут кипеть в котле такой взаимной ненависти и злобы, что скоро сами будут просить дать им в правители хоть какого-нибудь Николая I». И это говорил Л. Н., который 14 месяцев тому назад на этом же самом месте говорил Щербаку¹¹⁹ совершенно противоположное и затем сердился на Колю Оболенского за его недоверие к спасительным добродетелям русского мужика <...>

Л. Н., высказав свои мысли о мужиках, рассказал о том, как он утром был в Ясенках в почтовой конторе и разговаривал с начальником конторы. Этот человек оказался то, что называется «левее кадетов». Как его Л. Н. ни направлял на запросы души, тот настойчиво возвращался к своим надеждам революционного переустройства всего государства. И эта настойчивая надежда имеет своим источником неудержимую уверенность начальника конторы, что он, начальник, слишком мало получает жалованья, что прибавить ему необходимо и что ему, конечно, прибавят левые, когда восторжествуют над Столыпиным <...>

13 марта. Софья Андреевна мне читала свои записки 1879—1880—1881 гг. Много интересного, но, так сказать, наружно интересного. Самого интересного, хода внутреннего перелома Л. Н., С. А. касается мало <...> Интересен у С. А. рассказ, как в 80 г. весной приезжал в Ясную Поляну Тургенев. Пошли вечером на тягу Тургенев, Л. Н. и С. А. С. А. стала вместе с Тургеневым и вдруг задала ему вопрос: «И. С., почему вы больше ничего не пишете?» — «На это я вот что могу сказать вам, — отвечал Тургенев. — Бывало, когда я писал, меня всегда в это время трясла любовная лихорадка. Без этого я писать не мог. Ну, а теперь я стар, влюбляться больше не могу, значит и писать больше не могу»¹²⁰. Это,

по-моему, очень характерно. Это показывает, сколько личного, своего заветного вкладывает даже такой высокоталантливый писатель, как Тургенев, во все, что он пишет. Читателю представляется, что Тургенев все это выдумывает, и так хорошо, похоже выдумывает, а он вместо этого все им описываемое переживает тут же, «кровию сердца пишет эти строки».

Конечно, это не общее правило. Тот же Фет, дряхлым, задыхающимся от кашля и мокроты старцем, писал многие свои юные, полные любви и беззаботной радости стихотворения. Когда я у него раз спросил: «Как это вы, Афанасий Афанасьевич, можете теперь в такую скверную погоду, сидя больным, на унылой Плющихе, создавать такие радостные, молодые строфы?» — Фет, сердито откашливаясь, пробормотал: «по памяти». Видно, память была у него мощная, что могла пронести чрез столько лет скучной прозы с Марьей Петровной, скряжнических расчетов, консервативных негодований и т. п. такие ненадтреснувшие звуки, такие неотрешенные чувства!

14 марта. <...> Был здесь И. К. Дитерихс¹²¹, только что вернувшийся из Англии, куда он ездил вместе с Веригиным и духоворами. Относительно Веригина я не ошибся, а ошибается Л. Н. По словам Дитерихса, это несомненно очень умный и энергичный человек, но человек очень непорядочной и низкой нравственности <...> Л. Н. и слушать не хотел рассказы Дитерихса о Веригине.

Заезжал Дитерихс к кн. Д. А. Хилкову, живущему в своих Павловках на семи десятинах земли, так как всю остальную землю он за бесценок продал своим мужикам. Занят он теперь оккультизмом. С мужиками уже мало стал общаться, и вообще они его огорчают. Землей они теперь очень богаты, но это их приводит не к довольству, а к зависти, злобе и пьянству. Нынешним летом в Павловках было 40 пожаров, причем все они произошли оттого, что мужики поджигали друг друга. Поджоги происходили на аграрной почве. Если какой мужик уходил в город и сдавал землю в аренду, то, конечно, эту землю получал кто богаче, кто мог заплатить немедленно большую сумму денег. На этого богача непременно кто-нибудь да злился из зависти и тогда ночью поджигал его. Богач обыкновенно догадывался, кто его поджог, и в отместку поджигал поджигателя. Тот опять мстил и т. д. Поражало Хилкова то, что, несмотря на то, что поджоги производились ночью, мужики почти всегда на пожар являлись пьяными. Объясняется это тем, что мужики часто по вечерам выпивали и пьяные ложились спать. Этот рассказ Л. Н. вынес, не перебивая рассказчика <...>

21 марта. Сегодня Л. Н. начал мне читать из присылаемого ему японского журнала одну статейку, написанную по-английски. Вслушиваясь — что-то знакомое: девушка пред открытой дверью, там мрак, неизвестность, голос предупреждает, девушка настаивает, переступает, «безумная... святая...». Да ведь это Тургенева! Л. Н. удивляется и ужасается. Я доказываю. «Мерзавец!» — произносит Л. Н. и в волнении уходит¹²². Чрез несколько минут опять появляется и говорит на ту тему, как это его особенно взволновало как писателя, как он знает это чувство у писателя подлаживаться ко всему тому, что служит популярности, и сколько непоправимого вреда может сделать писатель даже вот такой небольшой вещицей, как эта. «Да, но этим особенно страдал Тургенев, — замечаю я, — этой трусостью, этим подлаживанием под молодежь, этим виляньем». — «Да, да, конечно, но и не один Тургенев этим страдал. Все мы этим страдаем» <...>

1 мая. Ясная Поляна. <...> От Вены до Москвы я ехал с В. В. Смирновым (Вересаевым), возвращавшимся из Капри, куда он ездил навестить М. Горького и Л. Андреева <...> Вересаев мне долго развивал свою мысль, как следует понимать эпитафию в «Анне Карениной»: «Мне отмщение, и

Аз воздам». Оригинально. Мстит природа, основной закон которой так глубоко был нарушен Анной Карениной дважды. В первый раз в ее брачной жизни с Карениным, когда она отдавалась одной стороне брачной жизни — материнству, причем другая сторона, страсть, была вполне атрофирована, и в другой раз, когда во время своей связи с Вронским она была исключительно любовница. Вересаев говорил, что если Л. Н. не согласится с его взглядом, то он не поверит и Л. Н.-у, а будет думать, что Л. Н. может быть и бессознательно, но руководствовался при выборе эпиграфа той же идеей, что и он, Вересаев. Оставил даже мне свой адрес, чтобы я выпросил Л. Н. и написал ему, что скажет автор «Анны Карениной» <...>.

21 мая. Вчера я спросил Л. Н., что он хотел сказать, выставив в «Анне Карениной» эпиграф — «Мне отмщение, и Аз воздам»? Оказалось, то самое, что и я думал <...> Когда я ему передал, как Вересаев понимает этот эпиграф, Л. Н. сказал: «Остроумно, очень остроумно, но я хотел сказать просто, что за преступление следует наказание свыше».

Надо будет Вересаеву написать, как он о том просил ¹²³.

14 июля. <Кочеты>. Вчера вернулся из Ясной, куда ездил на два дня с Таней <...> Л. Н. был и тих и приятен. Даже после того, как Николаев ¹²⁴ прочел слащавую и в псевдонародном тоне написанную Наживиной статью о Г. Джордже, Л. Н. сдержанно и миролюбиво спорил со мной, доказывая, что хотя Наживина написала плохую статью, но Г. Джордж удивительно мудр и что его проект и применим и делителен для России.

Читал записки Софьи Андреевны — 1884 г. Ссоры, разлад семейный, озлобление с обеих сторон. Поразительно одно письмо Л. Н. в тоне покаянном, где он винится в том, что случается ему «гримасничать добродетелью» ¹²⁵.

Л. Н. между прочим рассказал мне, что Паскаль где-то говорит, что если бы мы каждую ночь видели продолжение сна предшествовавшей ночи, то скоро могли бы спутаться в том, где действительность и где сон ¹²⁶. Это очень тонкое замечание.

Л. Н. несколько полевел. Вероятно, это под влиянием его Иоанна, т. е. В. Г. Черткова, поселившегося по соседству с Ясной.

22 сентября. <...> Л. Н. мне наговорил много приятного по поводу моей корреспонденции из Новосиля с описанием ограбления Б. Н. Г., которую до сих пор «Голос Москвы» не печатает ¹²⁷. Л. Н. очень ахал. «Ведь это написано интересно, ярко, художественно. Ведь в этих газетах ничего подобного нет. А они, печатая всякую дрянь, вашей вещи все не печатают! Удивительно» <...>

1 октября. Я опять приехал в Ясную на побывку дня на четыре <...> Нашел тут тетку жены Т. А. Кузминскую, которая вносит много жизни и веселья. К сожалению, не застал здесь Репина, уехавшего накануне со своим «другом» г-жей Нордман. Сделал Репин портрет Л. Н. с С. А., который, по-моему, его кисти не достоин. Очень неудачное произведение. Л. Н. изображает из себя какого-то добренького, пьяненького, выжившего из ума, но слащаво умилительного старичка с наивными, широко раскрытыми глазами и сложеными в виде сердечка губками. Рядом сидит С. А., очень молодая, — умильно на него глядя и подпирая пальцем щеку, как будто его внимательно слушает. Л. Н. мне тихонько сказал: «45 лет все жду этого, чтобы С. А. меня слушала и не могу этого добиться. Да и вообще, к чему это сочетание? Я и Репину об этом сказал» ¹²⁸ <...>

Трудно теперь положение Л. Н. в Ясной. С тех пор, как ясенские ребята обстреливали при нападении ночью на капусту сторожей и затем приезжал по этому делу сам губернатор, ясенская усадьба взята под

охрану полиции. Помещены два стражника, из которых один всегда спит в передней. Стражники делают объезды ночью вместе с экономическими объездчиками, ловят порубщиков, производят обыски, словом, исполняют назначение полиции и наводят страх на округу. Ко Л. Н. нет-нет, да и приходят мужики с просьбами и жалобами. Часто встречается Л. Н. со стражником, который, вытягиваясь пред ним, молодецки отхватывает: «Здравия желаю, ваше сиятельство». С. А. при своей несдержанности и бестактности по несколько раз в день берedit его рану, рассказывая о подвигах стражников и о пользе их пребывания в Ясной. Надо понять, как горячо и убежденно этот человек четверть столетия проповедовал на весь мир не только ненужность власти и необходимость непротivления, но и практическую легкость обращения человека при каких угодно условиях жизни в христианского анархиста. И вдруг на старости не только подвергнуться правительственной охране, но и не иметь возможности стряхнуть ее с себя! <...> Столкновение между тем, чему учил Л. Н., и тем, на что он теперь натолкнулся, должно быть мучительно и ему и его последователям, и как с его стороны понятны взрывы негодования и протеста, так со стороны С. А. понятны старания защитить жизнь своих слуг и собственность свою и своих детей <...> Л. Н. искренно огорчен теми колкостями и дерзостями, которые сыпятся на него и в печати и в письмах за то письмо, которое он напечатал в газетах по поводу того, что он собственности не имеет и просит не приставать к нему с просьбами о денежной помощи¹²⁹. Виноват в этом несколько Чертков, который из этого письма вычеркнул ту фразу, которая доказала бы, что при том небольшом количестве находящихся в распоряжении Л. Н. денег невозможно удовлетворять ежедневные просьбы, доходящие иные дни до нескольких сот рублей. Но все-таки странно, что Л. Н. так огорчен. Он уже стал гораздо менее чувствителен к оскорблениям, нежели было прежде. На днях его обругали два мужика, и он рассказывает об этом с удивлением, но без горечи. Ехал он верхом и встретил двух подвыпивших мужиков, ехавших в телеге. При встрече с ним они осыпали его потоком ругательств, о которых Прутков выражается так: «И дальше больше с криком вящим язвят в колене восходящем»¹³⁰. Так вот восходящее колено Л. Н. очень стало страдать. Л. Н. повернул лошадь, догнал мужиков и стал спрашивать: «За что вы меня ругаете?» Но как Л. Н. ни допытывался, он слышал все ту же ругань попеременно с более печатными ругательствами вроде того, что «издохнуть тебе, старому чёрту» и т. п. Так и уехали, не выяснив причины этой ненависти ко Л. Н.

16 октября. Т. А. Кузминская при мне стала расспрашивать Л. Н. о том, как, по его мнению, мы будем на том свете относиться ко встрече с близкими нам людьми. Л. Н. улыбнулся и сказал: «Да ведь там друг друга мы не узнаём». — «Почему ты так в этом уверен?» — спросила она. «Да по той причине, что ведь мы сейчас, тут, на этом свете, никого же не узнаём, а я думаю, что мы все жили раньше».

С год тому назад какой-то Гончаров из Подольска прислал Л. Н. ругательное письмо. О Гончарове Л. Н. и позабыл совсем, но вот на днях пришла из Подольска телеграмма, подписанная Гончаров: «Ждите гостя». Через несколько дней новая из Москвы: «Ждите. Гончаров». Очевидно, какую-нибудь пакость хотят сделать Л. Н. И вот все эти дни семья в волнении. Стражники тоже на чеку. Но Л. Н. совсем не трусит и все так же спокойно и без всяких предосторожностей выходит к тем, которые его хотят видеть. Вообще я должен сказать, что мужество — одно из основных свойств Л. Н., и это я часто наблюдаю в разных более или менее мелких случаях его повседневной жизни.

24 октября. <...> Удивляюсь, что еще раньше митинги, устраиваемые Чертковым, не были прекращены. На этих митингах Чертков, очевидно,

проповедовал много такого, что не могло быть терпимо никакой властью, а нашей полицейской и тем паче. Даже из уст Л. Н. вырвалось замечание, очень ценное для характеристики деятельности Черткова. А именно, Л. Н., огорченный арестом Гусева и ставя этот арест в связь с деятельностью Черткова ¹³¹, заметил: «Очень мне понятно, что Чертков, жизнь которого во многом так не согласуется с тем, что он проповедует, слишком преувеличивал и пересаливал эту свою облюбованную им деятельность проповедования своих идей народу: усиливая свою проповедь, Чертков как бы держит в тени другие слабые стороны своей жизни».

Л. Н. проговорил это быстро и как бы про себя, но я так запомнил и так понял его слова, на которые обратили внимание и бывшие тут секретарша Ю. И. Игумнова ¹³² и кн. Е. В. Оболенская. А перед этим как раз было получено из Англии письмо от Черткова, который, описывая свое путешествие, извиняется болезненностью своей жены и еще какими-то и того менее основательными причинами, в том, что он проехался по Европе на *luxus-zug'e*, что обошлось чуть ли не в 1000 руб. <...>

Начавшиеся и на Л. Н. нападки после его неудачного заявления о неимении собственности особенно разгорелись именно из-за того, что в своей частной будничной жизни он, Л. Н., пользуется постоянно тем благосостоянием, которое приобретает на деньги его же жены, а деньги ей переданы тем же Л. Н. Это ему пишут и в письмах, это и я ему сказал, когда он меня попросил ему объяснить, за что же его собственно ругают после напечатания этого злосчастного письма. Я ему рассказал тот анекдот, который о нем давно уже ходил, а именно, как он ехал когда-то по железной дороге и к нему в вагоне подошла какая-то девица из «кофточек» и у них начался следующий разговор:

Девица. Позвольте вас спросить: вы Л. Н. Т.?

Л. Н. Да, я Толстой.

Девица. Ах, как я счастлива, что вас встретила. Я давно хотела вас увидеть и спросить у вас некоторые пояснения о деньгах, которые вы ругаете и необходимость которых отрицаете.

С. А. ТОЛСТАЯ

Фотография, 1900-е гг.

На обороте—портрет С. А. Толстой,
набросок Л. О. Пастернака

Частное собрание, Москва

С. А. ТОЛСТАЯ

Набросок Л. О. Пастернака на обороте фотографии С. А. Толстой

Частное собрание, Москва

Л. Н. Что же вам хочется знать?

Девушка. Вот вы говорите, что деньги не нужны. Ну, а на какие же деньги вы взяли билет, по которому едете?

Л. Н. Мне жена дала.

Девушка. Ну, а вот говорят, вы сапоги шьете. Откуда же вы берете деньги, чтобы покупать товар, из которого вы шьете сапоги?

Л. Н. Мне жена дает.

В это время сидевший в углу какой-то офицер воскликнул:

— Однако вы все это ловко придумали!

Так вот я и старался объяснить Л. Н., что хотя этот анекдот, весьма возможно, и выдуманный, но что в обществе, интересующемся не только его писаниями, но и его домашней жизнью, всегда существовало раздражительное к нему отношение за то, что его слова часто расходятся с его делами.

Помню, что его семейный *enfant terrible**, сын его Лева, задумал как-то написать роман под названием «Слова и дела», в котором он хотел бичевать своего отца и выставить ему в пример своего тестя, известного шведского доктора Вестерлунда, у которого будто бы дела никогда не расходятся со словами.

Что публика судит о Л. Н. так, как она судит, это понятно. Но что родной сын так же судит, это непонятно и во всяком случае доказывает поверхностный взгляд сына. Тот же, кто внимательно и вдумчиво относился ко Л. Н., неминуемо должен вынести то впечатление, что этот человек за последние 20—25 лет вынес на своих плечах громадную внутреннюю работу, и та перестройка, которая была им произведена в его внутренней жизни, должна была потребовать такого огромного духовного напряжения, которое уже одно вполне объясняет оставшиеся непеределанными части его многострадальной души.

* ужасный ребенок (франц.).

27 октября. К соседке Ясной Поляны А. Е. Звегинцевой приехали погостить две молодые дамы — дочь ее кн. А. Н. Волконская и племянница М. А. Болдырева. Л. Н. был у нее за это время раза два, когда навещал арестованного Гусева, сидящего в становой квартире в том же доме, где живет и Звегинцева. Сегодня Л. Н. собрался верхом с Д. Олсуфьевым¹³³ опять туда ехать, чтобы и Гусева навестить и к Звегинцевой зайти, но вызвал целую бурю негодования со стороны С. А., в которой вскипела ревность и которая обвинила его, что Гусев только предлог, а что самый тайный у него интерес — это видеть красивых, раздушенных, нарядных молодых петербургских дам <...>

Чувство ревности — чувство весьма детально разработанное в семье Толстых. Сам Л. Н. по природе очень ревнив. Прежде это чувство находило себе пищу в его отношениях к жене, а затем он стал ревновать дочерей, преимущественно незамужних. Сейчас одна Саша незамужем, и недоверчивый, опытный, подозрительный старик зорко следит за ней. На днях приезжал сюда некто mister Perks, англичанин, привозивший демонстрировать какой-то новый Ремингтон Саше, предлагал его купить. Perks оказался неприятным гостем для Ясной Поляны. Высокий, стройный, в длинном, хорошо сшитом скюртуке, с длинными аристократическими пальцами, на длинных ногах, обутых в модную обувь с длинными носками, с длинным красивым носом, этот молодой человек, к тому же глядящий на Сашу слишком мягкими масляными глазами, произвел на Л. Н. очень неприятное впечатление. — «К чему он приехал, на что он, кто его звал?» — обратился ко мне и Ю. И. Игумновой Л. Н. Саша тоже заметила неудовольствие отца.

Теперь снова Л. Н. увлекся деревенскими ребятами, но обучает их не только этике и религии, а и географии. Для этого пишет сам, готовясь к урокам, какие-то статейки. Спрашивал меня, нет ли чего подходящего. Я указал на «Ясную Поляну», для которой им же самим написано несколько статей нужного для него содержания¹³⁴. Он перечел и остался недоволен. «Ах, как глупо и плохо писал Лев Толстой, — заметил он, — плохо по изложению и глупо по содержанию. Там даже и патриотические чувства воспеваются». — «Да не только там, но и в позднейших произведениях Льва Толстого, — сказал я, — воспеваются патриотические чувства и в более определенной форме». — «Например?» — «Да, например, в „Войне и мире“. Там есть фраза: „Счастлив тот народ, который, не рассуждая и не сомневаясь, берет первую попавшуюся дубину и гвоздит ею по голове того, кто вздумал забраться к нему“»¹³⁵. — «Да неужели так и сказано?» — «Помнится, что так». — «Аха-ха», — заахал Л. Н., спускаясь с лестницы, чтобы отправиться на свою ежедневную прогулку верхом.

31 октября. Читал нам громко Л. Н. один рассказ Наживина «Мой учитель», навеянный теософическими верованиями индусов¹³⁶. Там меня поразила одна фраза: «Если человек замурует себя в подземелье и умрет там, полный действительно великой мыслью, то мысль эта пройдет чрез гранитную толщу подземелья и в конце концов охватит все человечество». По окончании чтения, когда Л. Н. стал восхищаться мудростью описанного индуса, я спросил его, неужели он, Л. Н., согласен с вышеприведенным положением. На что Л. Н. ответил:

— Раз все могущество и вся сила в духовном, то материальное не может препятствовать проявлению этого духовного.

Я. Да ведь это мистицизм.

Л. Н. Называйте как хотите.

Я. Но все-таки материальное вы признаете необходимым для проявления духовного?

Л. Н. Может быть, это покажется парадоксальным, но я этой необходимости признать не могу <...>

1 ноября. Я всегда избегаю столкновений со Л. Н., но сегодня между нами вышло то, что мой покойный сосед Картавцев называл *dos à dos**. «И такое у них вышло *dos à dos*». Началось с того, что Л. Н. собрался ехать в Тулу к губернатору с ходатайством об освобождении Гусева из заключения. Я старался его отговорить, доказывая, что он с глупым и грубым губернатором может всегда наскочить на неприятность и что всякие ходатайства ни к чему не приведут, так как никакое правительство не потерпит революционной пропаганды, а Гусев, конечно, революционер, если он проповедовал то, что пишет в своей книге «Наша революция» его патрон, поставивший его тут, В. Г. Чертков¹³⁷. Вот это и взволновало и рассердило Л. Н., так как он все это время доказывал, что правительство по глупости только преследует Черткова и лиц ему подобных, которые борются с революционерами и стараются их образумить. А это в сущности совсем, совсем не так. В книжке Черткова проводится та мысль, что средства, употребляемые революц(ионерами), не только дурны, но и беспечны, так как против бомб и браунингов правительство всегда может успешно бороться всякими имеющимися у него в руках средствами насилия, а что самыми успешными мерами для свержения правительства может служить то, что рекомендуется толстовцами: отказ от военной и иной службы, неуплата податей, словом, пассивное сопротивление. Таким образом, Чертков ничуть не борется с революцией, а борется лишь с теми средствами, которые употребляются революционерами и которые, по мнению Черткова, не могут достигнуть той цели, которую, очевидно, желает достигнуть и Чертков, т. е. свержения правительства. Это все равно, как если бы меня хотели выжить из этого дома насильники и применили бы пальбу, приступ, взрывы, а тут явились бы милые люди, желающие спасти свою душу, но и меня вместе с тем выгнать, и стали бы учить: «Да бросьте вы свои приемы, а слушайтесь нас: возьмем его измором; если не допускать к нему пищи, то, поверьте, он сам соберет свои пожитки и уберется куда-нибудь». Спрашивается: должен ли был бы я считать этих вторых за своих друзей или за своих врагов? Л. Н. все старался доказать, что я становлюсь на неправильную точку зрения, что следует смотреть на Черткова как на проповедника истинного христианства и что когда деятельность правительства не согласна с христианством, то правительство не имеет права бороться против обличений. Но ясно, что эти рассуждения страдают именно индивидуализмом, именно пристрастностью, личным, сектантским отношением к Черткову.

Поездка Л. Н. кончилась более благоприятно, нежели я думал: он не застал губернатора в Туле, а виделся лишь с умным и заискивающим вице-губернатором Лопухиным, который вряд ли что сделает, но наобещал много.

На днях уехал Д. А. Олсуфьев. Приятный человек, скромный, а главное, совершенно простой и ничего из себя не старающийся изобразить. При нем был получен ответ от П. А. Столыпина на письмо Л. Н. по поводу Г. Джорджа¹³⁸ <...> Несмотря на решительное отрицание спасительности Г. Джорджа, ответ Столыпина понравился Л. Н. Но мне не понравилось, как Л. Н. старался пред Олсуфьевым представить Г. Джорджа не в его настоящем виде, а в виде какого-то умеренного государственного человека, стоящего более чем кто-либо за земельную *собственность*. Мои возражения по этому поводу Л. Н. старался ослабить тем, что я очень мало знаком с Г. Джорджем <...>.

1908

23 января. <...> Л. Н. не раз передавал один рассказ Тургенева, который, странно, что нигде не встречается в его сочинениях. Едет Тургенев по

* Фигура в танце, когда танцующие поворачиваются друг к другу спиной (франц.). Здесь в смысле: смотрят в разные стороны.—Ред.

шоссе в Тулу на ямщике. Обгоняют они телегу. Баба правит. Сзади сидит пьяный мужик. Все лицо у него разбито, опухло и в синяках. Мужик хнычет. Ямщик, обгоняя мужика, повернулся к Тургеневу и, показывая кнутом на побитую физиономию, с некоторой гордостью произнес: «руцкая работа» <...>

26 января. <...> Получил интересное письмо из Ясной Поляны от Ю. И. Игумновой. В Ясную приехал из Англии Чертков. Несмотря на неудачу проповеди Гусева, Чертков не унывает и желает продолжать пропаганду. Для сего он ставит на место Гусева какого-то молодого человека Плюснина¹³⁹. «По словам Черткова, — пишет Ю. И., — дело организовано так, что как только Плюснин будет арестован, на его место придет кандидат, а когда арестуют кандидата, то придет еще кандидат и т. д.». Организация неплохая, но только не могу я ей симпатизировать. Богатый Чертков платит бедным молодым людям 50 р. в месяц и посылает их на бой с правительством, рискуя сам во всяком случае менее, чем его наемники. Правительство, конечно, не может поступать иначе, как арестовывать этих чертковских condotieri, так как их проповедь заключается главным образом в том, что не следует податей платить и в солдаты идти <...>

<4—6 марта.> <...> я помню, как еще в 1876 г. я имел столкновение со Л. Н. <...> Это было летом, кажется в августе, и я встретился с ним в Черемoshне, у его большого друга Д. А. Дьякова, моего дяди и соседа¹⁴⁰. При мне Л. Н. стал высказывать те же мысли относительно сербской войны, общего энтузиазма и стремления идти в добровольцы, которые он вложил в уста Левина. Завязался спор. Я не помню хорошо, как я ему возражал; очевидно, я повторял слова тогдашних руководителей общественного мнения, Достоевского, Аксакова, Каткова. Спор разгорался все более и более.

Вдруг Л. Н. закричал петухом и убежал в сад. Потом я узнал, что когда он в споре кричит петухом (что-то Суворова напоминает), это значит, что он находит, что его противник говорит такие глупости, на которые не стоит возражать человеческим языком. Через некоторое время Л. Н. вернулся из сада успокоенный и очень мило и ласково просил у меня прощенья за то, что погорячился <...>

31 марта. Умер мой дядя (муж сестры моей матери) А. М. Жемчужников <...> Он был поэт, Л. Н. не признавал в нем никакого поэтического дара и даже самого примитивного понимания поэзии. Он считал, что все, что пишет Жемчужников, это рифмованная скучная и никому не нужная проза. Но я думаю, что Л. Н. тут, как с ним часто бывает, слишком строг и требователен. Л. Н. признает всего пять поэтов — Пушкина, Лермонтова, Баратынского (за его «Смерть»), Фета и Тютчева <...>

«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

9 апреля. Вчера приехали в Ясную Поляну. Без особого труда добрались на развалнях с Засеки до дома. Путь еще держится. Это запоздалое таяние неожиданно и исключительно. Сам главный старожил Л. Н. такой весны не запомнит. Нашел я его физически бодрым и здоровым. От своего предостерегающего обморока он совсем оправился. Заметно только большее ослабление памяти. Но в душе его, мне кажется, происходит какая-то перемена. Стал он более замкнут, задумчив, грустен. Нет прежнего интереса к самым разнообразным проявлениям жизни. Мало расспрашивает, рассеянно слушает.

12 апреля. С месяц тому назад со Л. Н. был обморок и затем временная потеря памяти. Сегодня за обедом это повторилось, хотя не было полного обморочного состояния. Он дурно ночь провел от мучившей его изжоги, с утра чувствовал себя нехорошо, лег спать днем, крепко спал,

встал, пошел пред обедом пройтись. К обеду пришел, запоздав немного, и сначала принимал участие в разговоре. Спросил у меня, что я знаю о причинах прилива и отлива в океане. Затем, когда я начал говорить об «Jeanne d'Arc» Anatole France, спросил меня, как на нее смотрит автор, как ее понимает¹⁴¹. Потом разговор перешел на приволжских болгар. Мой шурич Лева спросил меня, что я про них знаю. Я стал рассказывать о болгарях. Затем говорил я о каменной и бронзовой эпохе, но тут уж Л. Н. никакого участия в разговоре не принимал. Вдруг сидевшая с ним рядом С. А. встала, подошла к Душану Петровичу и сказала ему: «Посмотрите, что со Л. Н., ему что-то плохо». Все обратили внимание на Л. Н. Он сидел бледный, с посиневшим носом и, видимо, плохо понимал, что кругом него говорилось. Д. П. стал уговаривать его прилечь. Л. Н. воспротивился: «Да что вы, со мной ничего, я просто очень крепко спал, так крепко, что, когда проснулся, все забыл; тут был брат Митенька (умерший тому назад лет 50), не знаю, во сне или в действительности». Все взволновались и не знали, что делать. Л. Н. пытливо и напряженно стал поглядывать кругом. Потом он ласково посмотрел на сидевшую с ним рядом и испугавшуюся Таню и потрепал ее по плечу: «Ничего, ничего, все так и должно быть», — проговорил он. Бледность все увеличивалась. С. А. все настойчивее его уговаривала встать и уйти. Л. Н. ел машинально и, вероятно, старался сохранить умственное равновесие. Он внимательно поглядывал на сотрапезников, на лицах которых были ясно видны смущение и тревога. Он, очевидно, путался, старался понять, кто и откуда явился, и проверял ясность своего понимания. «Ты куда едешь?» — обратился он к Лева. — «В Петербург». — «С женой?» — «Как с женой? Дора ведь в Петербурге». — «Ах, да, да». — «А это Анночка¹⁴² сидит?». — «Да, это я, бабушка». — «Да когда же ты приехала?» — «Я уж тут с неделю, бабушка». — «Вот как!» — «А я действительно очень странно себя чувствую», — проговорил Л. Н., — «очень странно». Голос его был тонкий, жалкий, слышалась беспомощность и смущенность. Обед пришел к концу. Л. Н. легко и без усилий встал. Д. П. подскочил и хотел взять его под руку. «Да нет, нет, что вы, я ведь ничего», — сказал Л. Н., уклоняясь от услуги Д. П., и прошел в кабинет, где его уложили на диван <...>

13 апреля. Вчера вечером Л. Н. вышел из своей комнаты, уселся в кресло и стал беседовать. Сначала все шло хорошо. Говорил, что он чувствует себя прекрасно, что нечего за него тревожиться и что ему кажется, что состояние его здоровья совсем неплохое. Но, посидев немного, он снова стал путать. Видимо, ему трудно было следить за разговором и понимать, о чем идет речь, преимущественно, когда упоминались имена людей, образ которых он не в силах был вызвать в своей памяти. Особенно все смутились, когда оказалось, что он совсем забыл, что сын его Андрюша был раньше женат и с женой развелся. «Да кто же была его жена? Где она? Что с ней случилось? Почему развелся? Ничего, ничего не помню! Да не может быть, чтобы он был раньше женат. Удивительно, что я об этой жене ровно ничего вспомнить не могу». Это полное забвение Ольги Дитерихс очевидно его смущало, и он несколько раз возвращался к попыткам вызвать в своей памяти хоть что-нибудь о ней. Наконец его уговорили идти спать.

Сегодня утром проснулся бодрый и свежий. Вышел в халате, горячо поговорил о поэзии, признавая эту отрасль литературы самой низкой, так как великий дар — слово — дан человеку для духовного общения, а поэт мысль калечит, втискивая ее в тесные формы ритма и рифмы. Даже такой великий поэт, как Пушкин, который как будто не сочинял стихов, а говорил стихами, почти так же, как мы говорим прозой, даже такой мастер и тот ведь, конечно, сидел, трудился, перечеркивал, подбирая рифмы, и невольно наносил ущерб мысли в угоду ни на что не нужной форме. «Но ведь не

всегда же поэтическая форма вредна для мысли, — заметил я, — иногда она служит наоборот и более яркому пониманию мысли, к лучшему запоминанию того, что описывает поэт, будь то красота природы или движение человеческой души...». — «Ах нет, нет, — перебил меня Л. Н., — для меня наоборот: переложил стихи на прозу, я лучше пойму и более оценю то, что хотел сказать поэт».

Можно не соглашаться со взглядами Л. Н. на поэзию, но нельзя сказать, чтобы эти рассуждения служили доказательством ослабления умственной деятельности. О вчерашнем Л. Н. говорит как о чем-то, оставившем в его голове чрезвычайно смутные воспоминания.

14 апреля. Вчера — Пасха <...> Сам Л. Н. не преминул пустить несколько ядовитых замечаний по поводу воскресения. «Помимо невозможности воскресения с физической точки зрения, как можно допустить, чтобы Христос воскрес только для того, чтобы сказать несколько глупостей, половить рыбу и затем исчезнуть!» <...>

А 26 лет тому назад я помню, что я зашел к Толстым, жившим тогда еще в Денежном пер., в первый день Пасхи с визитом. В зале со мной встретился Л. Н. Я заколебался, как его приветствовать. Но все-таки я произнес «Христос воскрес» и двинулся к нему, чтобы его поцеловать. Он остановил меня рукой: «Милого Мишу Сухотина с удовольствием поцелую, но при чем тут Христос, не понимаю, а еще менее того понимаю, как он мог воскреснуть». И затем ласково меня поцеловал.

26 апреля. <...> В Ясной нашел Л. Н. снова в прекрасном и бодром виде. Все переправляет свою последнюю статью, которой очень доволен, но которая, по-моему, есть повторение уже не раз высказанного, но написана она более слабо и более спутанно, нежели предшествовавшие ей статьи¹⁴³. В этой статье особенно заметно, насколько Л. Н. полевел за это время. Например, Л. Н. в ней говорит, что и правительство и революционеры поступают дурно, но что революционерам простительнее, так как их злые деяния смягчает тот риск, которому они подвергаются. Совершенно то же самое говорится в статье, писанной с год тому назад к правительству и революционерам, с тою разницею, что тогда Л. Н. извинял более правительство, так как оно действует по инерции, и его представители свои взгляды унаследовали от своих предшественников. Ждет Л. Н. своего любимца Черткова, который снимает под себя три дачи на Засеке, пока его palazzo в 30 комнат будет строиться в Телятинках <...>

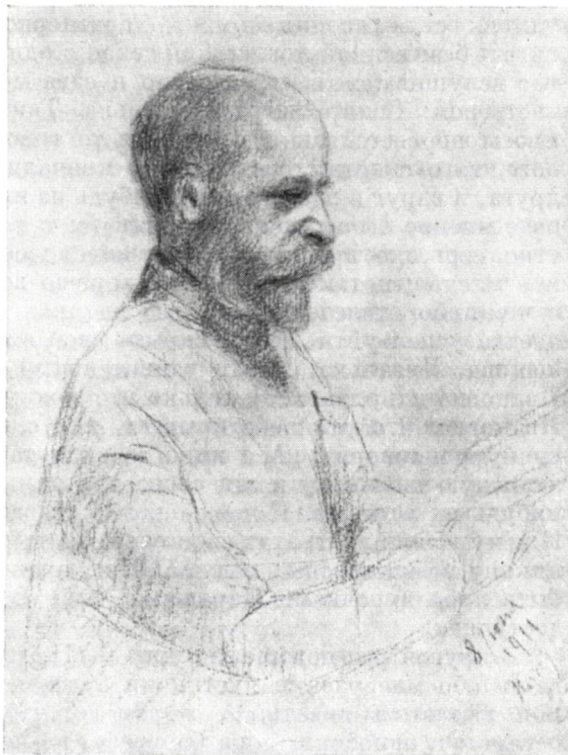
9 июля. Вчера приехал с Таней на два дня в Ясную. Л. Н. меня поразили своим бодрым видом. Головой тоже очень свеж, и никакого прежде замечавшегося утомления и угнетенности как не бывало. Прочел здесь его коротенькое письмо к священнику Соловьеву (законоучителю Лицея цесаревича Николая), написанное в ответ на длинное письмо священника, выражавшего свою благодарность, что Л. Н. отказался от юбилея, который, конечно, во многих возбудил бы вражду и негодование против юбиляра. Я письмо Л. Н. при сем прилагаю¹⁴⁴ <...>

12 июля. Хотя я пожил в Ясной Поляне немного, я все-таки успел здесь набросать для готовящегося к юбилею Л. Н. альманаха, задуманного Сергеевко, статью под названием «Киевское шоссе»¹⁴⁵. Приурочил я к этому шоссе анекдоты и мои воспоминания о Л. Н. Прочел самому юбиляру — одобрил. Но не одобрил слушавший это Чертков. Жалует царь, да не жалует псарь. Очень Чертков на меня напал. Как я смел в своей статье вспомнить о том, как Л. Н. относился года два тому назад безо всякой симпатии к революционерам и насколько извинял правительство и как Чертков это нежелательное настроение Л. Н., приехав из Англии, окончательно переделал. Это потемнение Л. Н. произошло будто бы по той причине, что на него слиняли дворянские симпатии и антипатии лиц его окружавших, пичкавших его ложными и тенденциоз-

Д. П. МАКОВИЦКИЙ

Рисунок Т. Л. Сухотиной-Толстой
1911 г.

Музей Толстого, Москва

ными сведениями и проч. и проч. <...> Я пошел ко Л. Н. и предложил ему моей статьи не печатать. Но он просил меня не стесняться преувеличенными опасениями Черткова, тем более, что «это правда» <...> На этот раз в столкновении Черткова со мной Л. Н. не стал потакать фантазиям Черткова, но вообще влияние, которое проявляет Чертков над Л. Н., поразительно. Л. Н. до того любит Черткова, что боится ему противоречить, чтобы его не огорчить, а Чертков пользуется этой любовью и заставляет Л. Н. поступать так, как Черткову хочется. Придумал Чертков уговорить Сытина издать альбом с картинами Орлова. Орлов это малоизвестный художник, картины которого страдают крупными недостатками техники, но трогательны по своей любви к простому народу и блещут иногда замечательным юмором. Л. Н. очень любит Орлова. Кроме того, Орлов очень беден, имеет 9 человек детей, а заработка не имеет. Сытин согласился издать альбом под условием, что Л. Н. напишет предисловие. Л. Н. согласился и написал прелестное по глубине чувства и тонкости анализа предисловие. Но только Л. Н. не упомянул о последней картине Орлова «Телесное наказание», во всех отношениях неудачной и могущей испортить все впечатление, предполагая предложить Сытину не включать ее в альбом. Чертков воспротивился и не только настоял на издании этой картины совместно с прочими (что, очевидно, послужит во вред Орлову), но и заставил Л. Н. написать и об этой картине лестный отзыв и вклеить его в уже написанное предисловие¹⁴⁶.

Вчера Л. Н. собрался съездить верхом к А. Е. Звегинцевой. Черткову этот визит к черносотенной даме пришлось не по вкусу, и я слышал, как он учил Л. Н., как ему там себя вести, что и как говорить даме. Л. Н. поддакивал и обещал поступать по рецепту Черткова. Как-то обидно становится за Л. Н. <...>

Л. Н. находится в так называемом гинофобном настроении. Все ходит и подсмеивается над слабыми сторонами женского ума. «Все

удивляюсь,—говорил он мне,—характерной способности женщин перепрыгивать безо всякой логической связи с одного предмета на другой. Вот сейчас вслушивался в их разговор и едва мог удержаться от смеха. Сидели четвером: Соня, сестра Машенька, Таня, Лизанька. Поднимали вопросы первостепенной важности: то говорили о бессмертии души, то о боге, то о смертных казнях; все кричали, перебивали, не слушали друг друга, и вдруг в разговор кто-нибудь из них вставит ни к селу, ни к городу свое мнение о новомодном рединготе; тут все кидаются на редингот страстно, серьезно; при этом каждая имеет свое определенное горячо отстаиваемое мнение; потом, не успеешь хорошо вслушаться, опять идет разговор о чем-либо отвлеченном. А вот на днях они меня так рассмешили, что я едва успел уйти, чтобы скрыть свой смех. Говорили Соня, сестра Машенька, Лизанька. Несли удивительный вздор. В стороне сидела Юлия Ивановна и молчала. Я только что подумал, как умно поступает Юлия Ивановна, что рта не открывает, как слышу она при каком-то споре о висмуте и говорит: „А я никогда висмута не принимала“. Я вынул свою записную книжечку и эти слова для памяти записал. При случае куда-нибудь их вставлю. К чему она это сказала? Кому это интересно знать? К чему женщины тратят свои слова на выражение ни к чему не нужных и никому не интересных мыслей? Нет, право, всем женщинам следовало бы быть либо дурочками Парашами, либо Верами Фигнер: середина им недоступна».

В другой раз подошел ко мне Л. Н. и говорит: «Вот вы всё тут собираете обо мне разные пустяки и будете их печатать; иные и биографии мои пытаются писать. А я вам вот что скажу: все биографии будут неверны и однобоки, пока биографы не возьмутся за самое существенное в моей юности, за то, что оказало громадное влияние на всю мою дальнейшую жизнь, я говорю о моих отношениях с женщинами. А это, конечно, в самом главном останется для биографов неизвестным, да, по правде сказать, и писать не все удобно. Конечно, со времени женитьбы я не имел с посторонними женщинами плотских сношений и не предавался разврату». — «Но ведь вопрос о разврате,— заметил я,— всегда возможен даже в примерной на вид семейной жизни. Ведь и отношения с женой могут носить в себе характер большего или меньшего разврата». — «Конечно, конечно,— перебил меня Л. Н., — те или иные плотские отношения с женой имеют огромное значение во внутренней жизни каждого человека» <...>

Из записок С. А. запомнил два метких замечания Л. Н. Говоря о сыне Илье, он сказал: «Постоянные шуточки Ильи мне не нравятся: это приправа к тому, чего нет». Говоря о самоубийстве, он выразился так: «Покушение на самоубийство — это попытка проснуться».

22 августа. Сегодня ночью приехали в Ясную М. Стахович, Таня и я. Стахович заезжал к нам в Кочеты, где пробыл один день, затем мы отправились вместе в Ясную, а отсюда Стахович и я собираемся ехать к Хомякову. Сегодня день рождения С. А. Гостей мало, Л. Н. все еще в постели от закупорки вены на ноге. Имеет вид весьма больной. Напоминает мне самого себя в Гаспре во время болезни. Такой же слабый и куда-то вдаль уходящий взгляд, который так прекрасно схвачен и запечатлен на портрете, сделанном Ю. И. Игумновой (находится у Саши). Когда я вошел к нему, он произнес слабым голосом: «Вот, кажется, еще раз получил отсрочку». Посидел я с ним и вынес очень приятное впечатление от его ровного, мирного и мягкого настроения. Но только исходный пункт этой благожелательности, возможно, что следует искать не исключительно в его чувстве любви к окружающим людям, а скорее в постепенно увеличивающемся равнодушии куда-то уходящего человека, занятого своими сокровенными помыслами, в равнодушии к тем интересам, которыми

наполняется жизнь близких ему людей. А кругом его бушуют страсти, разгораются ненавистничанья, кипят взаимные пререкания. Интерес дня — фельетон Меньшикова, письмо по этому поводу С. А. и ответ Меньшикова¹⁴⁷. Ругают Меньшикова и не хотят видеть, что Меньшиков тут не при чем, а кругом виноват Чертков, затеявший этот бестактный сбор фонда на выкуп Ясной Поляны у детей Толстого для раздачи земли мужикам <...>

23 августа. Л. Н. действительно возвращается к жизни, на короткое, вероятно, время, но возвращается. Очень, очень он мягок и трогателен. Он и раньше часто напускал на себя мягкость, но всегда чувствовалось, что это результат внутренней работы, напряженной перестройки своего нутра, победы над своей природой. Поэтому в этой мягкости всегда чувствовалась некоторая деланность, и сквозь эту мягкость нет-нет, а прорывалась старая властность, старая гордость, старая требовательность. Теперь этого нет. Очевидно, как *à force de forger on devient forgeron**, так постепенно по мере работы над собой не только получаешь внешний окрас вырабатываемых качеств, но эти качества к концу концов во всей своей полноте просасываются на самое дно души и вытесняют своих антиподов.

Не говорит Л. Н. больше о смерти, не старается больше убедить окружающих, что он смерти не боится. И это хороший признак. Это признак того, что он действительно победил всякий страх смерти и ему незачем больше убеждать в этом ни себя, ни других.

Но живучесть его изумительна. Он ведь был еще несколько дней тому назад очень плох. Кроме закупорки вены на ноге, большая слабость, перебои, ослабление сердечной деятельности, начало какого-то процесса в легких, и даже начало отека (*sic!*) легких, все это было весьма угрожающе, и все это прошло и проходит <...>

Л. Н. очень интересно рассуждал на тему о сновидениях. По его мнению, во время сна могут действовать все стороны человеческого духа, кроме одной: совести. Человек может и мыслить (сам Л. Н. иногда сочинял во сне, а затем, проснувшись, записывал им сочиненное), и соотносить, и любить, и радоваться, но только не может делать одного: чувствовать нравственную ответственность за свои поступки <...>

Мих. Стахович старается. И острит, и комплиментами сыплет, и находчивость свою выказывает, словом, чаще, чем когда-либо, приходит на память сравнение, когда-то сделанное Л. Н., Стаховича с обойщиком. Как обойщик во время своей работы держит за щекой много мелких гвоздиков, которые он по мере надобности вынимает изо рта и ловко и быстро вгоняет туда, куда нужно, так Стахович поступает с целым запасом остроумия, любезностей, намеков, которые он то и дело легко и ловко пригоняет именно туда, куда следует <...>

28 августа. <...> Приехав сюда, в Ясную, после полудня, мы попали в самый разгар юбилея: подарки, письма, телеграммы, сыновья (кроме Левы) с женами, несколько толстовцев, гостей чужих немного. Общий тон более семейный и мало политический, показательный, что очень приятно. По случаю слабости юбиляра никого к нему из чужих не пускали, исключение сделано было для Mr. Right¹⁴⁸, привезшего адрес от 700 английских литераторов. Нехорошо было то, что никто не подумал о тех людях, которые большую частью пешком шли к дому из Тулы или со станции и ни с чем, даже без ласкового слова, возвращались назад. Юбиляр мне очень понравился своей особенной простотой и ласковостью. К обеду его вывели в кресле. Он сидел за отдельным столом. Когда подали шампанское, он просил к нему не подходить с поздравлениями, а сам произнес маленькое приветствие, в котором выразил радость, что всех нас видит. Нас за столом

* привычка ковать делает кузнецом (франц.).

было 22 человека, и всё почти одни родные. Вечер Л. Н. провел, играя в шахматы и беседуя с нами. Рано лег спать. Когда он уже лежал в постели, я вошел к нему, чтобы проститься с ним, так как я на другой день утром уезжал в Кочеты. Я нагнулся к нему, чтобы с ним поцеловаться, и сказал: «Еще раз от души поздравляю вас». — «С чем?» — спросил Л. Н. «С хорошо прожитой жизнью», — ответил я и поцеловал его руку, чего прежде никогда не делал. Л. Н. прослезился и произнес: «Да, да, я знаю, что вы меня любите». Я тоже заплакал и вышел из спальни <...>

За это время много осуждений можно было слышать по адресу Л. Н. за эту бестактную выдумку Черткова собрать фонд и выкупить у детей Л. Н. Ясную Поляну для подарка ее крестьянам. И на это Чертков сумел получить не то согласие, не то одобрение от Л. Н. Эта невозможная выдумка дала повод Меньшикову написать свою ядовитую статью, а статья вызвала грубый ответ С. А., а ответ С. А. вызвал дерзкий ответ Меньшикова. Вот уж подлинно пустынного и медведя изображают собой Л. Н. и Чертков <...>

21 октября. Вчера Таня, Танечка и я приехали в Ясную. Ехали по морозу и снегу, из Кочетов до Благодатной на колесах, от Засеки до Ясной в санях. Как всегда, так и теперь я нашел Л. Н. после перенесенной им болезни поразительно посвежевшим и быстро оправившимся. С годами <...> он становится все добрее, мягче и радостнее. Для меня он становится все милее, и все более я чувствую к нему нежность и любовь. Вот окружающие его люди для меня не вполне приятны <...> Ежедневно приезжает и сам Чертков, который не только обожает Л. Н., но и командует им, а Л. Н. не только любит Чертковым, но и слушается его во всем. Сегодня у Черткова несчастье. Его два раза уже поджигали, но неудачно, а сегодня подожгли с успехом, и все только что отстроенные службы сгорели дотла. Подозрение на двоих. Либо это сделал подрядчик, которому это было нужно сделать, чтобы скрыть пред ревизией все мошенничества, которые он наделал в постройке, либо один телятинковский мужик, которого подрядчик будто бы нанимал за 150 р. поджечь Черткова, но который от этого отказался, донес об этом Черткову и просил с него денег за неподжог. Чертков отказал, а мужик на это очень обиделся. Но кто бы ни поджог, Чертков все равно не будет доискиваться и виновного суду предавать не будет. Полный простор всякому желающему снова попытаться поджигать. Л. Н., конечно, очень огорчился, особенно отношением недоброжелательным мужиков, глазевших на пожар и не желавших принять участие в его тушении. На утро мужики пришли воровать из дымящегося пожарища разные вещи на глазах у толстовца Е. И. Попова, а потом явились к Черткову просить на водку. Вечером Л. Н. мне сказал: «Я сегодня впал в уныние: такой мрак, такой мрак меня охватил со всех сторон, куда ни взглянешь, всюду мрак. И только теперь я сумел освободиться от уныния, именно теми доводами, что мрак насылается на нас для того, чтобы мы боролись с ним» <...>

Л. Н. пишет ответ какой-то сербке, который мне не нравится по своей беспечности. Сербка плачет о том, что их окончательно заберут в свои руки и уничтожат их национальность швабы, а Л. Н. в утешение ей доказывает, что не нужно никакой национальности и что одинаково вредно ей, сербке, всякое государство, будь то турецкое, немецкое или сербское <...>¹⁴⁹

23 октября. Л. Н. ездил с Сашей и со мной гулять, заезжали к Черткову. Л. Н. остался недоволен великолепием дома Черткова. Вернулся огорченным и вечером говорил: «К чему все это, эта роскошь, эти ванны, весь этот первый сорт? Я непременно все это ему выскажу. Я ведь никогда до сих пор внутри не был и не осматривал подробно этого дома».

13 ноября. <...> В Ясной Поляне жизнь идет по-старому, т. е. регулируется интересами, здоровьем и настроением Л. Н. Вечер свой Л. Н. всецело посвящает отдыху, так как за день он очень устает. После обеда он аккуратно играет со мной две партии в шахматы с переменным успехом. Затем часов до 11 вечера он играет в винт в пересадку. Его партнеры почти всегда одни и те же: Таня, Саша, я. Почти ежедневно к обеду приезжает Чертков. Для меня это самое неприятное время, так как этот любимый ученик вносит с собой какой-то дух уныния, и от его присутствия я испытываю гнет, имеющий своим источником сознание мной преувеличенной по своей значительности роли этого сильного и вместе с тем крайне узкого человека, пропитанного, кроме того, сектантской мировой скорбью. Иногда приезжает он и днем. За глаза все его ругают, критикуют, рассказывают разные анекдоты об его неискренности в смысле несоответствия его толстовских взглядов с его жизнью богатого фантазера, пользующегося своими деньгами. В этих нападках отличается особенно Саша и ее приятельница Варя¹⁵⁰. Защищает его одна Таня, а обожает его один Л. Н., при котором никто не позволяет себе никакой критики Черткова. Поразительно, как этот сын Зеведеев¹⁵¹ забрал в руки учителя. Ему одному разрешены les petites entrées, т. е. ему дозволяется входить, когда ему угодно, ко Л. Н., несмотря на затворенные двери, несмотря на часы, отдаваемые Л. Н-м работе. Ему дозволено читать все то, что пишет Л. Н., и по его настоянию Л. Н. поступает со своими писаниями так или иначе. То заявление, которое Л. Н. уже давно (в 1891 г.) сделал о том, что его писания принадлежат всем, собственно говоря, ради Черткова потеряло всякий смысл¹⁵². В действительности писания Л. Н. принадлежат Черткову. Он их у него отбирает, продает их кому находит это более удобным за границу для перевода, настаивает, чтобы Л. Н. поправил то, что ему, Черткову, не нравится, печатает в России там, где находит более подходящим, и лишь после того, как они из рук Черткова увидят свет, они становятся достоянием всеобщим <...>

16 ноября. Не надо быть особенно наблюдательным, чтобы постоянно наткнуться на те противоречия, которые представляет из себя не только жизнь, но и убеждения толстовцев. Их великий учитель, гигант по уму среди слабоголовых пигмеев, хотя и в значительно меньшей степени, но тоже страдает противоречиями. Его противоречия всего чаще проявляются между тем, что он проповедует, т. е. печатает, и тем, что он чувствует и высказывает в частных беседах <...>

18 ноября. Вчера приехал из Петербурга Лев Львович, так называемый Тигр Тигрович. Л. Н. был болен <...> Мы у него сидели вечер, и был очень интересный разговор между отцом и сыном. Л. Л. говорил о том, как ему хочется начать какое-либо крупное дело, например, издание газеты, и этим делом наполнить свою жизнь.

Л. Н. Это значит учить других, как жить и что делать. Я все время с недоумением гляжу кругом себя и вижу, что, начиная со Столыпина, который считает, что он призван устраивать жизнь других, и кончая последним революционером, все о других заботятся и что-то все исправляют и чему-то учат, тогда как у каждого человека есть громадное дело, данное ему богом, заниматься своей собственной душой. Это дело всецело должно наполнить жизнь человека; и очищать свою душу от той грязи и мерзости, что выросла на ней, это самое важное дело жизни; и все время, отведенное нам, должно уходить на это дело.

Л. Л. Однако ты сам учишь же людей?

Л. Н. Я отвечаю на те вопросы, с которыми ко мне обращаются. А если и поддаюсь этому желанию учить других, то поступаю дурно.

Л. Л. Но ведь так хочется оставить что-либо после себя, создать что-либо.

Л. Н. Этому искушению поддаваться не следует.

Л. Л. Но ведь ты же создал «Войну и мир», и это создание останется после тебя?

На этот аргумент *ad hominem* Л. Н. ничего не ответил.

Л. Л. Перевел разговор на границу.

Л. Н. Вот вы все: и Дунаев, и Митя Олсуфьев, и ты, — все восторгаетесь границей и хвалите Россию. Спора нет, там порядку больше, а у нас его нет. Но зато там под наружным порядком мертвечина, а у нас под нашей неурядицей жизнь кипит, слышишь и понимаешь, что там внизу под нами что-то подымается, что-то растет...

С. А. (из другой комнаты). Это у тебя, Левочка, в душе жизнь кипит, тебе и кажется, что всюду кипит, а в сущности ничего, кроме мертвечины, в России и нет.

<...> Говорил Л. Н. и о том, как в современных людях исчезает смирение, то смирение, которое не есть в сущности добродетель, но без которого немислима никакая добродетель. Я думаю, что это говорилось по адресу Льва Львовича, который страдает действительно болезненным сомнением <...>

22 ноября. Вчера приезжала ко Л. Н. депутация от московского Общества грамотности для переговоров об устройстве в Ясной Поляне народной библиотеки имени Л. Н. Депутация состояла из председателя Общества кн. Павла Дм. Долгорукова, члена правления Е. А. Звегинцева и старого проф. Д. Н. Анучина <...> Анучин — самый что ни на есть кадет, так как состоит редактором «Русских ведомостей». Читает в университете географию и антропологию. Полон веры в науку, надежды на университет и любви к своей собственной персоне. На почве этой веры в науку у Анучина завязался горячий спор со Л. Н., принявший вскоре неприятный характер, так как Л. Н. стал раздражаться и говорить колкости, а бестолковый и наивный старичок безо всякой разумной цели со сладенькой и несколько задирающей улыбочкой продолжал приставать ко Л. Н. с вопросами, уличениями в противоречиях, доказательствами из научного, для Л. Н. совершенно чужого и отпечетого, мира. Самая суть спора заключалась в том, что Л. Н. вертелся вокруг своего основного положения, что для всякого разумного человека важны вопросы из мира духовного, применимые к тому, как ему следует прожить ту жизнь, которая ему дана, а профессор старался доказать, что и вопросы, поднимаемые наукой, тоже могут интересовать разумного человека. Я боялся, что кончится скандалом, но Л. Н. во время сдержался, присмирел, а старичок и сам был рад дать отбой. Был еще и председатель Крапивенской земской управы Н. В. Игнатьев, державшийся с большим тактом, что было не легко, так как он попал в такую компанию, где представителю черносотенного земства чувствовалось наверно неловко. Один прямолинейный Чертков чего стоит. Его прямолинейность, попросту сказать, бестактность, проявилась вчера весьма подчеркнуто, и меня в жар бросало от стыда, когда он срамил своего обожаемого учителя, и все от избытка любви. Дело в том, что Общество жертвует на народную библиотеку от 1—1½ тысячи рублей, и весь вопрос заключался в том, как разумнее использовать эти средства и вместе с тем избежать возможных придирок со стороны администрации. Но вдруг Чертков попросил слова, и начал, и начал. Вся его речь сводилась к тому, что на народную библиотеку достаточно 200—300 р., а остальные деньги гораздо лучше Обществу употребить на покупку книг, которые были бы очень полезны самому Л. Н. Например, Л. Н. было бы очень приятно иметь Реклю¹⁵³ для всевозможных справок, хотя бы для обучения крестьянских детей географии, а между тем это сочинение одно стоит около 200 р. Сам же Л. Н. за неимением средств этой книги купить не в состоянии, да и никто ему этой книги не подарит. Конечно,

представителям Общества неловко было возражать на такое неуместное попрошайничество. Сам Л. Н. на речь своего фаворита ничего не возразил. Но когда я прощался с Долгоруким, которого проводил в его спальню, то услышал весьма недвусмысленное удивление на такой оборот дела. Можно было бы мне смягчить впечатление, заметив, что Чертков не Л. Н., но тут как нарочно подвернулся Л. Л. и, будучи тоже очень бестактен, стал говорить о том, что на Л. Н. Чертков имеет огромное влияние.

«НЕДОИМКИ»

Картина Н. В. Орлова, воспроизведенная в альбоме художника: «Русские мужики», изданном с предисловием Толстого (СПб., 1909)

Пришлось мне замолчать. Если бы я стал припоминать все те поступки Л. Н., которые вызвали наибольшее раздражение в людях, то оказалось бы, что они были совершены под давлением Черткова. Например, помещение в «Воскресении» главы с издевательством над обедней, письма по поводу того, что Л. Н. никому не может помочь, так как сам ничего не имеет, передача своих сочинений в исключительное распоряжение Черткова и т. п.

1909

«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

23 марта. <...> Л. Н. постарел за последнее время, хворал и не выходит гулять. Но духом бодр, а расположением духа приятен. Застал я Черткова на отъезде. Высылается административно из пределов губернии. Л. Н. молчит, но, конечно, в душе страдает; С. А. много говорит и, к удивлению моему, очень негодует <...> Вчера я прочел Л. Н. из «Нового времени», как ругают и Л. Н. и Черткова за то, что Л. Н. приезжавшему

поляку сказал: «Я не русский»¹⁵⁴. Черткова и Л. Н. там сравнивают с о. Матвеем и Гоголем. Говорят о том, что в «Войне и мире» Толстой русский с головы до ног. Л. Н. заволновался. «И далась им эта „Война и мир“, — заговорил он. — Какая узкость понимания. Это все равно, как бывало под Новинским во время масленицы паяцы выскакивали на балкон и зазывали публику разными кривляньями идти в балаган. Может быть, бывали такие зрители, которые не хотели идти внутрь, говоря, что и без того паяцев видели. Нечто подобное делают те, которые уперлись на „Войне и мире“. Толстой в „Войне и мире“ показал весьма немногое сравнительно с тем, что показал потом. Вся суть Толстого в том, *что* он писал после „Войны и мира“. Как интерес паяцев не в том, что они изображали на балкончике, а в том, *что* представляли в балагане». — «Но вы забыли ту разницу, — заметил я, — что паяц, зазывая своими шуточками в балаган, знал, что самая суть будет в балагане и в чем будет эта суть, а Толстой, когда писал „Войну и мир“, думал, что вся его суть в „Войне и мире“ и совсем не предвидел, что из него потом выйдет». «Конечно, конечно, — сказал Л. Н., — в этом есть разница, но все-таки для тех людей, которые захотели понять сущность Толстого, „Война и мир“ сослужила роль приманки, без которой они, может быть, с Толстым и не ознакомились бы. Ну, а те, которые остановились на „Войне и мире“, никакого понятия о Толстом не имеют. Вот Баллу¹⁵⁵ писал то же самое о непротивлении, что и Толстой, но Толстой написал „Войну и мир“, и потому многие читают то, что Толстой пишет до сих пор, а Баллу „Войны и мира“ не написал и о нем мало кто и знает».

29 марта. Пасха. Как всегда, праздник в Ясной Поляне тосклив. Чувствуется, с одной стороны, какая-то ненатуральность, с другой, — оторванность от прочих людей. Л. Н. бродит по комнатам и рассказывает какие-то анекдоты, вроде того, что когда какому-то немцу сказали «Христос воскрес» он воскликнул: «Какой молодец!» <...>

31 марта. Сегодня Чертков выезжает из пределов Тульской губ. Вчера приезжал прощаться. Видно было, как тяжело этому сильному, сдержанному, энергичному человеку расставаться со своим учителем, которого он так искренно и горячо любит. Сам учитель, по-моему, не с такой болью расставался с любимым учеником. Правда, всплакнул немножко, но скоро утешился, продолжал играть в шахматы, сел играть в винт, я думаю, что это не притворство, а то свойство старости, которое можно назвать не то равнодушием, не то отрешенностью. Явления не бороздят душу, не цепляются за нее, а скользят по поверхности и расплываются немедленно, как только становятся достоянием прошлого. Думаю, что так. А там кто знает: чужая душа потемки <...>

Л. Н. кончил книгу «Русские женщины на эшафоте»¹⁵⁶. Я стал ее читать. Разговорились об этой книге. «Все же, — заметил между прочим я, — нельзя отрицать, что в сердцах этих женщин иногда теплилась искренняя любовь к народу». — «Нет, — возразил Л. Н., — я этого не вижу» <...>

1 апреля. В феврале Л. Н. говорил Д. П. Маковицкому: «Вот увидите, я умру в марте». Не любит Л. Н. пророчить, а тут предчувствие перебило его нелюбовь. Но вот сегодня 1 апреля, а Л. Н. жив. Видно, мартовские Иды для него не столь опасны, как были опасны для Юлия Цезаря.

5 апреля. Сел вчера Л. Н. за винт и начал ахать над приездом в Петербург японского принца Куни: «Ах, эти обеды по правую руку царя, эти показывания и ухаживания, эти притворные улыбки и любезности, как все это должно быть унижительно и противно проделывать. Меня все это еще волнует. Старые дрожжи сидят еще во мне: патриотические дрожжи, дворянские дрожжи, литературные дрожжи. Ведь история с Боснией меня

очень задела ¹⁵⁷. И к чему тогда тратить столько денег на такую огромную армию, если эта армия не способна воевать!»

6 апреля. Чертков наполняет собой все либеральные газеты. С легкой руки С. А., написавшей бестактное и фактически неверное письмо в газеты, где она доказывает, что Чертков всех любит и что его высылают по глупости, корреспонденты разных газет интервьюируют Черткова и с его слов продолжают писать такой же вздор. Оказывается, Чертков уничтожил какие-то революционные гнезда вокруг себя, и правительство должно было бы не выселять, а благодарить Черткова. Никакой пропаганды он не вел и книг запрещенных никому не высылал. Хирьяков в «Нашей жизни» от 2 апреля дошел до такой степени вранья, что пишет: «Из личных разговоров с Чертковым мы можем сообщить следующие подробности. Устроиться в другом месте с семьей ему нельзя, так как последние деньги (sic!) ушли на покупку земли и на устройство дома и хозяйства» ¹⁵⁸.

Л. Н. на все эти статьи морщится и с неудовольствием заметил: «К чему лгать? Надо правду писать. Что делал Чертков, то делал. Стыдиться за него нечего» <...>

23 апреля. <...> Нашел Л. Н. в очень хорошем виде. Особенно умственно он очень свеж. Читал мне большие письма, которые он написал по поводу воспитания, интеллигенции, права ¹⁵⁹. Хорошо, сильно и ясно написано. Видна прежняя мастерская манера опровергать и убеждать противника <...>

26 апреля. Ездил со Л. Н. к Чертковым. По дороге заехали к одной бабе, у которой умер ночью неизвестный странник. Покойный лежал на полу, на соломе, лицо было прикрыто какой-то тряпкой. Л. Н. приказал открыть лицо и долго вглядывался в него. Лицо было благообразное, покойное. Тут же сидело несколько мужиков. Л. Н. обратился к одному из них:

— Ты кто такой?

— Староста, ваше сиятельство.

— Как же тебя зовут?

— Тимофей Аниканов.

— Ах, да, да, — произнес Л. Н. и вышел в сени. За ним последовала хозяйка.

— Какой же это Аниканов? — спросил Л. Н.

— Да Тимофей, сын Акулины, ваше сиятельство.

— Ах, да, да, — задумчиво произнес Л. Н.

Мы сели в пролетку.

— Да ведь у вас был другой староста, Шукаев, — произнес Л. Н., обращаясь к кучеру Ивану.

— Отставили, ваше сиятельство.

— За что же отставили?

— Очень слабо стал себя вести, ваше сиятельство. Пил уж очень.

— А этот не пьет?

— Тоже пьет, ваше сиятельство.

Я все время наблюдал за Л. Н. и никакого смущения в нем не заметил. Дело в том, что этот Тимофей — незаконный сын Л. Н., поразительно на него похожий, только более рослый и красивый. Тимофей — прекрасный кучер, живший по очереди у своих трех законных братьев, но нигде не уживавшийся из-за пристрастия к водке. Забыл ли Л. Н. свою страстную любовь к бабе Акулине, о которой он так откровенно упоминает в своих старых дневниках, или же он счел нужным показать свое полное равнодушие к своему прошлому, решить не берусь.

У нас во время прогулки произошло несчастье. Когда мы подъезжали к Чертковым, при въезде в ворота Сашиной усадьбы пролетка застряла

в какой-то невозможной яме, лошади дернули, что-то затрещало и заскрипело. Оказалось, что рессоры не выдержали, лопнули и перевернулись. С трудом вернулись домой, перевязав веревками рессоры.

На возвратном пути много и приятно беседовали. Я рассказывал Л. Н. подробности смерти С. М. Мартыновой и выражал зависть и удивление тому, как она пред смертью оказалась православно верующей. Л. Н. заметил, что удивляться нечему, что религиозный человек может и в православии найти истинно религиозные основы, которые в нем заложены. «Вот редстокизм¹⁶⁰, казалось бы, менее православия пропитан религиозностью, но и в нем религиозные люди находят для своей души удовлетворение» <...>

1 июня. <...> В Ясной Поляне я нашел Л. Н. недовольным собой за то, что не подал руки артиллерийскому полковнику Лубенцову, присланному Столыпиным (все-таки поездка Тани оказала влияние¹⁶¹) для расследования вопроса о виновности Черткова. Л. Н. приехал к семье Черткова, его встретили на крыльце, и вышел его встречать и приехавший на расследование Лубенцов. Л. Н. очень подчеркнуто ему руки не подал. Тот, говорят, покраснел, побледнел и был очень этим удручен. Потом Л. Н. имел с Лубенцовым с глазу на глаз беседу, где выяснил все свое недовольство, что Столыпин¹⁶², на которого он смотрит как на мальчика, сына своего старого товарища, считает себя вправе решать, виноват или не виноват такой человек, как Чертков! <...>

Л. Н. поразил меня своей бодростью. Были бега в Туле, и он туда отправился верхом. Проезжал три часа с чем-то, сделал около 30 верст, ехал много рысью, а вечером как ни в чем не бывало легко скользил по паркету (это особенный выступ Л. Н.) и говорил мне: «Вот С. А. все меня пугала, что я рассыплюсь. А я даже не чувствую, что верхом ездил». Так бодр, что даже собирается в Кочеты ехать, несмотря на протесты С. А. Жалуется на жизнь в Ясной, для него утомительную и беспокойную. Особенно допекают его просители, а из просителей те, которых он называет «пролетарии». Это в сущности те оборванцы, из которых составляются отряды максималистов, экспроприаторов и т. п. Они не довольствуются даваемыми им гривенниками, а часто желают вступить в разговоры и пресипирательства со Л. Н.

Неприятны ему также столкновения С. А. с мужиками из-за потрав, порубок и всяких чинимых ими пакостей. С. А. по невоздержанности своей не бережет ушей Л. Н., а все при нем громко излагает, грозит мужикам наказаниями, ругает их, ненавидит, а Л. Н. ежится, морщится, а иногда и молит: «Ах, Соня, перестань!»

А на днях между супругами произошла история, напомнившая старые времена, история, о которой мне М. А. Шмидт¹⁶³ говорила: «Ах, милый мой, что тут было, что тут было! Два дня весь дом страдал от С. А., от ее неистовства и озлобления! И это называется любовью! Так любимого человека мучить и всех нас, всех, всех мучить!». А дело все разыгралось, как это ни странно сказать, на почве ревности. А еще более странно сказать, это то, что С. А. в сущности была права негодовать и ревновать. Так, по крайней мере, выходит из ее слов. Вот что она мне рассказывала.

Как-то недавно она стала копаться в бумагах Л. Н. (эту ревизию она время от времени производит), и попалась ей в руки тетрадь, ею никогда прежде не виданная, под названием «Дьявол». Рукопись переписана Чертковым (значит, оригинал у него)¹⁶⁴, какого года — не помечена (кажется, давно написана). Это повесть, в которой необыкновенно ярко и подробно описана связь Л. Н. с Аксиньей Аникановой. Описана вся эта связь до того художественно, что очевидно не сочинено, а взято из того, что сам автор переживал. Все это бы ничего, если бы не было второй части связи, а именно описания соблазнов, которым подвергался герой после своей

женитьбы, когда стал опять встречаться с Степанидой (Аксиньей). Если он не вступил с ней в связь, так это лишь вследствие разных неблагоприятных для сего случайностей. Описана эта вторая, неизвестная для С. А. страница из связи Л. Н. с Аксиньей еще более ярко и жизненно, чем первая. Затем, почему Л. Н. от нее, С. А., эту повесть так тщательно и долго скрывал? Все это возбудило в С. А. деятельность потухнувшего уже волкана, и началась целая история¹⁶⁵ <...>

Тут и Черткову досталось на орехи за «кражи рукописей», с угрозой, что сыновья зададут ему после смерти Л. Н. «Голубчик мой, — восклицала М. А. Шмидт, — как это С. А. не понимает, что Л. Н. не связь свою описывал, а просто сочинял, чтобы предупредить молодежь, чтобы сделать для них отвратительными такие грязные отношения с женщиной». Я не стал спорить с доброй и святой М. А., но согласиться с ней не мог, когда сам прочел «Диавола» <...> Да, меня поразила «Диавол» той силой таланта, которая в нем проявлена. Написан он старой, хорошей манерой Л. Н. времен его полного расцвета сил. Уже поэтому можно сказать, что повесть написана немало лет тому назад.

Сам же Л. Н. не говорит, когда он это писал, и отзывался пред С. А. запамätтованием. Удивительный человек. Говорит мне: «Мне очень бы хотелось, чтобы вы прочли одну вещь, которую я написал, чтобы вы сделали свои замечания и сказали, что вы думаете. Я ведь очень дорожу вашими критическими замечаниями». — «Диавола?» — спросил я. — «Какого „Диавола“? Какого „Диавола“? — удивился Л. Н. — Ах да, понял, понял. Да нет, это такой какой-то вздор; а я прошу вас прочесть хорошую вещь, мою новую статью о неминуемом скором перевороте, который на место закона насилия поставит закон любви». Я прочел эту статью и, читая, все удивлялся, как это даже такой умный человек и такой тонкий ценитель чужих произведений, как Л. Н., в своем деле ровно ничего не видит и не разбирает. Статья оказалась вялой и беспочвенной маниловщиной, в которой описание отрицательной стороны современного строя представляет остроумное повторение не раз уже высказанного Л. Н., а пророческая сторона относительно будущего на воде писана и никакой доказательности в себе не носит¹⁶⁶.

Я, с риском навлечь на себя гнев автора, в таком смысле и сделал замечания, конечно, смягчив свои выражения. К удивлению своему, встретил одобрение и полное согласие автора с тем, что указанные мною места действительно слабы <...>

Кочеты. 10 июня. Приехал 8-го в Кочеты Л. Н. с С. А. (на время), Гусевым, доктором Маковицким и камердинером Ильей. Очень приятно его видеть. Приветливый, довольный, мирный и вполне здоровый. Сколько прогостит, неизвестно. Конечно, Таня и я хлопочем и стараемся, чтобы все было хорошо и для него удобно. В мою жизнь, полную интересами *terre à terre**, внезапно вторгнулись мысли и речи из мира отвлеченного и безусловно значительного.

3 июля. <Кочеты.> Уезжает сегодня мой милый тесть. Я подчеркнуто говорю *милый*, так как действительно его пребывание здесь оставило впечатление мягкости, деликатности и большой легкости совместной с ним жизни. Если бы не ревнивая при всяком удобном и неудобном случае моя теща, постоянно подпускавшая в письмах к своему мужу шпильки за то, что он нашел в Кочетах место, где ему живется лучше, чем в Ясной Поляне, то, конечно, Л. Н. отсюда еще долго бы не уехал.

Имел он свидание с Чертковым, которому Столыпин окончательно отказал в праве въезда в Тульскую губ. В пяти верстах от нас село Суворово, Орловской губ., и туда приезжал Чертков со своим фотографом-

* земными (франц.).

англичанином и остановился у Анны Егоровны ¹⁶⁷. На свидание с ним два дня подряд ездил Л. Н. Я тоже видел Черткова. Глядя на Л. Н. с Чертковым, вспомнил стихи:

Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвост ¹⁶⁸.

О своем свидании со Столыпиным Чертков рассказывает в ироническом тоне, но мне кажется, что трудно было бы поступить Столыпину иначе <...>

Много играли со Л. Н. в шахматы с переменным успехом, разыгрывая все один и тот же вариант Муция в гамбите коня, причем я играл все время черными, а Л. Н. белыми. Играли почти ежедневно 2—3 партии, и играли бы еще больше, если бы не мое хозяйство, постоянно меня отвлекавшее, которое Л. Н. называл индусским словом «сансара», которое может быть переводимо словом «суета сует».

22 августа. <Кочеты.> <...> Попал в Ясную Поляну вместе с пианисткой Ирой Горяиновой. Это Wunderkind 11 лет. Играет под фамилией Энери. Мне испортило впечатление то, что я так много слышал восторженных похвал на ее счет. Конечно, играет прекрасно, но все же восторгающийся ценитель считает нужным прибавлять: «К тому же, заметьте, что ей всего 11 лет». Ну, а такого рода слова меня расхолаживают. Был в Ясной кн. В. В. Тенишев, член Государственной думы. Мнения о нем различны. Одни говорят: «дурак», другие — «умница». По-моему, человек полосатый: благоразумный и вдумчивый при большой дозе наивности. Мне понравилось, как он вежливо и скромно, но очень веско сумел показать Льву Николаевичу слабые стороны Г. Джорджа, когда Л. Н. стал горячо доказывать, что Государственная дума поступает неумно, не прибегая к этому реформатору для разрешения земельного вопроса.

1 ноября. <...> Л. Н. стал оправляться от того глубокого обморока, который с ним случился после оваций, устроенных ему в Москве, которые так его потрясли ¹⁶⁹. Но оправился не вполне. При мне с ним случился новый приступ потери памяти, всех перепугавший. Но духом он мирен и благожелателен. Со мной чрезвычайно ласков. Как всегда, Ясная произвела на меня действие умиряющее.

Кочеты. 19 декабря. Уезжая на четыре дня, я попал сначала в Тулу на дворянские выборы, а затем заезжал на день в Ясную <...> Л. Н. заболел внезапно сильным жаром в 40 гр. Думали, что не вынесет. Но скоро оправился, и встретил он меня словами: «pas pour cette fois»*.

1910

<ЯСНАЯ ПОЛЯНА>

15 января. Мы приехали сюда из Кочетов 3 января <...> Л. Н. я нашел в прекрасном состоянии: свежим, бодрым и иногда даже веселым <...> Очень он носитися со своим новым произведением «Сон» ¹⁷⁰. Но, по правде сказать, это очень плохо <...> Разговаривает Л. Н. гораздо меньше прежнего: более сосредоточен и душевно одинок. На днях, говоря о русской литературе, сказал: «Я знаю только трех серьезных писателей: Пушкина, Гоголя и Достоевского. Подавал надежду сделаться серьезным Лермонтов, да рано умер. Под словом — серьезный писатель, я понимаю такого, который занят серьезными вопросами жизни, вопросами религиозными. А ведь эти Тургеневы и Чеховы такими вопросами не интересовались».

* не в этот раз (франц.).

Они писали очень мило и хорошо, но серьезными писателями назвать я их не могу».

22 января. Вчера Л. Н., когда проснулся, оказался лишенным памяти. Забыл очень многое и так основательно, что не мог, например, припомнить своего внука Илюшка, его сестру Соню и их мать, хотя они все живут с нами. Все старался сообразить, что это за люди, да так и не мог. Вернулась память к вечеру. Но слаб и угнетен. Сказал мне утром, когда я пытался напомнить ему *кто и что*: «C'est le commencement de la fin»*. Но, кажется, снова он получит отсрочку. Много кругом суеты, волнения и беспокойства. Сам Л. Н. на этот раз имеет вид растерянный и смущенный.

ТОЛСТОЙ У СУХОТИНЫХ В КОЧЕТАХ

Фотография, май 1910 г.

Рядом с Толстым (справа) В. Г. Чертков, (слева Т. Л. Сухотина-Толстая, далее М. С. Сухотин и др. Музей Толстого, Москва

31 января. Из посетителей Ясной за это время можно отметить И. Ф. Наживина и П. А. Сергееенко. Первый — приятный, симпатичный, недурной как писатель, неглупый как человек. Много интересного рассказывал о юге, где он теперь поселился (на берегу Черного моря). Так же, как и везде, отмечается то же озлобление, то же пьянство, та же готовность снова начать революцию при первом удобном случае, да не такую, как пять лет тому назад, а такую, чтобы нашего брата истребить с чадами и домочадцами. Вместе с тем полная потеря старой веры, но (по замечанию сектанта Наживина) искание новых путей в виде разнородного сектантства. П. А. Сергееенко, <...> для моего удовольствия ругал Черткова, просил прощения за историю с письмом¹⁷¹ и даже, предполагая во мне правоверного октябриста, расхваливал «Голос Москвы» как самую интересную, по мнению Сергееенко, газету. Сегодня был кн. П. Д. Долгоруков. Милый наивный кадет, приезжавший от московского Общества грамотности открывать в честь Л. Н. библиотеку в Ясной Поляне. Все обошлось честию, просто и трогательно. Даже появившиеся корреспондент и фотограф

* «Это начало конца» (франц.).

от «Русского слова» не испортили общего хорошего впечатления <...> Эртель был управляющий у В. Г. Черткова, и в прошлом году для большего распространения сочинений Эртеля, что составляло важный вопрос для его семьи, Чертков настаивал, чтобы Л. Н. написал что-либо вроде предисловия к сочинениям Эртеля, которые будто бы так знал и любил русский народ, и Л. Н. в угоду своему фавориту обещал ему это. Не понимаю только, почему он этого не исполнил ¹⁷² <...>

24 февраля. <...> За это время было немало гостей, но гости все малоинтересные. Можно отметить Левина (вероятно, еврей), 25 лет тому назад покинувшего Россию, переселившегося в Норвегию, где обзавелся семьей и до того обнорвежился, что по-русски стал с трудом выражаться ¹⁷³. Рассказывал немало интересного о Норвегии. Подтвердил ходивший слух, что съезд мира в Стокгольме не состоялся не вследствие забастовки, а вследствие известия о приезде Л. Н. ¹⁷⁴ Члены конгресса в большинстве очень далеки от анархических идей Л. Н., безусловно против отказов от воинской повинности и совсем не хотят раздражать правительства. А доклад Л. Н., конечно, раздражил бы не мало. Все это было ясно еще в то время, когда затевалась эта поездка, и надо было быть столь непонятливым и узким, как Чертков, чтобы уговаривать Л. Н. не только предпринять это путешествие, но и выступить со своим докладом.

Ведь именно этим основным различием в убеждениях и объясняется то, что французские парламентарии не поинтересовались заглянуть в Ясную Поляну и д'Эстурнель ограничился приветственной телеграммой издалика ¹⁷⁵. Да и в своей речи ловкий француз, хоть и вежливо, но весьма подчеркнуто заявил о том, что их пропаганда в пользу мира движется совсем не согласно со взглядами Толстого. Была чета Молоствовых ¹⁷⁶ <...>

Л. Н. это время был удручен болезнью Саши. Думал, что умрет, и нередко, говоря о Саше, всхлипывал, не будучи в силах удержать слезы. Глядя на его расстройство, я с грустью думал о том, что вот и такой великий человек подпадает под власть экзажерации*. Экзажерация заключается в частом повторении на разные лады одной и той же мысли о желательности смерти. Смерть восхваляется не только с той точки зрения, что он, Л. Н., стар и что ему пора умирать (это могло бы быть понятно), но что вообще смерть не представляет для человека не только ничего страшного, горького, обидного, но, наоборот, что-то мудрое, прекрасное, целесообразное. Так это отношение и проявляется ко всякой случающейся смерти, так с этой именно точки зрения и уговаривает меня Л. Н. смерти не бояться и даже ничего не предпринимать, чтобы отсрочить ее. Но стоило только серьезно заболеть Саше, как Л. Н. обратился в самого обыкновенного отца, плачущего над дочерью, приблизившейся к этому будто бы счастливому переходу, в отца, с беспокойством расспрашивающего докторов о ходе болезни, о силах больной и т. п. (см. Молитва, «Круг чтения», 25 февраля).

Как-то за вечерним чаем в присутствии Молостровых разговор о смерти вызвал Л. Н. на очень резкую и странную выходку. Л. Н. стал говорить о том, как хорошо умереть. С. А. на это сказала: «Только не для тебя, Левочка». — «Почему же не для меня?» — «Тебе так хорошо живется. Тебя все так любят». — «Мне хорошо живется?! Мне хорошо?! — воскликнул Л. Н., бледнея и задыхаясь от волнения. — Мне ужасно живется. Любят? Кто же любит? Когда кучер держит мне верховую лошада, а тут же рядом моего выхода ждут разные оборванцы, что у них шевелится на сердце? Пора тебе проклятому старикашке подохнуть. Будет уж фарисействовать...» Дамы старались протестовать, пробовали перебить речь Л. Н. уверениями, что напротив, что совсем не так, но Л. Н.

* преувеличения (франц.).

разошелся и не обращал на дам внимания. — «Да, да, — продолжал он, — именно фарисействовать. Мне так и пишут в тех ругательных письмах, которые я получаю, и правду пишут. Эти ругатели, это мои истинные друзья, которые говорят мне правду, а не льстят. И умирать пора, пора, давно пора ... Ну, будет! Лучше поговоримте-ка о милой Казани», — круто повернул Л. Н. в сторону, обратившись к сидящему с ним рядом Молоствову. Эта сцена меня очень поразила. Поразила неожиданностью, поразила тем, что Л. Н. очень скрытен и не в его привычках открывать то, что у него на душе, особенно в присутствии таких малознакомых гостей. Слова Л. Н. подтвердили мое подозрение, что, несмотря на то, что прошли десятки лет с тех пор, как Л. Н., начав свою проповедь, решил тем не менее оставаться в семье и в прежних условиях жизни, — все-таки до сих пор сознание того, что что-то недоделано, что что-то совершенно не так, как следовало бы, сидит в душе учителя жизни, и от этого сознания он мучается, и, несмотря на охватившую его старость, мысль о бегстве из дома, об исчезновении не покидает его. Объяснение того, что Л. Н. не сдержался и что не мог скрыть того, что у него накопилось на душе, имеет его новый секретарь Булгаков. «Причины на то, что Л. Н. так разволновался, есть, — таинственно говорил он мне, — и веские причины, но сказать не могу, секрет, большой секрет». Вероятно, было получено какое-нибудь ядовитое и хорошо написанное письмо ¹⁷⁷ <...>

3 марта. Вчера был здесь философ Лев Шестов, написавший какую-то книгу о Толстом ¹⁷⁸. Он всем понравился: скромный, тихий, совсем не кривлялся и ничего из себя не представлял. Рассказывал интересно о полевении Мережковского.

5 марта. У Л. Н. всегда бывают очень яркие и своеобразные сны. Так, например, очень часто он во сне танцует. Как-то недавно видит он, что входит он к Глебовым ¹⁷⁹, у которых бал, подходит к хозяйке дома, приглашает на тур вальса и начинает кружиться. При этом он переживает сложное чувство: некоторое молодечество, желание не ударить лицом в грязь, сознание, что все на него смотрят. Кончил Л. Н. вальс, который он протанцевал спокойно, отчетливо, впрочем с некоторым оттенком старческой игривости, и стал смотреть, как танцуют другие. Но другие не так танцевали. Так чудно вскидывали ногами, что у одной дамы ее собственные юбки закрыли ей голову. Л. Н. убедился, что его старинная манера далеко отстала от современной манеры.

Вчера Л. Н. во сне танцевал мазурку с какой-то толстой дамой. «И каблучками я так старательно прищелкивал, — рассказывал он, — и ноги на поворотах расставлял и снова очень ловко соединял, и все собирался стать на одно колено, а даму, как на корде, погонять вокруг себя, да не решался, боясь, а ну как я недостаточно быстро и ловко сумею вскочить снова на ноги». Л. Н. задумался. «Да, — примолвил он, — сны очень странное явление, и я много о них думаю. Мне за последнее время все более и более кажется, что жизнь есть сновидение, а что реальность там, за смертью, и я чувствую, что чем ближе я к смерти, тем более и более я просыпаюсь, и что когда начну умирать, начну окончательно просыпаться». Вчера на один день приезжал А. Б. Гольденвейзер<...> Вечером А. Б. играл на фортепиано, и играл очень хорошо. Особенно ему удалось «*Prière pendant l'orage*» Chopin*. Л. Н. был очень взволнован. Успокоившись несколько, он стал говорить о том, что ему очень хотелось бы разрешить вопрос, способен ли простой, рабочий человек получить от этой пьесы наслаждение? Что ему очень хотелось бы решить этот вопрос в положительном смысле <...>

6 марта. Л. Н. говорит снова о снах. Он удивляется, что в снах никогда человек не чувствует стыда и ответственности за свои поступки<...>

* «Молитва во время грозы» Шопена (франц.).

От констатирования этого факта Л. Н. перешел к предположению, что после смерти мы будем относиться к нашей земной жизни так же, как теперь относимся к снам, то есть наша нравственность настолько повысится, что мы с удивлением будем вспоминать о том, чего только мы себе ни позволяли в нашей земной жизни и что только ни принималось нами за нравственность.

Приехал М. А. Стахович на два дня. Давно здесь не был, так как дулся на С. А. за то, что она не дала фамильных портретов на устроенную им толстовскую выставку¹⁸⁰. Как всегда интересен и блестящ <...>

10 марта. <...> Застали мы в Ясной С. А. Стахович. Все такая же, умная, самоуверенная, крестится пред обедом подчеркнуто и размашисто, ест постное и боится оскоромиться, и при этом все так же боготворит Л. Н. и восхищается им и в глаза и за глаза. Л. Н. ее очень обидел, когда, прослушав мой рассказ о том, как Стахович и Тания в «Праге» приветствовали М. Г. Савину, совершенно неожиданно разразился целой филиппикой против актеров. Я даже не понял, почему он так разгорячился. Тут было негодование и на газеты, которые целые столбцы наполняли похоровами Комиссаржевской и юбилеем Савиной, и доказывание того, что искусство актерское не есть искусство, а есть чёрт знает что, и воспоминания о старых традициях, в которых вырос Л. Н., когда актеров дальше передней будто бы не пускали. Последнее было сказано несколько рискованно, а кроме того, обидно для С. А. Стахович. Во-первых, не знаю, о каком это времени говорил Л. Н., так как 30—40-е и 50-е годы были полны преклонениями пред Мочаловым, Щепкиным, Садовским, Рашель, Ристори и т. д., а во-вторых, отец С. А. и ее братья провели всю свою жизнь в ухаживаниях за театральными знаменитостями <...>

13 марта. <...> М. А. Стахович за 2000 руб. приобрел у наследницы гр. А. А. Толстой (двоюродной сестры отца Л. Н.) письма Л. Н. к этой тетке, недавно умершей, и предисловие, написанное А. А. Толстой к этим письмам¹⁸¹. Трудно себе представить, насколько эти письма интересны. Нам их читает громко по вечерам С. А. Стахович. Относятся они к 50—90-м годам, и Л. Н. обрисовывается в них совсем не чужим человеком для настоящего Л. Н., а человеком, весьма близким и не только по уму, но и по душе. Когда-то Л. Н. говаривал: «Самый чуждый для меня человек это Лев Толстой». Теперь уж он не может этого сказать, да и не хочет, так как та духовная близость, которая чувствуется им самим к молодому человеку и начинающему писателю, из которого образовался современный нам Лев Толстой, радует и умиляет его.

Но еще интереснее самих писем это предисловие к ним. К сожалению, Л. Н. почему-то не хочет, чтобы с этим предисловием познакомилась Софья Андреевна, а потому его громко не прочли, а мне он его дал прочесть, и я торопливо, чтобы не отнял Л. Н., потратил три-четыре часа на прочтение этого интереснейшего документа. Я говорю документа, так как это предисловие со временем (скоро не сочтут возможным его напечатать) даст самый драгоценный и красочный материал для биографии Л. Н. По мнению Л. Н., гр. А. А. его любила любовью старой девы к молодому человеку, бывшему на восемь лет ее моложе. Может быть и так. Но во всяком случае она его искренно и горячо любила, «любила его душу», как она пишет сама, и глубоко страдала, когда он, отвернувшись от церкви, начал проповедь своего учения. Вот описанию этой борьбы двух горячих, искренних и упорных натур и посвящено предисловие. И чего-чего там не найдешь. Сколько остроумных замечаний, метких характеристик, художественных описаний! Жалею, что я гр. А. А. мало знал и не искал сближения с нею. Как верно следующее ее замечание: «Л. Н. часто увлекался мнением людей, стоящих неизмеримо ниже его в нравственном отношении, но которые хоть чем-нибудь входили в его колею...» (стр. 32). О письмах, полу-

чаемых Л. Н., она пишет: «Стоило только ему найти в них свою излюбленную нотку, чтобы восхищаться самой непроходимой чепухой» (стр. 38). Чрез 20—30 лет после того, как это было написано, мы видим Л. Н., отличающегося той же пафкостью на то, чтобы повторяли его мысли и слова, и уже самый факт повторения исключает вопрос об искренности или неискренности повторяющего. На этой особенности Л. Н. основана снисходительность к Сергеенко и расположение к Буланже, с забвением всех его низких проделок <...>

В предисловии А. А. не раз возвращается к гордости Л. Н. Не могу я вполне с этим согласиться. Во всяком случае гордость, которая будто бы руководила всем духовным переворотом Л. Н., весьма преувеличена. По этому поводу интересно одно письмо Л. Н. к А. А., приводимое в предисловии, в котором Л. Н. весьма смиренно убеждает ее, что ее вера несравненно приятнее, удобнее, покойнее, чем его вера, и если он отказался от возможности признать столь спасительное и столь удобное искупление, то, конечно, оттого, что решительно не мог больше его признавать. Я не спорю, что гордость у Л. Н. велика, но нельзя все и вся объяснять этой гордостью. Доброта Л. Н. тоже, по-моему, преувеличена. Я думаю, что та доброта, которая теперь весьма ярко выступает, не есть свойство его природы, а приобретена той духовной работой, которая вот уже лет 30 наполняет его жизнь. Раньше вряд ли Л. Н. был добр, по крайней мере, когда в нем проглядывает его ветхий Адам, то не добротой этот Адам отличается. Интересно у А. А. описано ее свидание с Достоевским, приходившим к ней, чтобы потолковать с ней о духовном перевороте Л. Н. Она ему читала письма Л. Н. по этому поводу, причем он хватал себя за голову и вскрикивал: «Не то! не то!» Письма эти Достоевский унес с собой, кажется думая писать Л. Н., но через пять дней А. А. увидела Достоевского уже на столе. Передан интересный разговор с Тургеневым, не имевшим никакой религии и не интересовавшимся религиозными вопросами. Перелом в литературной деятельности Толстого приводил Тургенева в негодование. Язык, которым стал писать Толстой со времени своего обращения, Тургенев сравнивал с «непроходимым болотом». В этом есть доля правды. Мне часто дает Л. Н. поправлять внешний облик своих новых произведений, и я нередко удивляюсь, как может знаменитый писатель, увлеченный какой-либо идеей, столь небрежно относиться к стилю, причем эта небрежность зачастую вредно отзывается и на ясности выражаемой мысли.

В заключение скажу еще раз, что я читал предисловие А. А. с волнением, а местами и с восторгом. Видно, что она всю душу положила на то, чтобы описать своего дорогого Льва и те страдания, которые она вынесла из-за него.

Письма Л. Н., бесспорно, крайне интересны, но они, конечно, сдержаннее тех страстных строк, что вылились из-под пера А. А.

16 марта. Последние письма Л. Н. и А. А. не столь интересны, как первые. Заметно утомление от переписки и вместе с тем желание не прерывать окончательно отношений со старым другом, с которым различие в религиозных взглядах с каждым годом все более и более увеличивало то разъединение, тот овраг, который образовался, зародившись с мало-заметной трещины. В письмах Л. Н. я внимательно следил не только за его религиозными эволюциями, но также и за всем тем, что он писал о своей жене. Не говоря о первых годах страстной любви и искреннего восторга, но даже и 80-е года, т. е. года семейного разлада, поражают тем, что он искренно любит свою Соню, с которой у него так мало осталось общего. Как это ни странно, но полное охлаждение Л. Н. к жене можно заметить, и то человеку, живущему в доме, лишь за последние годы, и особенно за текущий год. Уж не происходит ли это по мере того, как плоть

все более и более замирает? Только за эту зиму Л. Н. весьма недвусмысленно показывает, как она далека стала ему, как он, хотя и терпит и сдерживается, но все же страдает от ее вмешательства в его личную жизнь, от ее бестактных замечаний, от ретроспективных упреков, от шумливых и надоедливых приставаний, от хвастливых воспоминаний и т. п. Прежде Л. Н. ограничивался тем, что делал вид, что не слышит, не отвечал, заговаривал с другими, уходил к себе. А теперь он нередко жалуется мне, и, жалуясь, конечно, не в силах скрывать своего раздражения. Да и точно, С. А. как жена очень раздражающая. Нельзя сказать, чтобы она никогда не была права. Но самый способ доказывания ею своей правоты с постоянными погрешностями против истины, с шумливым и многоречивым извержением слов, с корябкими бестактностями не может не действовать раздражающе на современного Сократа, привязанного в продолжение 50 лет к своей Ксантиппе. Кстати, Сократ и Ксантиппа Сергеевко¹⁸², конечно, списаны со Л. Н. и С. А. На днях Л. Н., проигрывая мне партию в шахматы, все время напевал про себя: «Vous avez de la chance, vous avez de la chance»*. Сначала я не понимал, в чем дело. Но прислушавшись к тому, о чем трещала С. А., понял. Она хвасталась пред каким-то гостем своими успехами, о которых я уже много раз слышал от нее: и как ее любил Фет, и что говорила его жена, и какие стихи ей посвящены (следовало декламирование стихов на память); и как в. к. Константин Константинович ее встретил фетовскими словами «звезда и роза»¹⁸³, и что сказал в. к. Сергей Александрович, ну и т. д. и т. д. Конечно, с такой женой нелегко великому человеку, и не только великому, но и гордому, и самолюбивому, и чуткому, и особенно трудно человеку, неустанно над собой работающему. Но чтобы быть справедливым; должен сказать, что моя теща не для своего мужа, а для своего зятя и для посторонних людей очень мила и приятна. Добродушна, участлива, а главное смиренна до трогательности. Сколько она выносит от грубящих детей! А что она до болезненности болтлива, так и это не велика беда. Она не требует даже, чтобы ей отвечали. Сидишь в зале за столом и читаешь газету, а С. А. сидит в другом углу за работой и произносит длинные монологи, на которые не требует даже реплики. Ее смирение сказывается особенно подчеркнуто в ее музицировании. Она страстно любит музыку, но сама играет, хотя и шумно, но скверно. И для того, чтобы удовлетворить свою страсть к «запузыриванию» на фортепиано, С. А. выжидает время, когда дом пустеет или все сидят в дальних комнатах, запирает двери и начинает играть много и долго, но, действительно, очень плохо. Так что Л. Н. не вполне был прав, когда на днях после шумного хвастовства С. А., что она прекрасно играет в винт (в сущности отвратительно), проговорил мне а parte** вполголоса: «И так всегда и во всем; воображает, что она все делает превосходно; и стараться разубедить ее в этом бесполезно». Правда, в иных областях человеческой деятельности С. А. хвастлива, но в иных скромна и конфузлива, как девочка.

22 марта. Вчера был финский писатель Эрнефельт¹⁸⁴ с сыном и дочерью. Человек приятный, тихий, скромный, вежливый.

Сегодня здесь И. И. Горбунов¹⁸⁵ <...>

26 марта. Вчера вечером вокруг чайного стола можно было видеть такую странную игру. Л. Н. гонялся за мной, стараясь меня догнать и поймать. И поймал-таки! А ведь он на 21 год старше меня.

После чая прочли громко статью Короленко («Русское богатство», март)—«Бытовое явление» (о смертных казнях)¹⁸⁶. Л. Н. очень расстроился и тут же написал прочувствованное и благодарное письмо к Короленко. Письмо производит очень сильное впечатление <...> Я припомнил сло-

* Вам везет, вам везет (франц.).

** одному (итал.).

ва того же Л. Н., сказанные на днях. Л. Н. говорил, что если бы внезапно появились среди нас жители Марса, то наверно не могли бы взять в толк, что то, что они увидали, следует считать за науку, за цивилизацию, за религию и т. д. <...>

31 марта. Последние два-три дня полная распутица и при этом, как это ни странно, большой наплыв гостей. М. А. Стахович приехал вторично. Не так блестящ, как в первый раз, более задумчив, точно чем-то угнетен. С ним приехала и прогостила три дня его сестра М. А. Рыдзевская,

ТОЛСТОЙ ИДЕТ НА ОТКРЫТИЕ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фотография, 31 января 1910 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

милая, скромная, в настоящем смысле порядочная женщина. П. И. Бирюков, все такой же грязный и все такой же милый человек. Ф. А. Страхов¹⁸⁷, все такой же скучный, загадочный для меня толстовец. Профессор Масарик¹⁸⁸, известный чех, сдержанный, приличный, серьезный и, кажется, хороший человек <...>

2 апреля. Заходил сюда юный толстовец Засосов (крестьянин Московской губ.). Отказался от воинской повинности. За это пострадал, но слабо (три недели отсидел). Путешествовал за последнее время по Кавказу. Пропагандировал. Очень удачно. И солдаты, и крестьяне слушали его одобрительно и охотно читали книжки Толстого. Но только, соглашаясь в принципе с антиправительственными идеями, не соглашались с практичностью мирной борьбы. Вообще революционное настроение на черноморском побережье и на Кавказе, по мнению Засосова, растет. Один только раз ему пришлось натолкнуться на двух казаков, обидевшихся на него за брошюрку «Не убий» и предавших его где-то около Грозной в руки жандармов. Но жандармы оказались не грозны, т. е. равнодушны. Правда, один жандарм дал раз Засосову в морду, но затем угостил его чаем, а жандармский офицер отпустил его на волю, несмотря на то, что он бродил

по Кавказу без паспорта — «из принципа». От рассказов Засосова Л. Н. впал в мрак, потому что ему стало стыдно пред этим проповедником толстовских идей своего барства, своей обстановки, своей покойной жизни. Этот Засосов принес известие, что умер Добролюбов¹⁸⁹. Это был человек действительно выдающийся. Опростился он вовсю. Последнее время бродяжничал по югу России, где имел огромное влияние. Он не был вполне толстовец, так как он предавался какому-то странному, не выясненному мной мистицизму. Умер будто бы скоропостижно, где-то по дороге в Сибирь. (А может быть и вздор.)

«КОЧЕТЫ»

8 мая. <...> 3 мая с доктором Маковицким и секретарем Булгаковым прибыл к нам Л. Н. Вчера приехал Чертков, которому Столыпин позволил посетить Кочеты для свидания со Л. Н. (но в Телятинки запретил везжать). Завтра приезжает С. А. и Андрияша. Толстые пересиливают Сухотиных.

Л. Н. очень приятен, крайне любезен, все расхваливает, всем доволен.

20 мая. Уехал Л. Н. в сопровождении Маковицкого, Булгакова, Черткова и его домашнего фотографа mister Tapsel. Поехали на Абрикосово¹⁹⁰, а затем на Мценск. Л. Н. остался, кажется, доволен своим пребыванием в Кочетах. Всем он был приятен, никого никакими резкостями не оскорбил, был скромен, внимателен, словом, он оказался, как я и раньше уже отмечал, выдающимся по приятности гостем. Последние дни он стал меня осиливать в шахматы. Tapsel сделал много интересных снимков. Снял нас для кинематографа. Последние дни Чертков помягчил и даже стал публично разговаривать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Уриэль. Акоста» — трагедия К.-Ф. Гуцкова (1847); «Друг Фритц» («L'ami Fritz») — комедия Эркмана-Шатриана.

² Николай Михайлович, вел. кн. (1859—1918) — автор исторических работ о времени царствования Александра I. Познакомился с Толстым 26 октября 1901 г. в Гаспре (см. об этом в отрывках из его дневника — «Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым 26, 31 октября и 3 ноября». — «Красный архив», 1927, № 2, стр. 232—235). О своем впечатлении от встречи с Николаем Михайловичем Толстой писал Черткову 30 ноября 1901 г.: «Он мало интересен. Слишком знакомый тип» (т. 88, с. 251). Толстого заметно тяготили отношения с Николаем Михайловичем. 14 сентября 1905 г. он писал ему о том, что лучше прекратить эти отношения как «что-то ненатуральное»: «Вы — великий князь, богач, близкий родственник государя, я — человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом» (т. 76, с. 31—32).

³ О своей беседе с Толстым на эту тему Николай Михайлович записал в дневнике следующее: «На счет импер. Александра I толковали мы много, и гр. Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» («Красный архив», 1927, № 2, стр. 233). Впоследствии в связи с работой Толстого над повестью «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», оставшейся неоконченной (т. 36, с. 59—74), Николай Михайлович прислал ему свою книгу «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича». СПб., 1907 (книга сохранилась в Яснополянской библиотеке). В этом сочинении использованы и те «интересные записки», которые Николай Михайлович показывал Толстому в Гаспре. Выражая благодарность автору за присылку книги, Толстой в письме от 2 сентября 1907 г. так объяснял причины своего интереса к теме «Федор Кузьмич — Александр I»: «Пускай исторически доказана невозможность соединения личности Александра и Кузьмича, легенда остается во всей своей красоте и истинности» (т. 77, с. 185).

⁴ Георгий Дмитриевич Шервашидзе, кн. (р. 1847) — с 1888 г. тифлисский губернатор. Инициатор и руководитель жестоких репрессий против духовоборов в июне 1895 г. Разоблачения Шервашидзе содержатся в воззвании «Помогите!», написанном П. И. Бирюковым, И. М. Трегубовым и В. Г. Чертковым, отредактированном Толстым и снабженным его послесловием. Воззвание распространялось в списках, а в 1897 г. было опубликовано в изд. Черткова в Лондоне.

⁵ Речь идет, по-видимому, об ответе Толстого на анкету о франко-русском союзе парижского корреспондента итальянских газет Пьетро Мадзини (Pietro Mazzini). Ответ, датированный 27 августа, 9 сентября 1901 г., был напечатан в ряде иностранных газет. В переводе на русский язык был опубликован в зарубежном «Свободном слове» (1901) (т. 73, с. 137—139). О франко-русском союзе Толстой говорит и в статье 1894 г. «Христианство и патриотизм» (т. 39, с. 27—80).

⁶ Это письмо к Николаю II было написано Толстым в Гаспре 16 января 1902 г. (т. 73, с. 184—196).

⁷ Елизавета Валерьяновна Оболенская, кн. (1852—1935) — племянница Толстого, дочь его сестры Марии Николаевны.

⁸ Павел Александрович Бакунин (1820—1900) — брат Михаила Бакунина. Последние годы своей жизни провел в Крыму.

⁹ Алексей Дмитриевич Оболенский, кн. (1856—1916) — государственный деятель. С 1897 по 1901 г. товарищ министра внутренних дел, товарищ министра финансов, один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте; впоследствии обер-прокурор Святейшего синода, член Государственного совета. Сын старинного знакомого Толстого — Д. А. Оболенского, государственного деятеля эпохи крестьянской реформы. О цели посещения Толстого осенью 1901 г. — сообщить ему о содержании письма Владимира Соловьева — Оболенский рассказывает в воспоминаниях «Две встречи с Л. Н. Толстым» («Толстой. Памятники творчества и жизни», вып. 3. М., 1923, стр. 26—44).

¹⁰ Михаил Александрович Стахович (1861—1923) — знакомый Толстого, богатый помещик, орловский губернский предводитель дворянства. В 1905 г. был одним из организаторов реакционного «Союза 17 октября». Член I и II Государственной думы. В I Государственной думе входил во фракцию «партии мирного обновления», образовавшейся из левых октябристов и правых кадетов. С 1907 г. — член Государственного совета. После Октябрьской революции — эмигрант.

Речь М. А. Стаховича «о свободе совести», впервые напечатанная в «Орловском вестнике» (1901, № 254, от 25 сентября), затем перепечатанная «С.-Петербургскими ведомостями» (1901, № 267) и «Миссионерским обозрением» (1901, ноябрь), вызвала озлобление духовенства, воспринявшего ее как проповедь «отделения церкви от государства» (ср. В. И. Ленин и др. Сочинения, т. 5, стр. 265—267).

¹¹ Имеется в виду разговор Горького с группой зрителей в коридоре Московского Художественного театра 28 октября 1900 г. на спектакле чеховской «Чайки». Протестуя против тенденциозного освещения этого эпизода «Новым временем», Горький писал в газете «Северный курьер»: «Говоря с публикой, я не употреблял грубых выражений: „глазее“, „смотрите мне в рот“, не говорил, что мне мешают пить чай с А. П. Чеховым, которого в это время тут не было, ибо он сидел за кулисами. Я сказал вот что: „Мне, господа, лестно ваше внимание, спасибо! Но я не понимаю его. Я не Венсера Медицейская, не пожар, не балерина, не утопленник; что интересного во внешности человека, который пишет рассказы?“ <...> Этим письмом я только протестую против искажения моих слов, но не извиняюсь» (М. Горький и др. Собр. соч., т. 28. М., 1954, стр. 140).

¹² В это время Горький работал над циклом рассказов «Публика». Два рассказа из этого цикла были переработаны Горьким и напечатаны в 1905 г. как самостоятельные произведения: «Девочка» и «Рассказ Филиппа Васильевича».

¹³ Александр Алексеевич Зарубин (1827—1908) — нижегородский купец. «...седовласый старик А. А. Зарубин, — писал о нем Горький, — бывший водочный заводчик, „неосторожный банкрот“, тюремный сиделец, а затем убежденный поклонник Льва Толстого, организатор общества трезвости» (М. Горький и др. Собр. соч., т. 25. М., 1953, стр. 302). А. А. Кузнецов, сообщая о смерти Зарубина, писал Толстому 3 августа 1908 г. о борьбе «старца Зарубина» с нижегородским духовенством (АТ). Некоторые сведения о «выступлении» Зарубина в 1870—1880-х годах можно найти в письмах И. А. Груздева к Горькому от 22 ноября и 6 декабря 1934 г. (Архив А. М. Горького).

¹⁴ В другом месте своего дневника, а именно в записи от 27 февраля 1902 г. Сухотин пишет «о деле Пастухова»: «Редактора „Московского листка“ Пастухова за убийство мальчика во время рыбной ловли по неосторожности приговорили к двухнедельному аресту, а диких, возбужденных фанатиком Федосенко павловцев за осквернение храма приговорили к каторге. Оба дела без присяжных. Пастухова защищал знаменитый Карабчевский, и за те тысячи, за которые продал свой язык и совесть, потрудился талантливый адвокат, очевидно, ревностно, раз сумел убедить коронных судей присудить Пастухова к столь ничтожному наказанию».

¹⁵ В действительности к тому времени Толстым были написаны семь писем к царям: к Александру II — письмо от 22 августа 1862 г. — по поводу обыска в Ясной Поляне (т. 60, с. 440—441); Александру III (не три, как сказано у Сухотина, а два письма) — по поводу предстоящего смертного приговора «первомартовцам» (письмо от 8—15 марта 1881 г. — т. 63, с. 44—52) и о детях Д. А. Хилкова (2—3? января 1894 г. — т. 67, с. 4—9); Николаю II — 4 письма: 10 мая и 19 сентября 1897 г., 7 декабря 1900 г. — по поводу гонений на духоборов (т. 70, с. 72—75, 140—141; т. 72, с. 514—

516), 26 марта 1901 г. — сопроводительное письмо к статье «Царю и его [помощникам]» (т. 73, с. 55, статья — в т. 34, с. 239).

¹⁶ Дмитрий Александрович *Хилков*, кн. (1858—1914) — единомышленник Толстого (до начала 1900-х годов). За антицерковное влияние на крестьян был в 1890 г. выслан из своего имения на пять лет в Закавказье. Мать его, Ю. П. Хилкова, добилась у царя приказаания отнять у высланного обоих детей.

¹⁷ Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853—1900) — философ-идеалист, поэт. По своим взглядам был чужд Толстому, причем со временем это отчуждение все нарастало. Отношение к нему Толстого характеризуют следующие дневниковые записи: «Виделся с Соловьевым», с Алехин(ым), с Орловым, с этими тяжело» (т. 52, с. 61). «Пришел Соловьев. Мне он не нужен и тяжел, и жалок» (т. 49, с. 81). «Вернулся в 2, застал Соловьева, поговорил не совсем легко с ним. Я как-то исключительно осторожно» с ним. Не знаю отчего» (т. 50, с. 54).

¹⁸ Леопид Дмитриевич *Вяземский*, кн. (1848—1909) — генерал-лейтенант, член Государственного совета. Был выслан в 1901 г. из Петербурга, получив «высочайший выговор» за то, что пытался протестовать против избиения полицией участников демонстрации на площади у Казанского собора 4 марта 1901 г. Упоминаемый в дневнике Сухотина адрес Вяземскому — приветственное письмо к нему Толстого, под которым в Москве и в Петербурге были поставлены многочисленные подписи (т. 73, с. 49).

¹⁹ Не пропущенные цензурой места из «Записок» С. Г. Волконского были сообщены Толстому в письме в. к. Николая Михайловича от 31 октября 1901 г. (письмо сохранилось.—АТ).

²⁰ См. выше (на стр. 148) подстрочное прим. Сухотина. Письмо, о котором идет речь, датировано 15 ноября 1901 г. Оно сохранилось (АТ).

²¹ *Амросий* (Алексей Иосифович Ключарев) (1821—1901) — с 1882 г. архиепископ харьковский, крайний реакционер. Его «слова», «речи», «беседы», в которых он не раз с озлоблением упоминал имя Толстого, печатались в журналах «Душеполезное чтение» (Москва), «Вера и разум» (Харьков), а также в «Московских ведомостях» (см., например, «Вера и разум», 1898, № 14, июль; 1899, № 18, сентябрь).

²² Иван Мосеевич *Сивуцкий* (р. 1866) — происходил из крестьян. Окончил медицинский факультет в 1893 г. Еще студентом (в 1892—1893 гг.) участвовал в борьбе с холерой в Новосильском уезде Тульской губ., где познакомился с Сухотиным, часто предпринимавшим в комиссиях по борьбе с сыпным тифом и холерой. В 1897—1901 гг. был домашним врачом Сухотиных. С 1901 по 1904 г. работал в Харьковской университетской глазной клинике.

²³ 16 сентября 1901 г. крестьяне-сектанты разгромили православную церковь в с. Павловках Сумского уезда Харьковской губ. С 28 января по 4 февраля 1902 г. в Харькове разбиралось дело этих крестьян. 51 человек из них были приговорены к каторжным работам и к тюремному заключению (см. «Дело павловских крестьян (Официальные документы)». С пред. Влад. Бонч-Бруевича. Лондон, тип. «Жизни», 1902).

²⁴ О событиях в Павловках Хилков сообщал Толстому в письмах от 29 октября и 15 ноября 1901 г. (АТ).

²⁵ Митрофан Семенович *Дудченко* (1867—1946) был знаком с Толстым с 1891 г., сочувствовал его взглядам. Упоминаемая далее жена Дудченко — Мария Федоровна *Симонсон* (1867—1903).

²⁶ Об Александре Никифоровиче *Дунаеве* — см. в воспоминаниях Ивакина в настоящем томе, стр. 106, 124.

²⁷ Лев Львович *Толстой*; далее «мой Лева» — Лев Михайлович *Сухотин* (р. 1879) — сын М. С. Сухотина от первого брака с М. М. Бодэ.

²⁸ 4 марта 1901 г. происходила демонстрация студентов в Петербурге на площади у Казанского собора. На демонстрации были и рабочие. Как писала «Искра», они «шли на демонстрацию, но были задержаны войсками. Ни с Нарвской заставы, ни с Шлиссельбургского тракта рабочих не пустила полиция: туда были даже посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацию рабочую массу, причем произошла схватка, в которой многие были ранены» («Искра», апрель 1901 г. № 3. Изд. «Прибой», 1925, вып. 1).

²⁹ Участников «дела 1 марта 1887 года» — Александра Ульянова, Петра Шевырева (были казнены) и других — судили судом Особого присутствия Правительствующего сената. Ни публика, ни корреспонденты не были допущены на судебное заседание.

³⁰ Об этом интервью — см. записи в дневнике писателя от 4 (16) и 5 (17) августа 1893 г. (В. Г. Короленко. Посмертное собр. соч. Дневник, т. II. Гос. изд. Украины, 1926, стр. 76—80).

³¹ Об объяснении Короленко с товарищем директора Департамента полиции Зволянским записано в его дневнике от 20 октября (1 ноября) и без даты (между 4 и 6 ноября) 1893 г. (В. Г. Короленко. Посмертное собр. соч. Дневник, т. II. 1926, стр. 170, 180—181).

³² Реакционнейшее «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» было проведено 14 августа 1881 г. министром внутренних дел Игнатьевым. Изданное сроком на три года, оно просуществовало, возобновляемое каждый раз по окончании срока, вплоть до 1917 г.

³³ Рассказ Горького «История одного преступления» впервые был напечатан в «Нижегородском листке», 1901, №№ 311, 313, 316, 318, от 13—20 ноября, и в газете «Курьер», 1901, №№ 314—321, от 13—20 ноября. В последующих изданиях название рассказа менялось: «Преступление», «Преступники» и, наконец, «Злодеи» (М. Горький. Собр. соч., т. 5. М., 1950, стр. 334—358).

³⁴ Герман Александрович *Лопатин* (1845—1918), неоднократно подвергавшийся арестам, за революционную деятельность в 1887 г. был приговорен к смертной казни, замененной ему бессрочной каторгой. Вместо каторги был водворен в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости, где пробыл до конца 1905 г. Когда и где произошла его встреча с Толстым — неизвестно.

³⁵ Сергей Григорьевич *Волконский*, кн. (1788—1865) — член Южного общества декабристов, друг и соратник Пестеля, — послужил прототипом образа Лабазова в незаконченном романе Толстого «Декабристы». До сих пор считалось, что Толстой познакомился с С. Г. Волконским в ноябре — декабре 1860 г. во Флоренции и что именно под впечатлением этой первой личной встречи тогда же и был начат роман (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 141). Комментируемая запись позволяет установить, что в действительности Толстой познакомился с С. Г. Волконским, вернувшимся из Сибири в 1856 г., еще в Москве.

³⁶ Дочь Толстого — Мария Львовна, по мужу Оболенская.

³⁷ Сыновья Толстого — Илья Львович и Андрей Львович.

³⁸ Григорий Григорьевич *Мясоедов* (1835—1911) — известный живописец, один из основателей Товарищества передвижных художественных выставок. Его картины интересовали Толстого своей тематикой: многие из них посвящены изображению нищеты и бесправия пореформенной деревни. Мясоедов бывал у Толстого в 1885 и 1902 гг.

³⁹ Исаак Наумович *Альтшуллер* (1870—1943) — ялтинский врач (с 1898 г.), вместе с хирургом корейской земской больницы Константином Васильевичем Волковым (р. 1870) лечил Толстого в Гаспре. См. также его воспоминания «Еще о Чехове», — «Лит. наследство», т. 68, 1960, стр. 681—702.

⁴⁰ Леоплд Дмитриевич *Оболенский*, кн. (1844—1888) — муж племянницы Толстого, Елизаветы Валериановны Толстой.

⁴¹ Речь идет о статьях Толстого «Офицерская памятка» и «Солдатская памятка». В эти дни Толстой заканчивал работу над ними. Они появились в издании «Свободного слова» в 1902 г. (т. 34, стр. 280—290).

⁴² В октябре 1901 г. у Толстого возник замысел написать «о праве иметь отношения с богом, по случаю речи Стаховича» (о речи М. А. Стаховича «О свободе совести» — см. выше прим. 10). Этот замысел был осуществлен Толстым в статье «О веротерпимости», над которой он работал в ноябре и декабре 1901 г. (т. 34, с. 291—298, 586—587).

⁴³ Это письмо от 24 ноября 1901 г. (т. 73, с. 165—166). Толстой отвечал в нем на просьбу в. к. дать ему совет по поводу его отношений с Е. М. Барятинской. Предполагаемая женитьба на ней влекла за собой осложнения для Николая Михайловича как члена царской семьи.

⁴⁴ Петр Леонидович *Мануйлов*, в 1899 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1900 г. встретился с жившим в Крыму виноделом Михаилом Анемподистовичем Михайловым, сочувствовавшим учению Толстого. Под его влиянием заинтересовался религиозно-философскими произведениями Толстого и, познакомившись ближе со взглядами Толстого, стал его последователем. Изменив образ жизни, работал простым рабочим на Кавказе, затем в 1901 г. поехал в Крым к М. А. Михайлову. Часто бывал у Толстого в Гаспре. «...милый и близкий нам человек <...> Он слаб здоровьем, но очень силен духом», — писал о нем Толстой Е. И. Попову (т. 73, с. 172). В Ялте Мануйлов сблизился со штундистами и был взят полицией под надзор. О дате обыска у Мануйлова и Михайлова и его последствиях сведений нет.

⁴⁵ Анна Васильевна *Погожева* — товарищ председателя Московского общества содействия устройству общеобразовательных развлечений, занимавшегося организацией научно-популярных лекций, литературно-музыкальных вечеров и т. п. (существовало с 1898 г.).

⁴⁶ Мария Ивановна *Водовозова* (1869—1954) — сотрудница журнала легальных марксистов «Начало», издательница книг по рабочему вопросу.

⁴⁷ «Ответ на определение Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма» был напечатан с большим количеством цензурных пропусков: в «Миссионерском обозрении» (1901, № 6, стр. 806—814); полностью опубликован Чертковым в «Листках Свободного слова», 1901, № 22 (т. 34, с. 245—253, 575—577).

⁴⁸ Идея замечательного русского математика Лобачевского о многомерности абстрактного математического пространства не оспаривает трехмерность окружающего

нас реальное пространство и не имеет ничего общего с идеализмом и представлениями спиритов. — Александр Михайлович *Бутлеров* (1828—1886) — известный русский химик — и Николай Петрович *Вагнер* (1829—1907) — профессор зоологии Петербургского университета — были по своим философским воззрениям идеалистами, оба отдали дань увлечению спиритизмом.

⁴⁹ Дмитрий Сергеевич *Сипягин* (1853—1902) — с 1899 г. министр внутренних дел и шеф жандармов. Оди из реакционнейших государственных деятелей царизма. Был убит эсером С. В. Балмашевым.

⁵⁰ «XIX век. Иллюстрированный обзор минувшего столетия. 1901 г.». СПб., изд. А. Ф. Маркса, б. г. («Литературное движение XIX века в России». Очерк Е. А. Соловьева; «Русская литература накануне XX века». Очерк Р. П. Сементковского).

⁵¹ Евгения Максимилиановна принцесса *Ольденбургская* (1845—1925), дочь в. к. Марии Николаевны. Состояла покровительницей одного из комитетов Общества Красного креста и Общины св. Евгении. Принимала участие в издательской деятельности этих обществ.

⁵² Владимир Андреевич *Шуровский* (р. 1852) — московский врач-терапевт.

⁵³ Адам Васильевич *Олсуфьев*, кп. (1833—1901) — знакомый Толстого, помещик, владелец подмосковного имения Никольское-Обольяново (в 25 км от ст. Подсолнечная), где часто бывал и работал Толстой. См. о нем также в воспоминаниях П. И. Нерядовского, стр. 130—131 настоящего тома.

⁵⁴ Телеграмма от 28 января 1902 г. Хранится в АТ.

⁵⁵ Александр Валентинович *Амфитеатров* (1862—1938) — журналист и беллетрист; после Октябрьской революции — эмигрант. В 1902 г. был выслан в Минусинск за фельетон «Господа Обмановы», напечатанный в газете «Россия», в котором памфлетно описал царскую семью. Слухи, что Амфитеатров возвращен с пути, о которых упоминает Сухотин, были неверны (см. статью Амфитеатрова «Господа Обмановы». История романа и ссылки». — журн. «Красное знамя», Париж, 1906, № 1, 5).

Горький так объяснял причины появления «Господ Обмановых»: «Фельетон — пошлость, плоское благовество. Думаю, что сей синьор тиснул эту штуку по такому расчету: была у них в «России» помещена статья по поводу 25-летия служения в чинах Д. Сипягина. Статья — лакейская. Пожелали — реабилитацию устроить себе в глазах публики» (М. Горький. Собр. соч., т. 28. М., 1954, стр. 233).

⁵⁶ Софья Михайловна *Мартынова* (ум. 1908) — знакомая семьи Толстых.

⁵⁷ Михаил Александрович *Новоселов* (р. 1864) в конце 1880-х годов организовал толстовскую земледельческую колонию в с. Дугино Вышневолоцкого у. Тверской губ. Принимал участие в распространении запрещенных сочинений Толстого и за распространение статьи «Николай Палкин» был посажен в тюрьму. В начале 90-х годов вместе с Толстым помогал голодающим. К тому времени, о котором идет речь, Новоселов вернулся к православию. В духе православия написана и его статья «Забывший путь опытного богопознания» («Русский вестник», 1902, № 1), содержание которой Сухотин передавал Толстому.

⁵⁸ См. выше примеч. 41. Когда предисловие было получено Чертковым в Англии, обе «Памятки» были уже отпечатаны, а в феврале 1902 г. Толстой письмом к Черткову отменил печатание предисловия (см. об этом ниже, в записи дневника от 24 февраля и т. 34, стр. 278—279 и 582).

⁵⁹ См. выше, прим. 23.

⁶⁰ В этом письме под видом сожаления о «несчастном графе», «в духовном одиночестве» стоящем «пред лицом смерти», митрополит Антоний убеждал Софью Андреевну «умолить» Толстого примириться с церковью (АТ).

⁶¹ Софья Андреевна отвечала митрополиту: «...жизнь человека в руках божиих. Тем более душа не в нашей власти, и пути ее нам неизвестны в другом человеке...» (АТ).

⁶² См. выше, прим. 58.

⁶³ В «Маленьких письмах» Суворина последние дни Гоголя описаны так: «Он уморил себя сознательно. Он боялся смерти и желал ее и шел ей навстречу. Две с половиной недели он мучился физически и нравственно. Он сжигал свою жизнь, как сжег рукописи, сжигал решительно и упорно, и не находил вокруг себя ни одной души, которая бы пришла к нему с любовью и чувством дружбы и помогла ему встать <...> Врачи его мучили, отравляли его своим криком, своим невежеством, грубостью, пошлостью» и т. д. («Маленькие письма», CDXXXIII. — «Новое время», 1902, № 9328, от 21 февраля).

⁶⁴ Газеты сообщали в эти дни о выигранном бурами сражении и о взятии ими в плен одного из популярных в английской армии генералов — лорда Метуэна.

⁶⁵ Речь идет о письме Толстого 1899 г. к кн. Г. М. Волконскому, внуку известного декабриста (т. 72, с. 254—256). Оно было впервые опубликовано в «Листках Свободного слова» в 1900 г. под названием «По поводу Трансваальской войны» (без указания фамилии адресата). Отдельные отрывки из письма появились в русских газетах (см., например, «Новое время», 1900, № 8619, от 25 февраля).

⁶⁶ См. об этом прим. 14.

⁶⁷ Павел Александрович *Буланже* (1865—1925) — знакомый Толстого с 1886 г., последователь его учения, автор ряда статей о нем. С 1900 г. служил в правлении

Московско-Курской ж. д. Сухотин не совсем точно передает слова Толстого из письма к Буланже от 1 марта 1902 г. В подлиннике читается так: «Доктора говорят, что идет к лучшему, я не имею основания им не верить и не позволяю себе мечтать о выздоровлении, а довольствуюсь тем, что есть» (т. 73, с. 210).

⁶⁸ Имеется в виду письмо Толстого к Черткову от 2 марта 1902 г. («Делаю я очень мало, кое-что записываю и невольно обдумываю самые разнообразные начатые вещи, которые, вероятно, никогда не будут кончены» — т. 88, с. 256—257).

⁶⁹ Письмо П. А. Буланже к Толстому от 27 февраля 1902 г., хранится в АТ.

⁷⁰ Речь идет о письме П. А. Буланже к Толстому от 7 марта 1902 г., хранится в АТ.

⁷¹ Николай Владимирович *Шаховской*, кн. (1857—1906) — начальник Главного управления по делам печати.

⁷² Речь идет о гр. Н. П. *Игнатьеве* (1832—1906) — бывшем министре внутренних дел (1881—1882) и кн. Л. Д. *Урусове* — близком знакомом Толстого; с 1875 г. — тульском вице-губернаторе.

⁷³ Сообщение о недействительности выборов Горького в почетные академики было опубликовано в «Правительственном вестнике», 1902, № 56, от 10 марта, и затем перепечатано другими газетами.

⁷⁴ Перифраз стих. Пушкина «Золото и булат».

⁷⁵ Михаил Николаевич *Тригони* (1850—1917) — революционер, член Исполнительного комитета «Народной воли»; 27 февраля 1881 г. был арестован вместе с Желябовым и осужден на 20 лет по делу «20-ти». Два года провел в Алексеевском равелине, остальные — в Шлиссельбурге. Затем был сослан на поселение на Сахалин (до 1905 г.).

⁷⁶ Петр Владимирович *Карнович* (1875—1917) — студент, убивший в 1901 г. министра народного просвещения Н. П. Боголепова за проводившуюся им политику жестоких репрессий по отношению к участникам студенческого движения. Был осужден на 20 лет каторги и заточен в Шлиссельбург. В 1907 г. был выпущен на поселение, но бежал за границу.

⁷⁷ Михаил Федорович *Грачевский* (1849—1887) — революционер, член Исполнительного комитета «Народной воли». Был арестован в 1882 г., судился в 1883 г. по «процессу 17-ти» и был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Облил керосином и поджег себя 26 октября 1887 г. в Шлиссельбургской тюрьме в знак протеста против жестокости тюремной администрации.

⁷⁸ Из названных Сухотиным книг две сохранились в Яснополянской библиотеке Толстого: «Tolstoï et les doukhobors. Faits historiques. Réunis et traduits du russe par J. W. Bienstock» (Paris, 1902); Д. Р е с к и н. Избранные мысли. Перевод с английского Л. П. Никифорова. Изд. 2-е. М., 1902, вып. 1 и 2. — Последние с многочисленными пометками Толстого.

⁷⁹ Речь идет об Илье Львовиче.

⁸⁰ *Пашковцы* — последователи религиозной секты, основанной англичанином лордом Редстоком. В 70-х гг. Редсток приезжал в Россию и проповедовал свое учение в светском обществе. Рьяным последователем Редстока стал отставной полковник Василий Александрович Пашков (именем его и стала называться в России эта секта). Пашковцы отвергали иконы, церковную иерархию и многие религиозные обряды.

⁸¹ Первый спектакль пьесы «Мещане» в исполнении артистов Художественного театра состоялся 26 марта 1902 г. в Петербурге, куда на весенние гастроли приехал театр. «На генеральную репетицию, — вспоминал К. С. Станиславский, — (...) съехался весь „правительствующий“ Петербург начиная с великих князей и министров — всевозможные чины» (К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М.—Л., 1941, стр. 328—329). Среди них были и упоминаемые Сухотиным товарищ министра внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский и петербургский градоначальник Н. В. Клейгельс.

⁸² Имеется в виду статья «О Шекспире и о драме» (1903—1904) — см. т. 35, с. 216—272, 680—685, а также 1-ю книгу настоящего тома, стр. 487—494.

⁸³ Александр Сергеевич *Бутурлин* (1845—1916) — участник революционного движения 70—80-х годов; в 1871 г. привлекался к суду по нечаевскому делу; в 1872 г. выехал в Швейцарию, был близок с эмигрантами, помогал своими средствами изданию журнала «Вперед». По возвращении в Россию в 1876 г. вновь был арестован и привлечен к суду по «процессу 50-ти». В конце 1881 г. выслан под надзор полиции в Тобольск, но раньше окончания срока переведен, тоже под надзор, в Симбирск. «Отбыв эту ссылку, он поселился в Москве: однако продолжал считаться „неблагонадежным“, и его еще не раз арестовывали» (см. С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1956, стр. 344—352). Толстой знал Бутурлина с конца 70-х годов и относился к нему с живым участием.

⁸⁴ Письма о Серафиме Саровском — это отклики на состоявшееся 19 июля 1903 г. в местечке Сарове (Тамбовской губ.) «открытие мощей» причисленного православной церковью «к лику святых» старца Серафима, затворника Саровской пустыни (1759—1833).

⁸⁵ Дмитрий Дмитриевич *Свербеев* (1845—1920) — в то время, о котором идет речь, — курляндский губернатор. Толстой знал его по Туле, где он в 1885—1891 гг. был вице-губернатором.

⁸⁶ Статья Толстого 1893—1894 гг. «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана». В начале статьи Толстой передает беседу с Тургеневым о новелле «Maison Tellier» (сборник «Заведение Телье», в который входила эта новелла — 1881 г.) (т. 30, с. 3—24, 487—508).

⁸⁷ О Дмитрие Ивановиче Шаховском см. выше, стр. 64, 116. В письме от 2 ноября 1903 г. (АТ), о котором идет речь, Шаховской указывал Толстому на книгу, в которой «много глубоко поучительного и высоко трагического», «масса самого сильного материала для того, чтобы заставить общество оглянуться на себя, протереть глаза и посмотреть в упор в самое нутро жизни». Эта книга — «Предварительное следствие, произведенное судебным следователем по особо важным делам при С.-Петербургском окружном суде Бурцовым, по делу о насильственном лишении жизни румынской подданной Татьяны Золотовой». СПб., 1903.

⁸⁸ «Поздравление с юбилеем» — приветственная телеграмма в. к. Николая Михайловича от 28 августа 1903 г. (АТ), на которую Толстой не ответил.

⁸⁹ Далее идет текст письма в. к. Николая Михайловича к Толстому от 9 декабря 1903 г. Письмо сохранилось и находится в АТ.

⁹⁰ Статья Толстого «Одумайтесь!» (в переписке и в дневниках его упоминается под названием «О войне») была впервые напечатана в 1904 г. издательством «Свободное слово» (т. 36, с. 100—148).

⁹¹ Николай Карлович *Шильдер* (1842—1902) — историк. Толстой был знаком с его основными трудами о Павле I, Александре I и Николае I. В Яснополянской библиотеке сохранился с пометками Толстого экземпляр книги Шильдера «Александр I, его жизнь и царствование», 4 тома (Изд. 2-е. СПб., 1904—1905). Пометки к этой книге, сделанные Толстым на полосках бумаги — закладках и в записной книжке, — см. в т. 55, с. 321—334, 516—517. Толстой считал, что книга «дурно написана» (Д. П. Маковский и Я. Яснополянский записки. Запись от 6 ноября 1905 г.)

⁹² Петр Алексеевич *Пален* (1745—1826) — в 1798—1800 гг. петербургский военный губернатор, член Коллегии иностранных дел, участвовал в убийстве Павла I.

⁹³ Сухотин излагает ответ Толстого от 1 июня 1904 г. (т. 75, с. 116—117) на письмо в. к. Николая Михайловича от 23 ноября 1903 г. Об упоминаемой в этом письме статье Толстого против войны — см. прим. 90. Оба названных Сухотиным письма в. к. Николая Михайловича к Толстому хранятся в АТ.

⁹⁴ Далее Сухотин рассказывает (во враждебно-тенденциозном тоне) о всеобщей забастовке в Финляндии 18 октября 1905 г., о росте революционного движения в Польше и о восстании матросов и солдат Кронштадтского гарнизона 26—27 октября 1905 г.

⁹⁵ Манифест 17 октября 1905 г., лживо обещавший народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительную неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов». Обнародованием манифеста царское правительство пыталось выиграть время, чтобы собрать силы против революции. Толстой, прочитав этот манифест, заметил: «В нем ничего для народа» (Д. П. Маковский и Я. Яснополянский записки. Запись от 23 октября. «Голос минувшего», 1923, № 3, стр. 27). После издания манифеста в стране стала быстрыми темпами нарастать революционная волна — борьба крестьян против помещиков, стачечное движение рабочих.

⁹⁶ О правке Сухотиным статьи Толстого «Конец века» — см. в комментариях Н. К. Гудзия (т. 36, с. 666—681).

⁹⁷ Этот эпизод с Федотом Мартыновичем нашел отражение и в статье Сухотина «Киевское шоссе» («Иллюстрированное приложение к „Новому времени“, 1911, № 12848, от 17 декабря).

⁹⁸ Статья Толстого 1906 г. «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (т. 36, с. 304—314).

⁹⁹ Толстой передал Ю. Д. Беляеву рукопись статьи «Единственно возможное решение земельного вопроса». Беляев напечатал в «Новом времени» (1906, № 10867, от 16 июня) фельетон «У гр. Л. Н. Толстого», в котором излагал беседу с Толстым, и опубликовал целиком полученную рукопись. Толстой сам держал корректуру фельетона и внес в него некоторые поправки, о чем можно заключить из его письма к Беляеву от 12 июня 1906 г. (т. 36, с. 283—289, 492—494, 687—692).

¹⁰⁰ Николай Дмитриевич *Байдак* (р. 1850) — депутат I Государственной думы от Херсонской губ., управляющий Московско-Виндавской ж. д.

¹⁰¹ 6 ноября 1905 г., а не весной, как сказано у Сухотина, рабочими была занята типография «Нового времени», где был набран и отпечатан седьмой номер «Известий Совета рабочих депутатов».

¹⁰² «Две дороги» (или «Два пути», как сказано у Сухотина) — одно из первоначальных названий статьи Толстого 1906 г. «О значении русской революции» (т. 36, с. 315—362).

¹⁰³ Газеты («Новое время», «С.-Петербургские ведомости») от 15 и 16 октября 1906 г. сообщали о нападении «бомбистов» на карету с казенными деньгами.

¹⁰⁴ Мария Львовна Толстая-Оболенская скончалась 27 ноября 1906 г. Николай Леонидович Оболенский, кн. (1872—1933) — ее муж.

¹⁰⁵ Петр Васильевич Веригин (1862—1924) — с 1886 г. руководитель группы кавказских духоборов, переселившихся в конце 90-х годов в Канаду. Личное его знакомство с Толстым состоялось в 1902 г., когда он после освобождения из ссылки, в которой пробыл 15 лет (1887—1902), приезжал к Толстому проездом в Канаду.

¹⁰⁶ Софья Александровна Стахович (1862—1942) — близкий друг семьи Толстых, сестра Михаила Александровича Стаховича (см. о нем выше). Часто бывала в Ясной Поляне. Ею написаны воспоминания о Толстом: «Слова Л. Н. Толстого» («Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. 1. М., 1924) и статья «Как писался „Холстомер“» («Летописи Государственного литературного музея», кн. 2. М., 1938).

¹⁰⁷ Александр Сергеевич Воейков (р. 1804) — опекун малолетних Толстых, изображен Толстым в «Романе русского помещика» в образе соседа Нехлюдова по имению.

¹⁰⁸ Душан Петрович Маковицкий (1866—1921) — врач, единомышленник Толстого, автор записок о нем.

¹⁰⁹ П. А. Сергеев привез Толстому третий том рассказов Куприна, изд. «Мир божий». Более подробно высказывания Толстого о рассказе «Allez» — см. в дневнике П. А. Сергеев, напечатанном в «Лит. наследстве», т. 37-38, 1939, стр. 563.

¹¹⁰ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Поэту».

¹¹¹ С. А. Толстая. Моя жизнь. Не издано (АТ).

¹¹² Письмо Толстого к известному реакционному публицисту М. О. Меньшикову (1859—1919) было написано по поводу его фельетона, посвященного картине М. В. Нестерова «Святая Русь» («Письма к ближним. 1. Две России. 2. Упадок церкви. 3. Сухое сердце»). — «Новое время», 1907, № 11085, от 21 января.

В 80—90-е годы Меньшиков не раз заявлял о своем сочувствии взглядам Толстого; переметнувшись же в лагерь крайней реакции, с присущими ему беспринципностью и услужливостью перед властью имущими, он не раз выступал в печати с грубыми выпадами против Толстого (см. «Новое время», 1908, № 11614, от 13 июля и № 11642, от 10 августа). Был лично знаком с Толстым. Последний раз был в Ясной Поляне 11 августа 1906 г., когда между ним и Толстым произошел резкий спор. О статьях Меньшикова Толстой говорил Н. Н. Гусеву 10 февраля 1908 г.: «Меньшикова статья отвратительные» (Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928, стр. 80).

¹¹³ Об этом эпизоде см. запись в дневнике Толстого от 2 февраля 1907 г. (т. 56, с. 9—10). Сухотин изобразил его в статье «Киевское шоссе».

¹¹⁴ «Темными» С. А. Толстая называла посетителей Толстого — его единомышленников, в отличие от светских гостей.

Сергей Логгинович Дмитриев — сочувствовал взглядам Толстого, познакомился с ним в 1905 г.; Петр Прокофьевич Картушин (1879—1916) — единомышленник Толстого, выходец из богатой казачьей семьи; поддерживал своими средствами издательство «Обновление», печатавшее статьи Толстого. С 1910 г. — последователь А. М. Добролюбова (см. прим. 183).

¹¹⁵ Борис Николаевич Леонтьев (1866—1909) — последователь Толстого, в 1892 г. работал с Толстым на голоде. В 1907 г., живя в толстовской общине под Полтавой, находился под влиянием Короленко, с которым встречался в Полтаве.

Петр Николаевич Гастев (р. 1866) — последователь Толстого, работал с ним на голоде в 1891—1896 гг. (см. его статью «На голоде с Л. Н. Толстым». — Сб. «Лев Толстой и голод». Н.-Новгород, 1912).

¹¹⁶ О С. А. Муромцеве см. выше в воспоминаниях И. М. Ивакина, стр. 58, 114, а так же стр. 395—396.

¹¹⁷ Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) — профессор Московского, Брюссельского, Петербургского университетов, автор трудов по истории государственных учреждений, по вопросам первобытной культуры, этнографии и социологии. Был депутатом I Государственной думы от Харьковской губ.

¹¹⁸ Александр Михайлович Бодянский (1842—1916) — бывший помещик Екатеринославской и Харьковской губ., отказавшийся от владения землей; был связан с сектантами и духоборами. С Толстым познакомился в 1892 г.; Петр Леонидович Успенский (1870—1934) — харьковский заводчик, сочувствовал взглядам Толстого; Петр Абрамович Мазаев — сын богатого землевладельца, молоканин. Они приезжали, по-видимому, обсуждать с Толстым издававшуюся Бодянским религиозно-нравственную газету «Народное слово».

¹¹⁹ Антон Петрович Щербakov (Щербак) (1863—1930) — крестьянин Сумского у. Харьковской губ. После встречи с Толстым в 1896 (1897?) г. проронил его учением. В 1905 г. принимал участие в крестьянском движении, выступал на Всероссийском крестьянском съезде в Москве (8 ноября 1905 г.) с призывом не работать на помещиков и купцов. В июле 1906 г. эмигрировал за границу. В последний раз у Толстого был 31 октября 1905 г.

¹²⁰ С. А. Толстая. Моя жизнь, ч. III, с 1876 по осень 1881 г., гл. «Практические дела. Весна 1880 г. и приезд Тургенева», стр. 621—622 (АТ). Разговор Софьи Андреевны с Тургеневым Сухотин приводит по памяти.

¹²¹ Иосиф Константинович *Дитерихс* (1868—1931) — брат А. К. Чертковой и О. К. Толстой, единомышленник Толстого, автор «Воспоминаний о Л. Н. Толстом» («Толстой и о Толстом», сб. 2. М., 1926, стр. 113—123).

¹²² Резкое слово, вырвавшееся у Толстого по адресу Тургенева за его стихотворение в прозе «Порог», объясняется тем, что Толстой считал, будто Тургенев, выражая преклонение перед девушкой-террористкой, был не искренен, так как по своим общественно-политическим взглядам он не сочувствовал насильственной борьбе с правительством и эту вещь написал для того, чтобы приобрести популярность в среде молодежи. Толстой опасался, что благодаря тому авторитету, которым Тургенев пользовался за границей, его «Порог» может вызвать у читателей сочувствие политическим убийствам.

Перед этим Толстой прочитал в № 64 «Русских ведомостей» от 20 марта сообщение об убийстве в Москве городского, стоявшего на посту. Убийство произошло при следующих обстоятельствах. По Сретенке промчался на лихаче молодой человек с девушкой. Поровнявшись с городовым, неизвестный произвел в него шесть выстрелов из револьвера и убил наповал. Лихач, повернув назад, помчался к Сухаревой площади. Когда раздались полицейские свистки и крики, извозчик остановил лошадь. Седоки бросились в разные стороны, причем неизвестный, отстреливаясь, ранил в бок ночного сторожа и скрылся в проходном дворе. Девушка была задержана и назвалась гимназисткой 6-го класса одной из московских гимназий. Она показала, что ехавшего с ней молодого человека, убившего городского, она не знает.

Сообщение это очень взволновало Толстого; тем большее впечатление произвел на него прочитанный вслед за этим в японском журнале на английском языке «Review of Revolutions» «Порог» Тургенева. В записной книжке Толстой в тот же день записал: «Убийство городского девицей и стихотворение в прозе Тургенева. Ужас!» (т. 56, с. 188). Но Толстой все-таки не мог простить себе эту вырвавшуюся у него неожиданную для себя самого резкость по отношению к Тургеневу. В волнении он быстро удалился к себе, а вернувшись к своим собеседникам, постарался загладить свой отзыв прежде всего обвинением и самого себя в том, будто бы присущем и ему недостатке, за который он упрекнул Тургенева.

¹²³ Сухотин написал Вересаеву об ответе Толстого. Это письмо от 23 мая 1907 г. Вересаев опубликовал в воспоминаниях о Толстом («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II. М., 1955, стр. 168—170).

¹²⁴ Сергей Дмитриевич *Николаев* (1861—1920) — знакомый Толстого, сторонник учения Г. Джорджа, автора теории «единого земельного налога», и переводчик его произведений на русский язык. Далее речь идет о книге А. Н. Живина и И. О. Генри Джордж. Изд. Н. Парамонова «Донская речь» в Ростове-на-Дону.

¹²⁵ С. А. Толстая. Моя жизнь, ч. IV, с 1881 по 1887 г., гл. «Переезд в Москву и моя болезнь», стр. 240 (АТ). Письмо Толстого, фраза из которого приводится Сухотиным со слов Софьи Андреевны, — см. т. 83, с. 441—442.

¹²⁶ Имеется в виду гл. VI, § XX «Мысли» Паскаля («Pensées de Pascal». Paris, 1850, стр. 66—67). Книга сохранилась в библиотеке Толстого (ср. «Мысли Паскаля, перевел с французского Иван Бутовский». СПб., 1843, стр. 139—141).

¹²⁷ В августе 1907 г. Сухотиным была написана корреспонденция об ограблении его соседа по имени кн. Б. Н. Голицына и отослана в редакцию «Голоса Москвы», а затем в «Русские ведомости», откуда была возвращена автору. Лишь в ноябре она была принята к печати «Московским еженедельником». Черновик корреспонденции сохранился среди записей публикуемого дневника.

¹²⁸ Об истории этого портрета (1907 г. и переделка в 1911 г.) — см. в кн. «Описание материалов Пушкинского дома. Л. Н. Толстой. III». М.—Л., 1954, стр. 15 и иллюстрации. Отклик Толстого — т. 56, с. 458.

¹²⁹ Письмо Толстого было опубликовано 20 сентября 1907 г. в «Русских ведомостях» (№ 214) и «Новом времени» (№ 11323). В сентябре же письмо было перепечатано почти всеми другими газетами (т. 77, с. 198—199).

¹³⁰ Неточная цитата из стихотворения Козьмы Пруткова «Родное. Отрывок из письма И. С. Аксакову».

¹³¹ Секретарь Толстого с 26 сентября 1907 г. Н. Н. Гусев, живший сначала не в Ясной Поляне, а в доме А. Л. Толстой в усадьбе Телятинки, в 3 км от Ясной Поляны, был арестован 22 октября 1907 г. за хранение запрещенных статей Толстого и после пребывания в течение четырех дней на становой квартире, находившейся в усадьбе помещицы А. Е. Звегинцевой, был отправлен в крапивенскую тюрьму; освобожден 20 декабря 1907 г.

Сухотин был прав: Чертков поручил Гусеву продолжать его деятельность по распространению сочинений Толстого, направленных против государства и церкви.

¹³² Юлия Ивановна *Исупова* (1871—1940) — художница, в Ясной Поляне жила в качестве секретаря Толстого. Сохранилось несколько портретных зарисовок писателя ее работы.

¹³³ Дмитрий Адамович *Олсуфьев*, кн. (р. 1862) — сын А. В. Олсуфьева; в 1906—1907 гг. — член Государственного совета.

¹³⁴ Сухотин имел в виду приложение к журналу «Ясная Поляна» под названием «Ясная Поляна. Книжки». Всего вышло 12 книжек (цензурное разрешение 1-й кн. — 25 января 1862 г.; 12-й — 26 марта 1863 г.). Известно, что Толстому в «Книжках Ясной Поляны» принадлежат: предисловие к рассказу «Матвей» (№ 1), предисловие к статье Е. А. Берс «Магомет» (№ 7), примечание к заглавию отдела «Сочинения крестьянских детей» (№ 3) (т. 8, с. 362—366). Толстым также редактировались статьи и рассказы других авторов. Из записи Сухотина можно сделать вывод, что Толстому принадлежат не только предисловия, но и некоторые неподписанные статьи в «Книжках Ясной Поляны».

¹³⁵ Сухотин неточно приводит цитату из «Войны и мира» (кн. 4, ч. III, гл. 1).

¹³⁶ Иван Федорович *Наживин* (1874—1940) — писатель. В начале 900-х годов сочувствовал учению Толстого. Автор книги «Из жизни Л. Н. Толстого» (изд. «Сфинкс», 1911). После Октябрьской революции — эмигрант. Толстой читал не рассказ, а речь, озаглавленную «Мой учитель», напечатанную в книге И. Ф. Наживина «В долине скорби» (М., 1907, стр. 183—204). Эта речь, посвященная индийскому философу Рамакришне, была написана его учеником, философом Свами Вивекананда. Наживину принадлежал только ее перевод.

¹³⁷ Брошюра В. Г. Черткова «Наша революция. Насильственное восстание, или Христианское освобождение» была издана в России в 1907 г. с послесловием Толстого. До этого печаталась за границей в 1903 и 1904 гг. в издании «Свободного слова» (т. 36, с. 149—155 и 622—628).

¹³⁸ Ответ Столыпина, датированный 20—23 октября 1907 г., на письмо Толстого от 26 июля 1907 г. (т. 77, с. 164—168) опубликован в сб. «Лев Николаевич Толстой». М.—Л., ГИЗ, 1928, стр. 91—92. Интересны слова Толстого, сказанные им 6 августа 1908 г.: «Я рад, что писал царю, а потом Столыпину. По крайней мере я все сделал, чтобы узнать, что к ним обращаться бесполезно» (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. I. М., 1959, стр. 234—235).

¹³⁹ Ожидая вторичного ареста Н. Н. Гусева, Чертков в этом случае предполагал предложить Толстому нового секретаря, близкого его взглядам, В. В. Плюснина. Но Гусев был арестован и сослан позже — 4 августа 1909 г.

¹⁴⁰ В Черемощно, имение своего друга Д. А. Дьякова, Толстой приезжал в конце августа 1876 г.

¹⁴¹ В 1908 г. вышел двухтомный труд Анатоля Франса «Жизнь Жанны д'Арк». В трактовке автора Жанна д'Арк — народная героиня, она сильна именно своею связью с народом.

¹⁴² Анна Ильинична *Толстая-Попова* (1888—1954) — внучка Толстого, дочь Ильи Львовича и Софьи Николаевны Толстых.

¹⁴³ Статья Толстого «Закон насилия и закон любви» была закончена 2 июля 1908 г. (т. 37, с. 149—221).

¹⁴⁴ Письмо Толстого к священнику Соловьеву от 8 июля 1908 г. (т. 78, с. 178—179).

¹⁴⁵ Статья Сухотина «Киевское поссе» была напечатана в «Иллюстрированном приложении» к «Новому времени», 1911, № 12848, от 17 декабря.

¹⁴⁶ В рукописи «Предисловия к альбому картин Н. В. Орлова», датированной 26 июня 1908 г., слова Толстого о картине «Телесное наказание» были приписаны позднее (приписка рукой Толстого на машинописном тексте).

¹⁴⁷ В № 11642 «Нового времени» от 10 августа 1908 г. появилась злобная статья Меньшикова «Толстой и власть», в которой он обрушивался на Толстого за то, что тот восстает против врожденного закона природы — собственности, стремится подговорить «власть к величайшему насилию, какое мог бы придумать тиран», к отмене частной земельной собственности. Попутно Меньшиков с издевкой замечал, что сам Толстой ни в молодости, ни позднее не подарил земли крестьянам. С. А. Толстая написала против этой статьи Меньшикова протест, который был напечатан в № 190 «Русского слова» от 17 августа 1908 г. 19 августа «Новое время» (№ 11651) поместило ответ Меньшикова «Выкуп Ясной Поляны».

¹⁴⁸ Чарльз Теодор Хогберг *Райт* (1862—1940-е годы) — библиотекарь и секретарь Лондонской библиотеки, автор статей о Толстом в Британской энциклопедии, в английских журналах и газетах, переводчик его произведений. Райт привез из Англии адрес Толстому с сотнями подписей, в числе которых были подписи многих известных писателей, художников, актеров, музыкантов, ученых, общественных деятелей и т. д.

¹⁴⁹ Ответ Толстого на письмо сербки Анджи Миты *Петрович* (от 7 октября 1908 г.) вылился в обширную статью «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» (закончена 5 ноября 1908 г.). Статья эта впервые опубликована была в «Голосе Москвы» (1908, №№ 281—284, от 4—7 декабря). Об ее истории писания и печатания см. т. 37, с. 222—242 и 439—441.

¹⁵⁰ Варвара Михайловна *Феофритова* (1875—1950), работавшая переписчицей в Ясной Поляне.

¹⁵¹ Сухотин имеет ввиду любимого ученика Христа — апостола Иоанна, Звездева сына.

¹⁵² 19 сентября 1891 г. в газетах «Русские ведомости» и «Новое время» появилось письмо Толстого, в котором он доводил до всеобщего сведения: «Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах, все те из моих сочинений, которые были написаны мною с 1881 года (<...> равно и все мои неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения» (т. 66, с. 47).

¹⁵³ Речь идет об основном произведении Жака Элизе Реклю (Reclus), в котором дан свод географических работ (с картами и рисунками) — «Новая всемирная география. Земля и люди» (Nouvelle géographie universelle, la Terre et les hommes. 1876—1894) в девятнадцати томах.

¹⁵⁴ Эти слова, за которые на Толстого обрушилось «Новое время» (от 20 марта 1909 г.), были сказаны им в беседе с поляком Чекальским по поводу шовинистской речи министра юстиции Щегловитова. Реакционная газета грубо исказила смысл этих слов, упрекая Толстого в отречении от русского народа. Своим заявлением Толстой лишь отмежевывался от таких великодержавных шовинистов (заявлявших, что они «русские»), как Щегловитов.

О той же беседе Толстого с Чекальским газета «Голос Москвы» писала в статье «Л. Н. Толстой о патриотизме министра Щегловитова», приводя слова Толстого о «ничтожности такого „патриотизма“» (1909, № 65, от 20 марта).

¹⁵⁵ Адин Баллу (Adin Ballou) (1803—1890) — американский пастор, проповедник «христианского непротивления».

¹⁵⁶ В... В. Русские женщины на эшафоте. Прилож. к журн. «Злоба дня». М., 1907. — В книге даны характеристики С. Л. Перовской, А. В. Якимовой, В. Н. Фигнер и еще 25 участниц русского революционного движения, приговоренных к смертной казни.

¹⁵⁷ В 1908 г. Австро-Венгрия, воспользовавшись ослаблением России после русско-японской войны, объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. В связи с этим событием Толстым написана статья «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» (см. прим. 149).

¹⁵⁸ Сухотин имеет в виду газетные сообщения о высылке Черткова и в частности, по-видимому, «Беседу с В. Г. Чертковым» в «Русском слове» (1909, № 73, от 1 апреля), в которой корреспондентом приводятся следующие слова Черткова: «Меня крайне удивляет предлог для высылки, — говорил нам В. Г. — Меня могли бы выслать за мои убеждения, но официальный предлог высылки — невозможность будто бы ругаться за спокойствие в губернии. Между тем, вся моя деятельность как пропагандиста в Тульской губернии выразилась лишь в том, что под моим влиянием распалось несколько крестьянских революционных кружков».

Письмо С. А. Толстой, о котором упоминает Сухотин, — письмо от 6 марта в редакцию газет с протестом против высылки Черткова; было напечатано в «Голосе Москвы» (1909, № 57, от 11 марта), в «Русских ведомостях» (1909, № 58, от 12 марта) и в ряде других газет.

¹⁵⁹ Сухотин говорит о статьях-письмах Толстого: «Письмо студенту о „праве“» (ответ студенту Петербургского университета Ис. Крутику, написавшему Толстому 14 апреля 1909 г. под впечатлением от книги Л. И. Петражицкого «Теория права») и «О воспитании» (ответ на письмо В. Ф. Булгакова, в котором последний спрашивал Толстого о его взглядах на образование). «Письмо студенту о „праве“», над которым Толстой работал с 18 по 28 апреля 1909 г., впервые было напечатано в «Journal Franco-Russe» (Женева), 1910, №№ 26 и 27, от 9 и 16 января. «О воспитании» (11 апреля — 1 мая 1909) появилось впервые в журнале «Свободное воспитание», 1909—1910, № 2 — с цензурными пропусками (см. т. 38, с. 54—69, 500—506).

¹⁶⁰ О редстокизме — см. прим. 80.

¹⁶¹ Т. Л. Сухотина ездила в Петербург просить Столыпина об отмене высылки Черткова (выехала 30 апреля 1909 г., вернулась в Ясную Поляну 3 мая). Сухотин записывает в дневнике 7 мая 1909 г.: «Таня ездила в Петербург выхлопывать у Столыпина возвращение Черткова. Была немедленно принята премьером, по, я думаю, особым результатам от этой поездки не окажется. Столыпин правильно заметил: „Поверьте мне, такого человека, как Чертков, ни в одном государстве не стали бы терпеть“» (ср. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Запись от 3 мая 1909 г. — А Т).

¹⁶² Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) — государственный деятель царской России, с именем которого связан период жесточайшей политической реакции; с 1906 г. — министр внутренних дел и председатель Совета министров.

¹⁶³ Мария Александровна Шмидт (1843—1911) — знакомая Толстого с 1884 г. См. о ней «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт». М., 1929.

¹⁶⁴ Автограф повести «Дьявол» хранился у матери Черткова Е. И. Чертковой в Петербурге.

¹⁶⁵ Повесть «Дьявол» была написана Толстым одновременно с «Крейперовой сонатой». Она была начата 10 ноября и закончена 19 ноября 1889 г. (т. 27). Назначение повести было дидактическое: показать молодежи, в какое безвыходное положение

ставит человека страсть, если он вовремя не обуздает ее в себе. Материалом для рассказа об отношении героя повести Иртенева к Степаниде до его женитьбы послужило для Толстого воспоминание об его отношении до женитьбы к крестьянке Акинине Аникиной (см. дневник с 1858 по 1860 г.). Материалом для истории отношения Иртенева к Степаниде после его женитьбы — послужило событие из жизни судебного следователя Н. Н. Фридрихса. Толстой в записях дневника от 10—24 ноября неизменно называл начатую повесть, впоследствии названную «Дьявол», «историей Фридрихса» или «Фредерикса» (см. т. 50, с. 177—184).

О чтении Софьей Андреевной повести «Дьявол» Толстой записал в дневнике 13 мая 1909 г.: «За завтраком С(оня) б(ыла) ужасна. Оказывается, она читала „Дьявол“ и в ней поднялись старые дрожжи, и мне б(ыло) оч(ень) тяжело. Ушел в сад. Начал писать письмо ей, то, ч(то) отдал после смерти, но не дописал, бросил <...> Потом, в четыре часа она все высказала, и я, слава богу, смягчил ее и сам расплакался, и обоим стало хорошо» (т. 57, с. 66).

¹⁶⁶ Замечания Сухотина относятся к статье Толстого «Неизбежный переворот», опубликованной 5 июля 1909 г. (т. 38, с. 72—99, 509—512) и интересны тем, что раскрывают запись в дневнике Толстого от 25 мая 1909 г.: «Дома М(ихаил) С(ергеевич), дал ему прочесть Неизб(ежный) Пер(еворот). Он сделал верные замечания» (т. 57, с. 73).

¹⁶⁷ Анна Егоровна — местная крестьянка.

¹⁶⁸ Цитата из экспромта «Для твоего поэта...», долгое время приписывавшегося Пушкину.

¹⁶⁹ Когда Толстой уезжал из Москвы (19 сентября 1909 г.), провожать писателя на Курский вокзал собралась огромная масса народа, была устроена овация.

¹⁷⁰ Очерк «Сон» является заключением к написанному Толстым в 1909—1910 гг. художественному произведению «Три дня в деревне». Здесь Толстой рассказывает действительно виденный им сон: его старый знакомый, учитель Орлов, в гостях у богатой помещицы отвечал гостю — помещику, жаловавшемуся на то, что у него крестьяне воровали дубы в лесу. Орлов говорил: «Да ведь, если бы они взяли не дубы, а унесли все, что есть здесь в этом доме, то они взяли бы только свое, только все, то, что они и их братья, но уже никак не вы, сделали <...> Да ведь вы у них веками похищали не дубы, а жизни, жизни их детей, женщин, стариков, чахнувших и не доживающих естественный срок жизни...» (т. 38, с. 24).

¹⁷¹ Сухотин писал П. А. Сергеевко, готовившему юбилейный толстовский альманах, о своей статье «Киевское шоссе» и о неодобрении ее Чертковым. Сергеевко передал это письмо Черткову, что вызвало недовольство Сухотина.

¹⁷² Сообщение Сухотина о том, что Толстой «не исполнил» своего обещания написать предисловие к сочинениям А. И. Эртеля, — неверно. 4 декабря 1908 г. Толстой написал предисловие к лучшему произведению Эртеля — роману «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (т. 37, с. 243—244). Напечатано впервые: Собр. соч. А. И. Эртеля, т. V. М., 1909, стр. 7—8.

¹⁷³ М. Левин (р. 1860) — корреспондент норвежской газеты «Morgenbladet».

¹⁷⁴ По сообщениям газет, международный конгресс мира был перенесен на 1910 г. из-за всеобщей забастовки в Швеции. Рассказы Левина, о которых говорит Сухотин, подтверждают предположение Толстого (см. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого). Запись от 6(?) августа 1909 г.-АТ) о том, что в этой отсрочке сыграло свою роль и его намерение приехать на конгресс, беспокоившее президиум конгресса, состоявшего из людей, очень умеренных по своим взглядам.

¹⁷⁵ Барон Д'Эстурнель де Констан (D'Estournelles de Constant) — президент французского межпарламентского союза, глава французской парламентской делегации, находившейся в России с 4 по 13 февраля 1910 г., активный сторонник франко-русского союза. 9 февраля послал Толстому приветственную телеграмму (АТ), на которую Толстой ответил 11 февраля (т. 81, с. 95). Сухотин имеет в виду заявление Д'Эстурнеля о том, что он не может «следовать учению Толстого», в речи «Патриотизм и мир», произнесенной им 11 февраля в Москве (см. «Новое время», 1910, № 12185, от 12 февраля).

¹⁷⁶ Владимир Германович Молоствов (1859—1918) — близкий знакомый Толстого, казанский помещик, много путешествовал по Востоку, был инструктором в болгарской армии. Его жена Елизавета Владимировна Молостова (рожд. Бер) (1873—1936), разделявшая взгляды Толстого, с которым начала переписываться в 1904 г., несколько раз была в Ясной Поляне.

¹⁷⁷ Секрет, который не хотел открыть В. Ф. Булгаков, состоял в том, что Толстым в то время было получено письмо от киевского студента Б. С. Манджоса, умолявшего Толстого отказаться от графства, раздать все имущество, уйти из дома и нищим пробираться из города в город. Ответ Толстого Манджосу напечатан в т. 81, с. 104 (ср. также В. Ф. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960, стр. 105—106).

¹⁷⁸ Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман) (1866—1938) — писатель, литературный критик, философ-идеалист, впоследствии эмигрант. О его посещении Толстой записал в дневнике: «Приехал Шестов. Мало интересен — „литератор“ и никак

не философ» (т. 58, с. 21). Упоминаемая Сухотиным книга Шестова о Толстом — «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше. Философия и проповедь». СПб., 1907.

¹⁷⁹ Владимир Петрович *Глебов* (1848—1926) — тульский помещик, был женат на Софье Николаевне Трубецкой (р. 1854). Их дочь, Александра Владимировна (р. 1880) была замужем за Михаилом Львовичем Толстым, сыном Толстого.

¹⁸⁰ Организованная М. А. Стаховичем выставка была открыта в Петербурге 15 марта 1909 г.

¹⁸¹ Переписка Толстого с А. А. Толстой была опубликована в 1911 г. («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». СПб., 1911).

¹⁸² П. А. Сергеевко. Сократ. Драматическая хроника в 4-х действиях. М., 1902.

¹⁸³ Фет посвятил С. А. Толстой ряд стихотворений: «Когда так нежно расточала...» (1866; в нем встречаются упоминаемые слова «звезда и роза»), «Когда стопой слегка усталой...» (11 декабря 1884), «К портрету графини С. А. Толстой» (27 апреля 1885), «Я не у вас, я обделен!..» (28 мая 1886).

¹⁸⁴ Арвид Александрович *Ернефельт* (Arvid Järnefelt) (1861—1933) — финский писатель, разделявший взгляды Толстого. Перевел на финский язык «Воскресение», «Посмертные художественные произведения» и некоторые статьи Толстого. Переписывался с Толстым с 1895 г. (переписка опубликована в книге Ернефельта «Мое пробуждение». М., 1921). Был у Толстого в 1899 и 1910 гг. Последнее его посещение, о котором говорит Сухотин, описано в дневнике В. Ф. Булгакова и в письме Ернефельта к Черткову (т. 58, с. 345—346).

¹⁸⁵ Иван Иванович *Горбунов* (Горбунов-Посадов) (1864—1940) — единомышленник Толстого; с 1897 г. — руководитель издательства «Посредник».

¹⁸⁶ Статья Короленко «Бытовое явление. (Заметки публициста о смертной казни)» была опубликована в «Русском богатстве», 1910, №№ 3—4. По поводу этой статьи Толстой написал Короленко два письма (26—27 марта и 26 апреля 1910 г. — т. 81, с. 187—188, 251).

¹⁸⁷ Федор Алексеевич *Страхов* (1861—1923) — философ, единомышленник Толстого.

¹⁸⁸ Томаш Гарриг *Масарик* (Thomas Garigue Masaryk) (1850—1937) в 1882—1914 гг. был профессором философии Пражского университета; впоследствии — президент Чехословакии. В Ясной Поляне был два раза: в апреле 1888 г. и 29—30 марта 1910 г. О его беседе с Толстым см. в «Яснополянских записках» Маковицкого, записи от 29—31 марта 1910 г. (АТ).

¹⁸⁹ Александр Михайлович *Добролюбов* (р. 1876) — поэт, в первых сборниках своих стихов близкий к символистам. Оставил университет и стал послушником в Соловецком монастыре, затем много странствовал по России. Проповедовал опрощение, отказ от военной службы, непротивление. С Толстым познакомился в 1903 г.

¹⁹⁰ Толстой заезжал к Абрикосовым на их хутор Затишье.